

Русская политика въ Царствѣ Польскомъ до 1863 года.

I.

Раздѣлы Польши явились, какъ извѣстно теперь, результатомъ крупной дипломатической побѣды, одержанной Фридрихомъ Великимъ надъ Екатериной II, благодаря какъ чрезвычайно благоприятно сложившимся для Пруссіи обстоятельствамъ, такъ и замѣчательному дипломатическому таланту Фридриха, обезпечившему успѣхъ прусской политики на нѣсколько лѣтъ и послѣ его смерти ¹⁾. Россія по тремъ раздѣламъ получила тѣ самыя области, изъ-за которыхъ она вела съ Польшей многолѣтнюю и когда-то очень опасную и изнурительную борьбу. Въ областяхъ этихъ не было коренного польскаго населенія, и польскимъ или ополяченнымъ элементомъ въ нихъ являлся лишь верхній слой общества—шляхта, да кое-гдѣ польское католическое духовенство. Если бы Екатерина просто завоевала всѣ эти области, то Польша, въ своихъ этнографическихъ границахъ, могла бы существовать и долѣе, совершивъ, конечно, необходимыя преобразования своего внутренняго быта, а Россія имѣла бы всѣ основанія поддерживать ея независимость и самостоятельность противъ всякихъ покушеній со стороны западныхъ ея сосѣдей, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ захвату остальныхъ чисто-польскихъ земель. Но обстоятельства сложились иначе: они сложились именно такъ, какъ это было нужно съ

¹⁾ Основныя пособія для изученія истории раздѣловъ Польши указаны и разобраны въ извѣстной книгѣ *Н. И. Каръева*: „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“, Спб., 1889 г. Съ тѣхъ поръ въ польской литературѣ явились: *Smoleńskiego*: „Ostatni rok Sejmu Wielkiego“ (служащее окончаніемъ труда *Калинки*: „Sejm Czteroletni“). W., 1896. *Askenazy*: „Przymierze polsko-pruskie“. W., 1900. *Kraushar*: „Książę Repnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta“. 2 t. 1898 и *М. Ен-биенска*: „Sprawa dysydencka“. 1911. Въ русской литературѣ попрежнему являются важнѣйшими сочиненіями по этому вопросу извѣстные труды *С. М. Соловьева* и *Н. И. Костомарова*.

точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ не Россіи и Польши, а прусской монархіи.

Поляки передъ окончательнымъ паденіемъ польскаго государства сознали невозможность и злобредность того социальнаго-политическаго строя, который подготовилъ паденіе „Речи посполитой“, и дѣлали между I и II раздѣлами героическія попытки коренныхъ преобразованій своего государственнаго, а отчасти и социальнаго строя. Но попытки эти оказались запоздалыми и не могли уже спасти древней польской республики отъ прочно подготовленной внутренними и внѣшними причинами ея гибели. Впрочемъ, даже и въ роковой часъ окончательной гибели государства огромное большинство шляхты вовсе не было расположено къ той главнѣйшей реформѣ внутренняго своего быта,—къ коренной крестьянской реформѣ,—которая одна могла спасти Польшу, выведя на историческую арену освобожденныхъ отъ рабства и надѣленныхъ землей народныхъ массы. Значеніе этой реформы понимали въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ лишь немногія отдѣльныя лица; а сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію осмѣлился лишь великій вождь польскаго народа, Өаддей Костюшко, въ томъ поланецкомъ „универсалѣ“, который онъ издалъ уже въ моментъ послѣдней, смертельной борьбы.

Старое польское государство погибло, а народъ польскій остался, хотя и подѣленный на части, но все же живой и, какъ оказалось, способный къ дальнѣйшему культурному развитію и росту. Надолго однако же традиціи шляхетской республики остались въ умахъ польскаго шляхетскаго общества единственнымъ стимуломъ и основаніемъ общественно-политической дѣятельности и политической мысли. Застарѣлыя язвы и злоупотребленія погибшей республики забылись, а легенда о старомъ блескѣ, могуществѣ и былыхъ доблестяхъ вольныхъ сыновъ „Речи посполитой“ росла и украшалась, маня мечты и возбуждая патриотическія чувства новыхъ поколѣній. Задача возстановленія погибшаго государства сдѣлалась для нихъ господствующей и священной идеей,—единственной нравственной цѣлью ихъ существованія. И вотъ за возстановленіе Польши начинается вѣковая борьба, къ развязкѣ которой мы, можетъ быть, теперь приближаемся. Естественно, что при данныхъ условіяхъ, затруднявшихъ для ближайшихъ послѣ раздѣла Польши поколѣній возможность свободно-критически разобратся и ориентироваться въ совершившихся грозныхъ событіяхъ, цѣль борьбы сводилась къ возстановленію „Исторической Польши“ въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ которыхъ она была до перваго раздѣла 1772 г. И не только сами поляки такъ понимали поставленную предъ ними историческую задачу. Такъ ее понимали и всѣ сочувствовавшіе имъ современники раздѣловъ вплоть до императора Александра I, относившагося, какъ извѣстно, съ открытымъ осужденіемъ къ этому дѣлу своей бабки. Прак-

тическая возможность поправить допущенную по отношенію къ полякамъ несправедливость и пойти навстрѣчу мечтаніямъ и надеждамъ польскихъ патриотовъ для Александра явилась вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ. Но еще прежде, чѣмъ приступить къ этой мисси въ области международной политики, Александръ приступилъ къ подготовительнымъ мѣрамъ въ этомъ направленіи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Съ самаго начала у него оказался въ этомъ дѣлѣ сподвижникъ, а отчасти и инспириаторъ, въ высокой степени одаренный и превосходно къ этой роли подготовленный. Это былъ одинъ изъ его личныхъ „друзей“, молодой кн. Адамъ Чарторыйскій, привезенный въ Петербургъ въ 1795 г. въ качествѣ заложника, но вскорѣ назначенный Екатериной къ Александру Павловичу въ адъютанты. Впрочемъ, уже и Павелъ I тотчасъ же по вступленіи на престолъ показалъ свое несочувствіе къ польской политикѣ Екатерины и свое благорасположеніе къ полякамъ. Онъ показалъ это не только тѣмъ, что съ почетомъ отпустилъ изъ плѣна Костюшку со всѣми его сослуживцами, но и тѣмъ, что приказалъ уничтожить въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ всѣ заведенные въ нихъ Екатериною русскіе порядки и возстановить прежнія польскія учрежденія—судебныя и административныя. Чарторыйскій, сдѣлавшись по воцареніи Александра членомъ такъ называемаго неофициальнаго комитета, въ которомъ Александръ обсуждалъ всѣ предполагаемыя въ Россіи реформы, сдѣланъ былъ также, какъ только образованы были—по его же плану—министерства въ концѣ 1802 г., товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и въ то же время попечителемъ виленскаго учебнаго округа, а въ составъ этого послѣдняго введены были всѣ губерніи, присоединенныя къ Россіи по тремъ раздѣламъ отъ „Речи посполитой“. Здѣсь онъ приступилъ совершенно открыто къ дѣятельному насажденію польской культуры при помощи основаннаго въ Вильнѣ польскаго университета,—а позднѣе и кременецкаго лицея,—и хорошо подобранныхъ сотрудниковъ духовныхъ и свѣтскихъ. Дѣятельность эта, продолжавшаяся 20 лѣтъ (1803—1823), принесла обильные плоды, дающіе основаніе изслѣдователямъ истории этого края признать, что никогда, даже во времена „Речи посполитой“, онъ не подвергался столь систематической и умѣлой колонизаціи, какъ подвергся въ эти годы благодаря Чарторыйскому и его сотрудникамъ. Возможность дальнѣйшихъ шаговъ—уже въ области международныхъ отношеній—представилась Александру и Чарторыйскому въ 1805 году, когда Александръ сталъ во главѣ новой коалиціи противъ Наполеона и дѣятельно готовился къ борьбѣ съ нимъ. Чарторыйскій, уже управлявшій въ это время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (послѣ удаленія на покой престарѣлаго канцлера гр. А. Р. Воронцова) и не скрывавшій отъ Александра своего стремленія служить главнымъ образомъ польскимъ ин-

тересамъ, старался въ своихъ докладахъ обосновать и самую войну противъ Наполеона такъ, чтобы связать съ ней польскій вопросъ. Именно въ этихъ видахъ онъ доказывалъ, что для того, чтобы побѣдить Наполеона, уже составившаго себѣ тогда репутацію непобѣдимости, надо поднять противъ него и имѣть за себя не только союзныя армии, но и національныя чувства народовъ, права которыхъ нарушены въ новѣйшія времена. Съ своей стороны Александръ открыто выказывалъ себя другомъ поляковъ и сторонникомъ возстановленія польскаго государства, подъ своимъ, правда, скипетромъ. Приѣхавъ, на пути своемъ къ армии, въ имѣніе Чарторыйскихъ Пулавы (нынѣшняя Ново-Александрія Люблинской губ.), онъ провель тамъ двѣ недѣли, охотно принимая стѣзжавшихся со всѣхъ сторонъ польскихъ патриотовъ и обвороживъ ихъ своимъ обхожденіемъ. Въ концѣ его пребыванія въ Пулавахъ было уже почти рѣшено, что онъ немедленно объявитъ себя королемъ польскимъ и начнетъ войну противъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, не рѣшавшагося вступить въ основанную Александромъ и Англіей коалицію противъ Наполеона и отказывавшагося пропустить русскія войска черезъ свою территорию. Слухи о предпринимаемомъ Александромъ возстановленіи Польши до того распространились въ это время, что о нихъ говорили открыто варшавскія торговки на рынкѣ, грозя скорымъ приходомъ русскихъ войскъ придиравшимся къ нимъ прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ. Но именно прикосновенность къ этому дѣлу прусскаго короля разрушила неожиданно всѣ надежды и упованія польскаго общества. Оказалось, что для Александра въ тотъ моментъ польскіе интересы имѣли все же второстепенное значеніе въ сравненіи съ задачей остановить растущее могущество Наполеона и нанести ему достаточно сильный ударъ, а для этого надо было не воевать съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, а, наоборотъ, во что бы то ни стало присоединить его къ своей коалиціи. Наполеонъ облегчилъ Фридриху-Вильгельму выходъ изъ колебательнаго положенія, грубо нарушивъ съ своей стороны нейтралитетъ прусскаго королевства проводомъ своихъ войскъ безъ всякаго разрѣшенія черезъ прусское владѣніе Анспахъ. Оскорбленный прусскій король тотчасъ же разрѣшилъ и Александру провести свои войска черезъ прусскія владѣнія и заключилъ съ нимъ союзъ, скрѣпленный тогда же клятвой въ вѣчной дружбѣ обоихъ на гробѣ Фридриха II, послѣ чего, конечно, не могло уже быть рѣчи объ отобраніи у Пруссіи полученныхъ ею польскихъ областей, и вопросъ о возстановленіи Польши отодвинулся въ туманное будущее. Поляки были глубоко разочарованы, Чарторыйскій подалъ въ отставку (изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, сохранивъ за собой попечительство въ Вильнѣ до 1823 года), а Александръ вскорѣ долженъ былъ пожать плоды своего некорректнаго въ отношеніи поляковъ и легкомысленнаго въ

сущности поведения. Въ концѣ слѣдующаго 1806 года, когда, послѣ Аустерлицкаго пораженія и послѣдовавшаго затѣмъ разгрома Пруссии, Александру пришлось на поляхъ Польши одинъ на одинъ встрѣтиться съ войскомъ Наполеона, поляки всѣ свои надежды уже возлагали на этого послѣдняго, и Наполеонъ ловко воспользовался преимуществомъ новаго своего положенія, хотя и воздерживался отъ всякихъ прямыхъ обѣщаній полякамъ. Въ 1807 г. по Тильзитскому договору Наполеонъ образовалъ подъ своимъ личнымъ протекторатомъ изъ большей части польскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Пруссии, особое Варшавское герцогство съ королемъ саксонскимъ Фридрихомъ-Августомъ во главѣ ¹⁾. Для Наполеона образование этого полунезависимаго герцогства имѣло главнымъ образомъ военное и стратегическое значеніе, потому что онъ получалъ возможность пользоваться его военными ресурсами и вмѣстѣ приобреталъ въ немъ весьма важный военный передовой и наблюдательный постъ на самой границѣ Россіи. Въ то же время герцогство это могло послужить при случаѣ зерномъ будущаго польскаго государства въ широкихъ размѣрахъ, если бы Наполеонъ призналъ такое возстановленіе Польши полезнымъ въ своихъ интересахъ впоследствии. Возможность и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, желательность такого исхода польскаго вопроса онъ вовсе не игнорировалъ, серьезно помышляя о томъ, что, можетъ быть, придется впоследствии отбросить Россію за Днѣпръ и Западную Двицу, если Александръ окажется ненадежнымъ и непокорнымъ союзникомъ ²⁾. И конечно, если бы Наполеонъ не сдѣлалъ въ 1812 г. тѣхъ ошибокъ, которыя погубили его армию въ Россіи, а ограничился бы для перваго года войны съ Россіей завоеваніемъ присоединенныхъ отъ Польши губерній и прочнымъ утвержденіемъ въ нихъ своего управленія, положеніе Россіи сдѣлалось бы очень тяжелымъ и даже, можетъ быть, на долгое время безвыходнымъ. Къ счастью для насъ, онъ увлекся тогда иными, болѣе смѣлыми планами и этимъ обезпечилъ быстрое торжество Александра въ 1812 г.

¹⁾ Фридрихъ-Августъ былъ внукомъ польскаго короля Августа III (сына Августа II) изъ саксонской династии, и когда въ 1791 г. по конституции, принятой четырехлѣтнимъ сеймомъ, установлена была въ Польшѣ наследственная монархія, то въ преемники бездѣтному Станиславу-Августу Понятовскому былъ избранъ именно Фридрихъ-Августъ. Поэтому назначеніемъ его въ варшавские герцоги (въ 1807 г.) Наполеонъ очень угождалъ тогдашнему польскому обществу. Историки польскіе и въ настоящее время чтутъ его, какъ послѣдняго, свободно избраннаго короля польскаго и къ имени его проявляютъ поэтому особую симпатію. Срав. *Prof. Anatol Lewicki: „Zarys Historji polskiej aż-do najpowszych czasów“*. W., 1913 (5-ое изданіе).

²⁾ Извѣстенъ секретный докладъ Дюрока Наполеону, обнаруживающій эти тенденціи наполеоновской дипломатіи. Докладъ этотъ былъ добытъ (очевидно, за деньги) изъ Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ русскимъ посломъ кн. Куракинымъ въ 1809 г. Онъ приводится у Богдановича въ „Исторія царствованія Александра I“, т. III, стр. 86. Копія этого доклада имѣется въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

За время своего владычества въ Польшѣ Наполеонъ чрезвычайно истощилъ этотъ край въ матеріальномъ отношеніи—огромнымъ количествомъ людей, которыхъ онъ взялъ въ свои арміи, и континентальной системой, которая лишила Польшу на все это время всякой заграничной торговли. Но онъ успѣлъ дать этому краю три важныхъ учрежденія: 1) конституціонное устройство, хотя и съ очень скромными правами, 2) гражданскій кодексъ, который очень быстро привился къ этому краю, и 3) личное освобожденіе крестьянъ, но безъ земли и даже безъ всякихъ правъ на жилище и сельскохозяйственный инвентарь.

Въ 1809 г., послѣ разгрома Австріи при дѣятельномъ участіи польской арміи кн. Юсіфа Понятовскаго, Наполеонъ увеличилъ предѣлы герцогства присоединеніемъ къ нему отвоеванной отъ Австріи области между Пилицей, среднимъ теченіемъ Вислы и Западнымъ Бугомъ ¹⁾). Въ этомъ составѣ, послѣ пораженія Наполеона въ Россіи, варшавское герцогство занято было русскими войсками въ началѣ 1813 г. Александръ не только не сталъ при этомъ мстить тѣмъ полякамъ, которые входили въ составъ герцогства, но далъ полную амнистию и тѣмъ своихъ подданнымъ польскаго происхожденія изъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, которые пристали къ войскамъ Наполеона. При такихъ условіяхъ полякамъ вновь пришлось перенести на Александра всѣ свои надежды и упованія. Чарторыйскій въ этотъ моментъ попытался даже поставить вопросъ о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. не подъ скипетромъ Александра, а совершенно отдѣльно отъ Россіи, съ тѣмъ, чтобы королемъ польскимъ былъ объявленъ младшій братъ Александра Михаилъ Павловичъ. На это Александръ отвѣчалъ, что, продолжая желать возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., слѣдовательно со включеніемъ присоединенныхъ къ Россіи старыхъ русскихъ губерній, онъ считаетъ, что психологически невозможно убѣдить даже наиболѣе благоприятно настроенныхъ въ отношеніи поляковъ людей въ Россіи въ допустимости такой комбинаціи, если возстановленная Польша не будетъ соединена съ Россіей въ лицѣ общаго для обѣихъ монарха. Чарторыйскій на это, разумѣется, не могъ ничего возразить, и съ этими намѣреніями Александръ явился, послѣ изложенія Наполеона, на вѣнскій конгрессъ, предварительно обезпечивъ себѣ согласіе прусскаго короля не требовать назадъ отобранныхъ у него въ 1807 г. польскихъ провинцій, а взамѣнъ ихъ получить большую часть саксонской территоріи; саксонскаго же короля Александръ предположилъ вовсе лишить королевства за то, что тотъ, сохраняя до конца вѣрность Наполеону, являлся такимъ образомъ измѣнникомъ интересамъ своего германскаго отечества. Планъ Александра не могъ однако же пройти на вѣнскомъ кон-

¹⁾ Нынѣшнія губерніи: Радомская, Кѣлецкая, Люблинская и Холмская.

грессѣ гладко. Его считалъ зловреднымъ „якобинскимъ“ планомъ Меттернихъ, опасавшійся, что онъ подготовитъ отторженіе впоследствии и отъ Австріи оставшейся въ ея власти Галиціи, несмотря на то, что Александръ готовъ былъ возвратитъ Австріи даже прирѣзанный къ Россіи Наполеономъ въ 1809 г. кусокъ этой страны. — такъ называемую тарнопольскую область,—и вовсе не требовалъ, видя настроеніе Меттерниха, уступки Галиціи. Противъ плана Александра рѣшительно выступилъ съ самаго же начала и англійскій представитель, лордъ Кэстльри, опасавшійся чрезвычайнаго усиленія Россіи отъ присоединенія къ ней территории варшавскаго герцогства, хотя бы и въ качествѣ полунезависимаго государства, соединеннаго съ Россіей лишь общимъ монархомъ. И въ особенности рѣзкую оппозицію планамъ Александра, неожиданно для него, оказалъ „другъ“ его Талейранъ, увидѣвшій, съ одной стороны, легкую возможность разрушить на этомъ вопросѣ союзъ великихъ державъ, побѣдившихъ и унизившихъ Францію, а съ другой стороны, отнюдь не желавшій допустить уничтоженія Саксоніи и усиленія могущества Пруссіи. Талейрану удалось не только сговориться съ Англійей и Австріей въ дѣлѣ организаціи совмѣстной оппозиціи Александру, но и присоединитъ къ своей точкѣ зрѣнія второстепенныя нѣмецкія государства: Баварію, Гессенъ, Ганноверъ, и довести дѣло до того, что всѣ эти державы заключили между собой секретный оборонительный и наступательный союзъ противъ Александра, готовый съ нимъ воевать, если бы Александръ сталъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. И хотя Александръ упорствовалъ, ему пришлось таки послѣ долгихъ и утомительныхъ переговоровъ сдѣлать изъ своего первоначальнаго плана довольно серьезныя уступки въ отношеніи границъ будущаго царства польскаго. Онъ согласился, впрочемъ, еще раньше по договору съ прусскимъ королемъ (заключенному въ Калишѣ въ февралѣ 1813 г.) не только не требовать включенія въ составъ царства польскаго западной Пруссіи, доставшейся прусскому королевству въ 1772 г., и города Данцига, присоединеннаго къ Пруссіи въ 1793 г., а затѣмъ сдѣланнаго особымъ вольнымъ городомъ въ 1807 г., но уступить Фридриху-Вильгельму и познанскую область до р. Просны, г. Калиша и р. Дрвенца, чтобы такимъ образомъ соединить достаточно широкой полосой земли восточную и западную Пруссію съ Силезіей. Теперь Александръ долженъ былъ согласиться еще на выдѣленіе изъ территории варшавскаго герцогства городовъ Кракова и Торна, въ качествѣ особыхъ вольныхъ городовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить часть саксонскихъ владѣній за саксонскимъ королемъ, нашедшимъ себѣ сильныхъ заступниковъ въ лицѣ уполномоченныхъ Англійи и Франціи. Когда же между Фридрихомъ Вильгельмомъ и Фридрихомъ-Августомъ саксонскимъ зашелъ новый споръ изъ-за г. Лейпцига, грозившій вызвать новыя затрудненія, то Александръ

предложилъ Фридриху-Вильгельму отказаться отъ Лейпцига и взаменъ Лейпцига получить Торнъ ¹⁾.

Такъ образовано было, наконецъ, Царство Польское въ нынѣшнихъ своихъ границахъ. При этомъ въ актахъ конгресса было указано, что Царство Польское „безповоротно присоединено къ Россіи своей конституціей“, что „Е. И. В. предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльной администраціей, такое внѣшнее протяженіе, какое онъ найдетъ удобнымъ. Е. И. В. присоединитъ при этомъ къ прочимъ своимъ титуламъ титулъ царя польскаго“. Тамъ же было указано, что „поляки, подданные договаривающихся высокихъ сторонъ, получаютъ представительство и національныя учрежденія, установленныя сообразно тому роду политическаго существованія, какое каждое изъ правительствъ, которымъ они будутъ принадлежать, признаетъ полезнымъ и удобнымъ имъ предоставить“ ²⁾. На основаніи этой статьи австрійское и прусское правительства предоставили тѣмъ частямъ бывшаго польскаго государства, которыя вошли въ составъ ихъ владѣній по этому „четвертому раздѣлу Польши“,—какъ называютъ нѣкоторые польскіе историки постановленія вѣнскаго конгресса,—представительство лишь въ формѣ областныхъ земскихъ учреждений; Александръ же октроировалъ Царству Польскому особую конституцію, по которой оно признано было отдѣльнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіей въ сущности лишь личной уніей, съ особымъ конституціоннымъ правительствомъ, съ особой казною и особой арміей. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что на вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о таможенныхъ границахъ между отдѣльными частями прежней Польши подвергнутъ былъ,—повидному, по желанію Александра же,—особому обсужденію, причемъ признано было желательнымъ, въ видахъ сохраненія безпрепятственнаго общенія между частями прежней Польши, выработать специальныя льготныя таможенныя правила по особому договору между Россіей, Австріей и Пруссіей, что и было исполнено.

„Высокія договаривающіяся стороны, — гласила соответствующая

¹⁾ Въ газетѣ *Речь* за № 313 проф. Е. В. Тарле недавно приводилъ справку о томъ, какъ г. Торнъ достался Пруссіи, — справку, основанную на словахъ канцлера кн. Гарденберга, опроверженія которымъ Е. В. Тарле искалъ, по не нашелъ въ англійскихъ архивахъ, а затѣмъ уже по собственнымъ соображеніямъ связалъ уступку Торна съ помолвкой вел. кн. Николая Павловича. Но ходъ всего этого дѣла вполне выясненъ у *Соловьева* („Императоръ Александръ I. Политика—Дипломатія“, стр. 293—299), весьма точно воспроизводящаго весь ходъ переговоровъ, въ томъ числѣ и окончательное рѣшеніе Александра относительно Торна (стр. 299), на основаніи архивныхъ документовъ, обстоятельно изученныхъ Соловьевымъ.

²⁾ Договоръ 3 мая 1815 г. между Россією, Австрією и Пруссією и „Финальный актъ“ вѣнскаго конгресса 9 июня 1815 г. Справ. *Sz. Askenazy*: „Rosya-Polska 1815—1830“, стр. 63—65.

статья вѣнскихъ трактатовъ,—согласились дозволить впредь и навсегда свободное и неограниченное между всѣми ихъ польскими областями (какъ онѣ были передъ 1772 г.) обращеніе всѣхъ произведеній земли и издѣлій промышленности сихъ областей“¹⁾. Вслѣдствіе этого для выработки таможеннаго тарифа по торговлѣ Царства Польскаго съ польскими провинціями Австріи и Пруссіи, а также мѣръ по регулированію транзитной торговли была учреждена въ Варшавѣ такъ называемая трехсторонняя (trilatérale) комиссія изъ представителей трехъ державъ²⁾. Правда, тарифы, выработанные этой комиссіей, не были утверждены, и окончательныя торговыя конвенціи были выработаны новой петербургской комиссіей въ 1818 г., сильно ограничившей льготы, предложенныя варшавской комиссіей; но всетаки установленный этою послѣднею конвенціею тарифъ создалъ весьма льготное положеніе для произведеній прусскихъ частей прежней Польши. Затѣмъ 3 октября 1819 г. былъ изданъ особый указъ о сляніи Царства Польскаго и имперіи въ таможенномъ отношеніи въ одно цѣлое, создавшій въ высшей степени выгодное положеніе для польской обрабатывающей промышленности³⁾.

Всѣ эти мѣры, ярко знаменовавшія позицію, занятую Александромъ по польскому вопросу, не могли не содѣйствовать укорененію въ умахъ польскихъ патріотовъ весьма обоснованной, повидимому, надежды на то, что дѣло возстановленія ихъ родины въ границахъ, существовавшихъ если не до перваго, то, на первый разъ, хоть до втораго раздѣла, предпринятое русскимъ монархомъ, идетъ быстро на ладъ⁴⁾. Эти надежды постоянно оживлялись обѣщаніями, дававшимися Александромъ и въ личныхъ бесѣдахъ, и съ высоты трона, хотя послѣднія и были выражены въ условной и не совсѣмъ ясной формѣ⁵⁾. Еще больше эти надежды были подкрѣплены указомъ объ учрежденіи въ 1819 году отдѣльнаго литовскаго корпуса, отданнаго подъ команду вел. кн. Констан-

¹⁾ Ст. XXVIII дополн. дружеств. трактата между Россіей, Пруссіей и Австріей, отъ 12 апрѣля (3 мая) 1815 г., приложеннаго къ актамъ вѣнскаго конгресса. Въ той же статьѣ было сказано: „Для того, чтобы иностранцы (т.-е., съ одной стороны, очевидно, русские, а съ другой—пруссакіи, австрійцы, вепгерцы и проч.) не пользовались сдѣланными въ пользу жителей помянутыхъ областей уступками, постановляется, чтобы на всѣ произведенія сихъ областей, перевозимыя изъ одного государства въ другое, были представляемы свидѣтельства о ихъ происхожденіи, безъ чего оныя ввущены не будутъ“. Цитирую по книгѣ г. Лодыженскаго „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, стр. 178.

²⁾ Тамъ же, стр. 179 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 181 и слѣд.

⁴⁾ „Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais“. Томы III и IV passim. Справ. проф. *Anatol Lewicki*, назв. соч., стр. 419 и слѣд.

⁵⁾ См. въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Огинскаго извѣстную рѣчь Александра произнесенную въ 1818 г., т. IV, стр. 292.

тина Павловича, командовавшего и польской армией, причемъ въ рукахъ великаго князя соединена была и высшая власть надъ гражданской администрацией Польши и западныхъ губерній (по присвоеннымъ ему правамъ главнокомандующаго).

Однако самъ Александръ встрѣтилъ въ это время большія препятствія къ осуществленію своего первоначальнаго намѣренія объединить основанное имъ Царство Польское въ одно политическое цѣлое съ губерніями, ранѣе присоединенными отъ Польши къ Россіи. Какъ только слухи объ этомъ намѣреніи государя распространились среди русскихъ, они вызвали среди нихъ не только изумленіе и ропотъ, но и прямой отпоръ. Это отрицательное отношеніе къ польскимъ планамъ Александра было одинаково присуще какъ консервативнымъ, такъ и либеральнымъ и даже радикальнымъ кругамъ, которые—каждый по своему—обнаруживали это свое отрицаніе въ различныхъ формахъ.

Въ средѣ, близкой къ самому императору, между молодыми генералами его свиты, предполагалось подать ему особую записку, составленную М. Ѳ. Орловымъ, съ возраженіями противъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній ¹⁾. Среди военной молодежи, когда слухи объ этихъ намѣреніяхъ Александра дошли до нея въ явно преувеличенной и искаженной формѣ (въ извѣстномъ письмѣ кн. С. П. Трубецкого къ собравшимся въ Москвѣ въ 1817 г. членамъ „Союза спасенія“), то это вызвало въ ихъ средѣ такое возбужденіе, что они заговорили о цареубійствѣ, причемъ нашелся между ними экзальтированный юноша—И. Д. Якушкинъ,—который тутъ же взялъ на себя и исполненіе этого умысла и котораго не легко было потомъ болѣе трезвымъ товарищамъ убѣдить отказаться отъ осуществленія своего плана ²⁾. Такъ выражали свое недовольство либерально и радикально настроенные военные. Не менѣе рѣзко и сильно, хотя и въ совершенно иной формѣ, протестовалъ противъ него консервативно настроенный исторіографъ Н. М. Карамзинъ, подавшій Александру въ 1819 г. свою знаменитую записку, въ которой онъ рѣшительно отвергалъ право самодержавнаго монарха распоряжаться русскими землями, какъ своею частною собственностью ³⁾. Извѣстно, что Александръ остался очень недоволенъ попыткой Орлова и даже не принялъ составленной имъ записки; извѣстно, что онъ рѣзко спорилъ съ Карамзинымъ и чуть не

¹⁾ Самъ Орловъ упоминаетъ объ этомъ въ показаніи своемъ, написанномъ по требованію императора Николая I въ 1826 г. (См. изданіе *Н. В. Доснаромъ-Запольскимъ* „Мемуары декабристовъ“. Кіевъ, 1906 г., стр. 3.

²⁾ „Записки *И. Д. Якушкина*“. М., 1905 г., стр. 14.

³⁾ „Мнѣніе русскаго гражданина“ въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепискѣ *Н. М. Карамзина*“, ч. I, Спб., 1862 г., стр. 1—8.

разсори́лся съ нимъ на этомъ вопросѣ ¹⁾, но несомнѣнно доходивше до него слухи объ общественномъ мнѣнii насчетъ затѣваемой имъ реставраціи польскаго государства въ предѣлахъ 1772 года заставили его отложить, а потомъ и вовсе оставить первоначальное свое намѣреніе ²⁾. Между тѣмъ поляки съ нетерпѣніемъ ждали его осуществленія. Поляки, т.-е. члены шляхетскаго сословія, которые попрежнему составляли все польское общество, смотрѣли на образованіе Царства Польскаго въ границахъ, установленныхъ послѣ вѣнскаго конгресса, лишь какъ на первый шагъ по пути къ возстановленію прежняго польскаго государства. Отсрочка, а тѣмъ болѣе отказъ отъ выполненія этого обѣщанія Александра волновали и возмущали ихъ, несомнѣнно, гораздо болѣе, нежели тѣ, весьма серьезныя, нарушенія конституціи и конституционныхъ порядковъ, которыя допускались со стороны правительства. Одинъ изъ вліятельныхъ участниковъ возстанія 1830 г., Морицъ Мохнадкій, не отрицалъ, что Польша въ эпоху 1815—1830 гг. благоденствовала по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи подъ скипетромъ русскаго императора, несмотря на частичныя нарушенія конституціи, и ставилъ себѣ слѣдующій вопросъ: „если бы даже русскіе святѣйшимъ образомъ соблюдали конституционное учрежденіе въ Царствѣ Польскомъ, то полное его развитіе не привело ли бы еще скорѣе къ возстанію, нежели его ограниченіе?“ „Революція,—писалъ онъ далѣе,—лежала въ основаніи самого учрежденія царства, и русскіе государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой причинѣ я не вывожу революцію изъ недостатковъ правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, если бы мы были независимы“. Это замѣчательное въ устахъ революціонера признаніе онъ пояснялъ такъ: „Царство Польское, основанное конгрессомъ, было только частицею общаго національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи постольку лишь имѣли значеніе, поскольку они доставляли возможность закон-

1) Тамъ же, стр. 9. Въ замѣткѣ къ „Мнѣнію русскаго гражданина“, написанной „для потомства“ 29 декабря 1819 г.—а самая записка помѣчена 17 октября того же года—сказано: „...Мы душею разстались кажется на вѣки...“, затѣмъ приведены и отдѣльныя выраженія разговора съ государемъ, изъ которыхъ видна степень раздраженія, до какой дошли разговаривавше.

2) Въ концѣ-копцовъ Александръ не только не присоединилъ къ Царству Польскому западныхъ украинскихъ, бѣлорусскихъ или хоть однихъ литовскихъ губерній, но онъ даже не включилъ въ территорію царства и ту бѣлостокскую область, которая была присоединена къ Россіи изъ состава прусской Польши въ 1807 г. по тильзитскому договору. Область эта состоитъ изъ трехъ уѣздовъ нынѣшней Гродненской губерніи (Сокольскаго, Бѣлостокскаго и Бѣльскаго) и населена въ вѣкоторой (хотя вовсе не въ ббльшей) своей части поляками.

нымъ путемъ выказывать оппозицію главнымъ врагамъ польскаго имени“¹⁾).

Единственно возможнымъ путемъ къ удовлетворенію стремлений тогдашняго польскаго общества могъ быть только путь, избранный первоначально Александромъ (при несомнѣнномъ участіи Чарторыйскаго), но затѣмъ имъ оставленный, подъ влияніемъ опасенія серьезнаго разлада съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Вѣдь Александръ,—хотя, можетъ быть, и не очень сознательно,—замышлялъ въ 1814 г. возстановленіе именно той самой шляхетской Польши, которая уничтожена была тремя раздѣлами XVIII вѣка. Замѣчательно, что при этомъ онъ не обратилъ даже достаточнаго вниманія на содержаніе того извѣстнаго письма Костюшки, которое ему адресовалъ тогда великій патріотъ польскій. Въ этомъ письмѣ Костюшко совѣтовалъ Александру объявить себя королемъ польскимъ и приступить тотчасъ къ освобожденію крестьянъ съ землей и къ открытію для нихъ казенныхъ школъ²⁾. Изъ этого письма видно, что для Костюшки его идеи въ области крестьянскаго вопроса, выраженные имъ когда-то такъ ярко въ поланецкомъ универсалѣ, являлись вовсе не формой демагоги, а составляли нѣчто весьма продуманное. Совѣтъ, данный имъ въ этомъ случаѣ Александру, показываетъ, что Костюшка понималъ, при какихъ условіяхъ можетъ послѣдовать дѣйствительное возрожденіе польскаго народа. Но Александръ, повидимому, обратилъ вниманіе только на первый изъ двухъ данныхъ ему совѣтовъ и совершенно не оцѣнилъ второго. Конечно, конституцію 1815 г. не Александръ составлялъ,—онъ предоставилъ это дѣло комиссіи, въ которую входили самые блестяще представители польской аристократіи, и онъ допустилъ, повидимому, опять-таки по невѣдѣнію,—ибо онъ никогда не былъ по взглядамъ и симпатіямъ своимъ сторонникомъ дворянскихъ тенденцій,—что конституція эта обезпечила въ Царствѣ Польскомъ шляхетскій режимъ. Изъ 121 члена нижней палаты 71 избирались землевладѣльцами и только 50 городскими плательщиками налоговъ; крестьяне же, хотя они и были номинально освобождены отъ крѣпостнаго права декретомъ варшавскаго герцога въ 1807 г., никакого участія въ законодательствѣ и даже въ администраціи страны по конституціи 1815 г. не получили. И обстоятельства эти ярко отразились и на законахъ, принятыхъ первымъ же сеймомъ Царства Польскаго. Въ числѣ ихъ былъ важный законъ о гминахъ, возстановившій въ Польшѣ въ полномъ объемѣ вотчинную власть помѣщиковъ.

¹⁾ Цитирую по книгѣ Ф. Смита: „Исторія польскаго восстанія и войны 1830—1831 годовъ“, т. I, стр. 75.

²⁾ Это замѣчательное письмо воспроизведено въ IV томѣ мемуаровъ М. Огинскаго, стр. 174.

Въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ (1815—1830 гг.) пышнымъ цвѣтомъ развилась молодая, только что зародившаяся польская промышленность, благодаря чрезвычайно благоприятнымъ условиямъ внѣшняго рынка и разумной экономической политикѣ талантливаго министра финансовъ кн. Ксаверія Любецкаго ¹⁾. Но замѣчательно, что всѣ лица недворянскаго происхожденія, чѣмъ-либо отличившіяся на промышленномъ поприщѣ или въ сферѣ искусствъ, наукъ и либеральныхъ профессій, тотчасъ же зачислялись, согласно конституціи, въ шляхетское сословіе. Это постановленіе, повидимому, направленное на изменение состава самой шляхты и потому имѣвшее какъ будто своеобразный демократическій характеръ, имѣло однако и другую сторону, на практикѣ оказавшуюся гораздо болѣе важной,—именно ту, что всѣ представители молодой нарождающейся буржуазіи въ Польшѣ не становились, какъ въ другихъ странахъ, антагонистами дворянства, а, наоборотъ, спѣшили пополнить его ряды и приобщались невольно къ его міровоззрѣнію, усваивали его идеологию и вмѣстѣ съ тѣмъ и его преклоненіе передъ легендой о славномъ и величественномъ прошломъ шляхетской республики. При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что въ обществѣ польскомъ ни у кого не могло возникнуть ни малѣйшихъ сомнѣній насчетъ правильности его иритязаній на присоединеніе къ Польшѣ отторгнутыхъ отъ нея украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній. Мысль о томъ, что въ этихъ губерніяхъ болѣе 90% жителей были отнюдь не поляки и что поляки составляли въ нихъ лишь очень тонкій слой, ни для кого изъ поляковъ не являлась тогда аргументомъ въ пользу отказа отъ этихъ губерній, ибо единственными представителями культуры являлись и тамъ поляки, а туземное населеніе—крестьяне—попрежнему совершенно серьезно считалось не имѣющимъ и не заслуживающимъ никакихъ правъ на самостоятельное и независимое отъ шляхты существованіе.

Понятно поэтому, что когда на второмъ сеймѣ 1820 г. окончательно выяснилось, что Александръ оставилъ свое намѣреніе возстановить или содѣйствовать возстановленію Польши въ границахъ 1772 или хотя бы 1793 г., то польскіе патріоты того времени логически должны были взять на себя осуществленіе этой задачи *вопреки* волѣ русскаго самодержца и *вопреки* представителямъ русскаго общественнаго мнѣнія, которое имъ было извѣстно не только въ качествѣ мнѣнія людей, вродѣ ненавистнаго имъ комиссара русскаго императора въ Царствѣ Польскомъ Новосильцова, но и въ качествѣ мнѣнія русскихъ радикаловъ; ибо, какъ извѣстно, Пестель при переговорахъ съ представителями

¹⁾ Срав. *Smolka*: „Politika Lubeckiego“. Kraków, 1907, а также *Sz. Askenazy*: „Rosya-Polska 1815—1830“. Lwów, 1907, и проф. *Воблаю*: „Очерки по истории польской фабричной промышленности“, т. I (1764—1830 гг.). Кіевъ, 1909 г.

польских тайныхъ обществъ высказался за допустимость отдѣльнаго существованія Польши въ этнографическихъ границахъ съ присоединеніемъ къ ней лишь части сѣверо-западнаго края. ¹⁾ При такихъ обстоятельствахъ понятно, что всѣ нарушения конституціи со стороны Александра и его представителей въ Польшѣ, всѣ проявленія рѣзкости и необузданности вел. кн. Константина Павловича, какъ они ни раздражали поляковъ, являлись лишь второстепенными причинами подготовляшагося возстанія. Эти же обстоятельства разясняютъ и тотъ фактъ, что поляки, несмотря на свои сношенія съ русскими тайными обществами, не сдѣлали никакой попытки выступленія противъ правительства въ 1825 году, несмотря на то, что они были подготовлены къ такому выступленію гораздо больше, нежели русскіе революціонеры того времени. Это было чуждое для нихъ дѣло, и имъ не было никакого резона рисковать и тратить на него свои силы. Съ другой стороны, понятно, что удержать отъ возстанія, когда для него наступилъ, по ихъ мнѣнію, благоприятный моментъ, ихъ не могло и сравнительно лояльное поведеніе относительно Польши императора Николая, короновавшагося польскою короной въ Варшавѣ, торжественно присягнувшаго конституціи 1815 г. и создавшаго четвертый сеймъ въ 1830 г.

II.

Возстаніе 1830 г. было подавлено далеко не такъ быстро и энергично, какъ это можно было бы ожидать по соотношенію силъ Россіи и Польши. Медленность, вялость и даже чрезвычайная нерѣшительность правительственныхъ дѣйствій зависѣла въ этомъ случаѣ отъ малодушія и раздвоенности стремленій вел. князя Константина Павловича и отъ робкаго сообразованія съ его противорѣчивыми взглядами и чувствами фельдмаршала Дибича, что давало возможность полякамъ, рассчитывавшимъ притомъ на вооруженное или дипломатическое вмѣшательство Франціи, довольно долго поддерживать иллюзорныя надежды на возможность силою заставить Россію не только признать неприкосновенность конституціонныхъ гарантій, но и отдать Польшѣ сѣверо-западный и юго-западный край.

Когда возстаніе было подавлено, то значительная часть его участниковъ и руководителей съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ выселилась за границу, преимущественно во Францію и Англію, и тамъ сформировалась въ особое общество, члены котораго поставили себѣ задачей рано или поздно возобновить борьбу за достиженіе своихъ

¹⁾ Срав. показанія Пестеля въ книгѣ *Н. П. Павлова-Сильванскаго* „Декабристы Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“. Спб., 1906 г., стр. 105 и слѣд., а также *Русскую Правду* Пестеля, подъ ред. *П. Е. Щеголева*, особ. стр. 38 и слѣд. и 42.

патриотическихъ идеаловъ. Идеалы эти попрежнему сводились для нихъ къ восстановленію Польши въ границахъ 1772 года. Успѣвши сохранить значительныя матеріальныя средства, несмотря на многочисленныя конфискаціи недвижимыхъ имуществъ русскимъ правительствомъ вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, вожди эмиграціи сумѣли довольно удобно организовать въ Парижѣ центральный пунктъ для объединенія жившихъ за границей многочисленныхъ эмигрантовъ. Такимъ пунктомъ явился дворецъ, купленный кн. Адамомъ Чарторыйскимъ въ Парижѣ — *palais Lambert*. Во дворцѣ этомъ устроенъ былъ настоящий штабъ революціоннаго польскаго правительства, военнымъ кабинетомъ котораго завѣдывалъ бывший адъютантъ вел. кн. Константина Павловича гр. Владиславъ Замойскій, причемъ самъ кн. Адамъ Чарторыйскій заводилъ и поддерживалъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ настоящія дипломатическія сношенія съ тѣми державами, отъ которыхъ поляки не переставали ждать себѣ помощи въ ихъ борьбѣ съ Россіей, Пруссіей и Австріей. Время отъ времени они дѣлали попытки новыхъ революціонныхъ предприятий во всѣхъ частяхъ раздѣленной между тремя державами Польши. Первая такая попытка была произведена (Заливскимъ) уже въ 1833 г. въ Царствѣ Польскомъ; затѣмъ въ сороковыхъ годахъ организованъ былъ рядъ революціонныхъ предприятий въ прусской и австрийской частяхъ Польши. Попытки эти не имѣли никакого успѣха и приносили странѣ только новыя бѣдствія, доставляя въ то же время деспотическимъ правительствамъ, владѣвшимъ частями Польши, все новыя положительныя данныя для поддержанія и усиленія тѣхъ репрессивныхъ мѣръ и того военнаго положенія, которое просуществовало, на примѣръ, въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 г. до конца царствованія Николая.

Въ Царствѣ Польскомъ, послѣ подавленія возстанія, императоръ Николай, — съ которымъ революціонное правительство въ началѣ возстанія пыталось завести переговоры на правахъ равноправной воюющей стороны, и котораго затѣмъ, когда эта попытка не удалась, объявило низложеннымъ, — призналъ себя теперь свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, принятыхъ въ конституціи 1815 г. за себя и за своихъ преемниковъ императоромъ Александромъ. Уничтоживъ въ Польшѣ сеймовое устройство, отдѣльную армію и всѣ конституціонныя гарантіи 1815 г., Николай объявилъ, что Царство Польское, какъ страна, завоеванная русскимъ оружіемъ, отнынѣ будетъ составлять одну изъ частей Россійской имперіи и впредь будетъ управляться на основаніи особаго статута, обнародованнаго 14/26 февраля 1832 г. Статутъ этотъ, обнародованный, но никогда не введенный въ дѣйствіе, упраздняя особое государственное существованіе Царства Польскаго и низводя его на положеніе простой имперской провинціи, давалъ однако же этой провинціи особую своеобразную административную автономію, на основаніи кото-

рой она должна была сохранить въ своемъ административномъ и судебномъ устройствѣ совершенно оригинальныя черты, рѣзко выдѣлявшія ее изъ числа остальныхъ частей российской имперіи. Статутъ открывался перечнемъ правъ гражданъ Царства Польскаго, причемъ имъ были обѣщаны: свобода вѣроисповѣданія, съ особеннымъ попеченіемъ правительства о римско-католическомъ вѣроисповѣданіи, какъ о вѣрѣ большинства населенія; неприкосновенность собственности, съ допущеніемъ, впрочемъ, конфискаціи имѣній (въ противность хартіи 1815 г.) за политическія преступленія; личная свобода, съ преслѣдованіемъ только по суду по формамъ и обрядамъ, установленнымъ закономъ; ограниченіе печати лишь настолько, насколько того будутъ требовать религія, авторитетъ власти, чистота нравовъ и уваженіе къ личности. Сохранялись особыя центральныя учрежденія царства: во главѣ управленія попрежнему долженъ былъ стоять намѣстникъ (на эту должность былъ назначенъ усмиритель возстанія фельдмаршалъ кн. Паскевичъ-Варшавскій) и при немъ особый административный совѣтъ, составленный изъ польскихъ и *русскихъ* (въ отличіе отъ хартіи 1815 г.) сановниковъ. Въ число членовъ этого совѣта должны были входить прежде всего начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, которые по статуту именовались уже не министрами, а директорами комиссій. Такихъ комиссій учреждалось три: внутреннѣхъ дѣлъ, на которую возлагалось и завѣдываніе дѣлами народнаго просвѣщенія, финансовъ и юстиціи. Для разработки законопроектовъ по дѣламъ царства долженъ былъ сохраниться особый государственный совѣтъ, которому было предоставлено также разрѣшать всѣ пререканія между отдѣльными вѣдомствами и разсматривать представленія отъ провинціальныхъ штатовъ и иныхъ болѣе мелкихъ органовъ самоуправленія. Сохранялся также особый верховный судъ. Дѣлопроизводство въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ должно было вестись на польскомъ языкѣ; но въ административномъ совѣтѣ и въ канцеляріи намѣстника вводился русскій языкъ, который могъ для незнающихъ такового замѣняться французскимъ. Административныя дѣленія оставались старыя—на 8 воеводствъ и повѣты (уѣзды). Въ странѣ предполагалось учредить мѣстное самоуправленіе въ видѣ областного учрежденія—провинціальныхъ штатовъ,—совѣтовъ воеводствъ, дворянскихъ собраній и гминныхъ собраній. Наконецъ, при особѣ монарха, для докладовъ ему по дѣламъ Царства Польскаго, сохраненъ былъ особый министр-статсъ-секретарь въ Петербургѣ.

Если бы этотъ статутъ введенъ былъ въ дѣйствіе, Царство Польское и въ роли особой провинціи сохранило бы значительныя преимущества въ сравненіи съ остальными областями российской имперіи, которыя, какъ извѣстно, не пользовались въ то время никакими политическими правами и не имѣли въ сущности никакого самоуправления.

Но статутъ этотъ не былъ введенъ. Отказаться отъ его осуществленія на практикѣ правительству помогли первыя же попытки польскихъ революціонеровъ возобновить смуту, въ видѣ вышеупомянутаго заговора Заливскаго, послѣ котораго въ царствѣ рѣшено было сохранить, вмѣсто учреждений, возвѣщенныхъ въ статутѣ, режимъ военнаго положенія, дѣйствовавшій затѣмъ до 1856 г.

Въ 1835 г. императоръ Николай лично посѣтилъ Варшаву и сказалъ здѣсь собравшимся представителямъ дворянства суровую рѣчь, общая при первыхъ попыткахъ возмущенія разрушить Варшаву пушками возведенной на берегахъ Вислы цитадели. „Je detruirai Varsovie,—сказалъ онъ,—et certes ce ne sera pas moi qui la rebatirai!“ Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, явно направленныхъ къ постепенному уравненію Царства Польскаго съ остальными частями имперіи: въ 1837 г. дѣленіе царства на 8 воеводствъ замѣнено было дѣленіемъ его на губерніи, организованныя по типу русскихъ губерній (окончательно въ 1844 г.); въ 1839 г. образованъ былъ для надзора за польскими учебными заведениями, среди которыхъ уже не было университета, закрытаго въ 1831 году, особый учебный округъ съ русскимъ попечителемъ во главѣ, подчиненный русскому министерству народнаго просвѣщенія; вмѣсто университета открыты въ 1840 г. особые дополнительные классы при варшавской гимназій и юридическіе курсы въ Москвѣ и Петербургѣ специально для уроженцевъ Царства Польскаго; въ 1841 г. уничтоженъ государственный совѣтъ царства и открыты въ Варшавѣ IX и X департаменты русскаго правительствующаго сената, которымъ была передана часть дѣлъ прежняго государственнаго совѣта; тогда же введенъ счетъ денегъ на рубли и копейки (вмѣсто золотыхъ и грошей польскихъ), хотя, впрочемъ, обращающаяся въ народѣ мелкая разнѣнная монета, ранѣе выпущенная, оставалась въ обращеніи до 80-хъ гг.

Въ 1846 г. произведены были новыя попытки возстанія въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя входили въ составъ Пруссіи и Австріи. Движеніе это, сдѣлавшее своимъ исходнымъ и опорнымъ базисомъ территорию вольнаго города Кракова, образованную вѣнскимъ конгрессомъ въ видѣ особой маленькой республики подъ общимъ протекторатомъ Россіи, Австріи и Пруссіи, стало развиваться главнымъ образомъ въ Галиціи. Австрійское правительство, руководимое престарѣлымъ кн. Меттернихомъ, рѣшилось направить противъ него крестьянское населеніе, такъ какъ оно хорошо знало ненависть этого послѣдняго къ угнетавшимъ его панамъ, противъ произвола которыхъ австрійское правительство и ранѣе брало крестьянъ подъ свою защиту (еще со времени Іосифа II). Начальство въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи дѣйствовало при этомъ открыто демагогически. Произошла кровавая рѣзня помѣщи-

ковъ и ихъ семей крестьянами, напомнившая по своей беспощадности времена Зализняка и Гонты. Шляхетскіе повстанческіе отряды были совершенно разстроены и потерпѣли быстрое и полное поражение. Послѣ этого краковская республика была уничтожена, и территория ея, по соглашенію между Россіей, Пруссіей и Австріей, присоединена къ этой послѣдней.

Императоръ Николай, считавшій себя, какъ извѣстно, главнымъ охранителемъ общественнаго порядка и установленныхъ властей въ Европѣ, не сочувствовалъ, однако, тому методу усмиренія возстанія, который пустило на этотъ разъ въ ходъ правительство Меттерриха. Русское начальство въ пограничныхъ съ Австріей мѣстностяхъ, пропуская черезъ границу семейства помѣщиковъ, преслѣдуемыхъ озвѣрѣвшими крестьянами, не пропускало этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ оказало даже нѣкоторую охрану избиваемой шляхтѣ противъ бросившихся на нее крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти событія заставили императора Николая слѣшно поднять и пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ Царствѣ Польскомъ. Результатомъ этого пересмотра явился чрезвычайно важный указъ 26 мая 1846 года, впервые серьезно ограничившій хозяйственный произволъ польскихъ помѣщиковъ по отношенію къ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ номинально свободнымъ, но совершенно безправнымъ крестьянамъ. По этому, столь внезапно изданному, закону положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на помѣщичьихъ земляхъ и обрабатывавшихъ ихъ за произвольно налагавшіяся на нихъ повинности, было радикально измѣнено къ лучшему. Правда, законъ этотъ, изданный, какъ предварительная мѣра „впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ“, бралъ подъ свою защиту не всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые, сидя на помѣщичьей землѣ, обрабатывали для себя не менѣе 3 морговъ ($1\frac{1}{2}$ дес.) земли. Такихъ крестьянъ,—а ихъ было всетаки большинство,—отнынѣ запрещалось сгонять съ ихъ участковъ, пока они исправно отбываютъ лежащія на нихъ повинности, а также перемѣнять или уменьшать отведенные каждому крестьянину участки и угодія или увеличивать отбываемыя за нихъ повинности. Напротивъ, крестьяне могли переселяться попрежнему куда угодно (согласно декрету 1807 г.), соблюдая лишь установленный полицейскій порядокъ и предваривъ помѣщика за 3 мѣсяца до начала хозяйственнаго года. Слѣдующая статья указа обязывала помѣщика водворять на каждый оставляемый крестьяниномъ участокъ не позднѣе 2 лѣтъ новаго поселенца, отнюдь не присоединяя такихъ участковъ („пустокъ“) къ собственнымъ господскимъ полямъ. Указъ уничтожалъ также всѣ дополнительныя произвольныя повинности, такъ называемыя „даремщины“, „принудительные наймы“ и т. п. Исполненіе этого указа возложено было на намѣстника и совѣтъ упра-

вления, причемъ послѣднему поручалось выработать особия правила для рѣшенія упрощеннымъ порядкомъ всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, а также слѣдить, чтобы административныя власти оказывали помѣщикамъ необходимую помощь и покровительство въ тѣхъ случаяхъ, когда они пожелаютъ заключить со своими крестьянами сдѣлку объ „очиншеваніи“, т.-е. о переводѣ ихъ съ барщины на оброкъ, причемъ такія сдѣлки должны были разсматриваться какимъ-либо высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по назначенію совѣта управленія.

Такъ совершенно было безъ всякаго подготовленія, внезапно, огромной важности дѣло, въ иныхъ странахъ требовавшее для своего проведенія долгихъ и многолѣтнихъ усилій. Слабая сторона указа заключалась въ томъ, что проводить эту мѣру въ жизнь пришлось поручить мѣстной администраціи, которая въ низшихъ своихъ степеняхъ принадлежала на вотчинномъ правѣ помѣщику и вообще вся сверху до низа была по своему составу шляхетская, отчего впоследствии и оказалось въ исполненіи этого закона немало злоупотребленій и упущеній.

Волненія 1846 года въ Познани и Галиціи были прелюдіей къ тому революціонному взрыву, который послѣдовалъ въ Австріи и Пруссіи повсемѣстно вслѣдъ за парижской февральской революціей 1848 г. Въ Познани были выпущены народомъ посаженные въ 1846 г. въ тюрьму польскіе революціонеры Либельтъ и Мѣрославскій, причемъ народъ носилъ ихъ на рукахъ по улицамъ города и требовалъ войны съ Россіей, какъ съ главнымъ оплотомъ деспотизма. Движеніе охватило всѣ вошедшія въ составъ Пруссіи земли прежней „Ржечи Посполитой“. Однако въ этихъ провинціяхъ вскорѣ обнаружился значительный антагонизмъ между польскимъ и нѣмецкимъ ихъ населеніемъ, причемъ на сторону послѣдняго становились и мѣстные евреи. Движеніе было быстро подавлено, и франкфуртскій парламентъ хотѣлъ даже, согласно домогательствамъ познанскихъ и поморскихъ пѣмцевъ, отдѣлить отъ западной Пруссіи и отъ познанской провинціи рядъ округовъ съ преобладающимъ, по ихъ вычисленію, нѣмецкимъ населеніемъ и соединить эти округа съ сосѣдними нѣмецкими землями. Проектъ этотъ не получилъ осуществленія лишь потому, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался вообще признать постановленія франкфуртскаго парламента. Затѣмъ, когда въ Пруссіи введена была конституція, то дѣйствіе ея распространилось и на польскія провинціи, не сообщая имъ, впрочемъ, при этомъ отнюдь большей самостоятельности.

Въ Галиціи движеніе 1848 г. сосредоточилось главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, Краковѣ и Львовѣ, и это обстоятельство замѣтно отразилось на формулировкѣ тѣхъ революціонныхъ требованій, которыя были выражены въ адресахъ представителей львовскаго и краковскаго населенія. Въ адресахъ этихъ общія либерально-демократиче-

ския требованія преобладали надъ національными-польскими. Въ числѣ первыхъ выставлены были такія, какъ полное уничтоженіе барщины, которую помѣщики будто бы согласились отмѣнить безвозмездно, въ видѣ дара своимъ прежнимъ крѣпостнымъ, и полное уравненіе въ правахъ жителей всѣхъ сословій, демократическое представительство, уничтоженіе цензуры, образование національной гвардіи для охраны общественнаго порядка и проч. Въ числѣ вторыхъ на первомъ планѣ стояли: введеніе польскаго языка въ школахъ, судѣ и управленіи и установленіе отдѣльной администраціи края,—т.-е. того, что существовало, въ значительной мѣрѣ, даже и послѣ отмѣны конституціи 1815 г., въ Царствѣ Польскомъ,—а также замѣщеніе мѣстныхъ должностей мѣстными уроженцами и учрежденіе особаго польскаго войска. Въ Австріи, которая была въ это время сильно потрясена возстаніями въ Венгріи и итальянскихъ областяхъ, съ революціоннымъ движеніемъ въ Галиціи правительство не могло такъ быстро справиться, какъ справилось съ таковымъ же прусское правительство въ Познани; но въ концѣ-концовъ оно было подавлено и здѣсь, причемъ австрійское правительство и на этотъ разъ ловко воспользовалось и соціальной рознью, существовавшей въ населеніи, и начавшимся русинскимъ движеніемъ, которое оно рѣшилось противопоставить польскому, беря русинъ подъ особое свое покровительство противъ поляковъ. Что же касается крестьянскаго вопроса, то, промолчавъ въ отвѣтѣ своемъ на адресъ относительно высказаннаго тамъ отъ имени помѣщиковъ желанія безвозмездно отмѣнить барщину, оно объявило затѣмъ особымъ указомъ императора объ уничтоженіи барщины, какъ бы по собственной его инициативѣ, на основахъ выкупа за счетъ казны. Наконецъ, когда венгерское возстаніе, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые изъ выдающихся польскихъ революціонныхъ вождей, было подавлено благодаря помощи, оказанной австрійцамъ императоромъ Николаемъ, то въ Австріи наступила снова полная реакція, и Галиціи опять пришлось переживать, по выраженію польскаго историка, „годы унынія, протраціи и нужды“ ¹⁾.

Впрочемъ, послѣ 1849 г. реакція распространилась въ Европѣ повсемѣстно, а въ Россіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, хотя Россія и не пережила въ 1848 г. никакихъ революціонныхъ потрясеній. Глухая реакція царя и въ русской Польшѣ вплоть до смерти императора Николая.

Что касается внутренняго состоянія каждой изъ частей прежней Польши, то за время, протекшее съ момента послѣдняго раздѣла, въ каждой изъ нихъ произошли значительныя перемѣны. Въ Галиціи, на-

¹⁾ *Wilhelm Feldman*. „Stronnictwa i programy polityczny w Galicyi. 1846—1906“. Kraków. I, 43.

ходившейся подъ властью бюрократическаго и реакціоннаго правительства Меттерниха и остававшейся все время страной почти исключительно земледѣльческой, внутреннй бытъ населенія измѣнился всего менѣе, хотя въ отношеніи крестьянъ здѣсь были проведены весьма существенныя преобразованія, начавшіяся еще при Іосифѣ II и завершившіяся упраздненіемъ барщины съ сохраненіемъ за крестьянами нѣкоторыхъ земельныхъ надѣловъ. Германизация населенія, несмотря на введеніе здѣсь съ самаго начала нѣмецкаго языка въ школахъ, судѣ и администраціи, мало дала результатовъ. Но вмѣсто того, сперва стараніями самой австрійской администраціи, постоянно руководившейся здѣсь принципомъ „divide et impera“, а затѣмъ въ силу начавшаго просыпаться среди русинъ національнаго сознанія, здѣсь выдвинулся послѣ 1848 г. новый вопросъ—русинскій, которому суждено было получить въ послѣдствіи сильное развитіе и кончиться отвоеваніемъ у польской общественности и культуры восточной половины Галиціи.

Въ польскихъ областяхъ Пруссіи устройство крестьянъ на основахъ штейнъ-гарденберговскаго законодательства началось еще съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь еще ранѣе была пущена въ ходъ нѣмцами весьма планомерно и хитро разсчитанная система германизации, принесяшая значительные плоды. Пруссаки, получивъ въ свое обладаніе польскія земли, не ограничились, подобно австрійцамъ, введеніемъ здѣсь нѣмецкой администраціи и нѣмецкаго языка въ школахъ. Они съ самаго же начала ревностно принялись вытѣснять поляковъ, особенно тамъ, гдѣ нѣмцы начали водворяться еще со времени „Ржечи Посполитой“ (какъ, наприм., въ западной Пруссіи), съ самой земли, стараясь всѣми способами усилить здѣсь нѣмецкую колонизацию и нѣмецкое землевладѣніе. На-ряду съ землевладѣніемъ они усиленно насаждали здѣсь и промышленность, и благодаря ихъ усиліямъ, внутреннй бытъ этой страны уже къ серединѣ XIX столѣтія совершенно преобразовался. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальныхъ частяхъ Польши, развилось капиталистическое производство и буржуазія, а само польское общество закалилось мало-по-малу въ повседневной борьбѣ съ нѣмцами, причемъ центръ тяжести въ этой борьбѣ перемѣстился: непосредственнымъ предметомъ борьбы уже стали здѣсь не политическіе вопросы и не иллюзорные политическіе идеалы, основанныя на болѣе или менѣе легендарныхъ представленіяхъ о прошломъ „Исторической Польши“, а самые насущные жизненные интересы—культурные и экономическіе. И хотя нѣмцы, особенно на первыхъ порахъ, здѣсь много успѣли отвоевать у поляковъ на этомъ поприщѣ, но зато и полякамъ эта перемѣна предмета борьбы и ея формъ дала много—она послужила здѣсь къ выработкѣ совсѣмъ иного типа культурнаго поляка, нежели прежній, шляхетскій типъ, и подготовила возможность

иной национальной идеологии, опирающейся не на иллюзорные, а на реальные данные.

Въ Царствѣ Польскомъ до 1830 г., какъ уже было отмѣчено, обрабатывающая промышленность превосходно развивалась, благодаря въ значительной мѣрѣ тому льготному таможенному положенію, которое установлено было русскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ образованія царства. Правда, уничтоженная въ 1819 г. таможенная граница между имперіей и царствомъ была въ 1822 году восстановлена, и на вывозимые изъ Польши, какъ и привозимые изъ имперіи въ Польшу, товары (кромѣ сырья обѣихъ странъ) наложены были нѣкоторыя пошлины; но пошлины на тѣ товары, которые вывозились изъ Польши (въ особенности на сукна), были установлены весьма умѣренныя, тогда какъ хлопчатобумажныя ткани, привозимыя изъ Россіи въ Польшу, были обложены гораздо болѣе значительною пошлиною. Польскія сукна шли въ это время не только въ Россію, но и транзитомъ черезъ Россію въ Китай и Среднюю Азію, причемъ до 1825 г. сохранялись очень льготныя условія транзита для польскихъ суконъ, не только производимыхъ въ Царствѣ Польскомъ, но и въ польскихъ областяхъ Пруссіи. Когда же въ 1825 г. льготы для этихъ послѣднихъ были уничтожены, то цѣлый рядъ фабрикантовъ изъ Познани переселились въ Царство Польское вмѣстѣ со своими рабочими и перенесли туда свои фабрики. ¹⁾ Послѣ 1811 г. Царству Польскому пришлось въ экономическомъ отношеніи пережить довольно трудные годы. Польская казна, сверхъ значительной контрибуціи, наложенной на нее послѣ подавленія возстанія (22 мил. руб. золотомъ), должна была тратить значительныя средства, особенно въ первые годы послѣ возстанія, на содержаніе 100-тысячной русской арміи въ Польшѣ. Въ то же время въ 1831 г. былъ рѣзко измѣненъ, къ невыгодѣ Польши, и таможенный тарифъ. Русский рынокъ вслѣдствіе этого значительно сузился, а вывозъ польскихъ суконъ въ Кяхту почти совсѣмъ прекратился. Общій вывозъ товаровъ изъ Польши сократился тогда почти въ четыре раза, а привозъ русскихъ товаровъ значительно увеличился. Но обрабатывающая промышленность въ Царствѣ Польскомъ къ тому времени настолько уже окрѣпла, что она выдержала этотъ кризисъ довольно стойко, и одинъ изъ изслѣдователей ея исторіи—покойный проф. Янжуль—находилъ даже, что затрудненія эти имѣли для нея и полезное дѣйствіе, заставивъ польскихъ фабрикантовъ ввести въ свои производства много серьезныхъ техническихъ улучшеній. ²⁾ Въ то же

¹⁾ Срав. *Smolka*. „Polityka Lubeckiego“. W Krakowie. 1907. 2 тома. Проф. *К. І. Воблий*. „Очерки по исторіи польской фабричной промышленности“, т. I, Кіевъ, 1909 г. *Б. Лодыженскій*. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“. Спб., 1886 г. *Я. Иллиничъ*. „Очеркъ развитія польской промышленности. В., 1900 г.

²⁾ *И. И. Янжуль*. „Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“.

время начавшийся тогда переходъ къ денежному хозяйству въ сферѣ сельской промышленности положилъ начало образованию внутренняго рынка, который обусловилъ развитие хлопчатобумажной промышленности, сдѣлавшей, какъ разъ въ сороковые и пятидесятые годы, крупные успѣхи въ краѣ. Въ то же время значительное развитие получили здѣсь производства: винокуренное, мукомольное, свеклосахарное, коженное, пиво- и медоваренное, а также желѣзодѣлательное, механическое и машиностроительное. Общій ростъ стоимости производства по имѣющимся, довольно, впрочемъ, неточнымъ, статистическимъ даннымъ представляетъ такую картину:

Въ 1845 г.	общая стоимость производства была	9,8	млн.	руб.
„ 1857 „	„ „ „ „ „	21,3	„ „	„
„ 1864 „	„ „ „ „ „	50,0	„ „	„ ¹⁾

Въ 1851 г. таможенная граница между Россіей и Царствомъ Польскимъ была окончательно уничтожена, причемъ былъ изданъ новый общій для имперіи и Царства Польскаго тарифъ, выработанный извѣстнымъ экономистомъ Тенгоборскимъ при дѣятельномъ участіи представителя администраціи царства тайн. сов. Моравскаго; всѣ замѣчания послѣдняго, клонившіяся къ обезпеченію выгодъ польской промышленности, были приняты во вниманіе.²⁾

III.

Въ 1856 г., когда, послѣ вступленія на престолъ Александра II и окончанія неудачной крымской войны, въ Россіи повѣяло новымъ духомъ, то и въ Царствѣ Польскомъ естественно общество стало выходить изъ того состоянія протрасти и оцѣненія, въ которомъ оно пребывало послѣдніе годы николаевскаго царствованія. Здѣсь это оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что, вслѣдъ за смертью императора Николая, умеръ въ январѣ 1856 г. и его полномочный намѣстникъ Паскевичъ, а на его мѣсто назначенъ былъ мягкій, нерѣшительный и недалновидный кн. М. Д. Горчаковъ, — тотъ самый, которому судьба судила только что передъ тѣмъ сдать Севастополь.³⁾

¹⁾ *Zalenski*. „Statystyka porównawcza królestwa polskiego“, стр. 172. Цитирую по ст. г. *Иллича* „Очерки развития польской промышленности“.

²⁾ Весьма интересную исторію разработки этого тарифа см. у г. *Лодыженскаго* „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, стр. 239 и слѣд.

³⁾ Впрочемъ, какъ свидѣлствуютъ польскіе историки, подъемъ надеждъ среди польскаго общества начался уже и ранѣе, — какъ только началась русско-турецкая война и въ особенноти съ момента составленія противъ Россіи коалиціи изъ Франціи, Англіи и Турціи, къ которымъ потомъ присоединилась и Сардинія. Извѣстенъ фактъ сформированія въ 1854 г. особаго „польскаго“ легіона подъ начальствомъ Чайковского

Александръ II, правда, не особенно поощрялъ надежды, пробудившіяся въ полякахъ съ его воцареніемъ. Приѣхавъ въ Варшаву въ 1856 году, онъ сказалъ имъ строгую рѣчь, основной нотой которой былъ предостерегающій окрикъ: „point de rêveries!“ „Сохраняя,—сказалъ Александръ,—права и учрежденія такими, какъ они были даны моимъ отцомъ, я хочу обезпечить этому краю все, что можетъ ему быть на пользу, все, что мой отецъ ему предоставилъ и пожаловалъ...“, а въ концѣ прибавилъ: „а если потребуются строгости, я сумѣю быть строгимъ и буду строгимъ“. Полюки этой рѣчи не вняли, и движеніе стало разрастаться, по мѣрѣ того, какъ открывалась къ тому возможность. Амнистія вернула въ страну многихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ и, разумѣется, увеличила этимъ силы движенія, которое, впрочемъ, росло и развертывалось параллельно съ общественнымъ движеніемъ, разраставшимся и въ Россіи. Князь Горчаковъ и унаслѣдованный имъ отъ Паскевича его ближайшій помощникъ по гражданскимъ дѣламъ директоръ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и въ то же время попечитель учебнаго округа Мухановъ, ненавидимый полякамъ, какъ живой представитель режима Паскевича, думали однако, что поляковъ можно успокоить небольшими уступками, которыя дали бы нѣкоторый исходъ накопившейся общественной энергіи. Въ этихъ видахъ образовано было земледѣльческое общество, въ которое сразу же записалось до 3,000 членовъ, и этому обществу переданъ былъ на обсужденіе крестьянскій вопросъ. Немудрено, что въ той атмосферѣ общественнаго возбужденія, которая быстро сгушалась въ это время, общество это скоро почувствовало себя чуть ли не суррогатомъ парламента. Во главѣ его сталъ человекъ, твердо державшійся взглядовъ „бѣлой“ умѣренной фракціи,—одинъ изъ вліятельнѣйшихъ польскихъ аристократовъ, гр. Андрей Замоискій, родной братъ того Замоискаго, который завѣдывалъ „военнымъ

(Садыкъ-паши) въ Добруджѣ, хотя въ легионѣ этомъ поляки дали лишь офицеровъ, а рядовые въ немъ были самаго разноплеменнаго происхожденія. Извѣстно также, что графъ Владиславъ Замоискій убѣдилъ англійское правительство согласиться на доставленіе поляками въ Крымъ особой польской дивизіи; но пока она формировалась, осада Севастополя кончилась. Извѣстно, наконецъ, что кн. Адамъ Чарторыйскій усиленно совѣтовалъ Наполеону III перенести войну къ границамъ польскихъ губерній, но исполнить этотъ совѣтъ было довольно трудно при нейтралитетѣ Германіи и Австріи. Наполеонъ, однако, очень внимательно относился къ совѣтамъ Чарторыйскаго и охотно поддерживалъ съ нимъ сношенія, а при переговорахъ о мирѣ въ 1856 г. усиленно пытался припутать польскій вопросъ, но не успѣлъ въ этомъ, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія къ нему Англии и рѣшительнаго отпора русскаго посла кн. А. Ѳ. Орлова, не допустившаго даже постановки этого вопроса на обсужденіе конференціи. Срав. *Prof. dr Anatol Lewicki. „Zarys historyi polskiej aż do najnowszych czasów“* (wyd. 5-e), W. 1913, стр. 495 и слѣд., а также переговоры о мирѣ послѣ крымской войны у *Татищевой*, „Александръ II, его жизнь и царствованіе“, т. 1-й, стр. 203 (изд. I-e).

кабинетомъ“ въ парижскомъ дворцѣ „Lambert“ князя Адама Чарторыйскаго. Андрей Замойскій хотя и не принадлежалъ къ числу эмигрантовъ и послѣ возстанія 1831 г., въ которомъ онъ принималъ участіе, остался въ краѣ, но онъ, однако, несомнѣнно принадлежалъ къ числу тѣхъ поляковъ, про которыхъ можно было сказать, какъ про старыхъ французскихъ эмигрантовъ, что они „ничего не забыли и ничему не научились въ изгнаніи“. При всей внѣшней выдержанности и умѣренности его поведенія, онъ проводилъ въ сущности старинную шляхетскую программу, т.-е. программу наименѣе осуществимую. Онъ желалъ возстановленія Польши непремѣнно въ границахъ 1772 г. и не желалъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ социальныхъ преобразованій. Въ крестьянскомъ вопросѣ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія добровольнаго „очиншеванія“ крестьянъ, т.-е. перевода крестьянъ съ барщины на оброкъ по добровольнымъ договорамъ съ ними помѣщиковъ. Относительно же русскаго правительства онъ твердо держался мнѣнія, что его нужно во всѣхъ случаяхъ игнорировать и отнюдь не обращаться къ нему ни съ какими ходатайствами или заявленіями. Когда его убѣдили однажды, послѣ кроваваго столкновения на улицѣ толпы съ войсками, поѣхать объясняться съ намѣстникомъ, то на вопросъ Горчакова, что же дѣлать, онъ, послѣ нѣкотораго раздумья, спокойно отвѣчалъ: „оставить край!“

Кромѣ предводимой Замойскимъ умѣренной „бѣлой“ партіи, была въ Варшавѣ и „красная“ демократическая партія, сложившаяся частью изъ остатковъ тѣхъ наиболѣе безпокойныхъ и крайнихъ элементовъ, которые принимали участіе въ революціонныхъ попыткахъ 1846 и 1848 гг., частью изъ молодыхъ радикаловъ „хлопоманскаго“ оттѣнка, явившихся главнымъ образомъ изъ кievскаго университета. Партія эта не имѣла съ народными массами никакихъ фактическихъ связей, но она желала привлечь массы на свою сторону. Политическіе ея идеалы мало отличались по существу отъ идеаловъ „бѣлой“ партіи, потому что и для нея въ этомъ отношеніи во главѣ угла стояло возстановленіе Польни непремѣнно въ границахъ 1772 г. и притомъ на основахъ конституціи 3 мая 1791 г. Но она понимала, что достигнуть успѣха движенія безъ содѣйствія народныхъ массъ, при ихъ безучастіи, а подчасъ и враждебности, невозможно; она убѣдилась въ этомъ горькимъ опытомъ всѣхъ предыдущихъ возстаній, она видѣла, какъ австрійское правительство ловко пускало въ ходъ, когда оно чувствовало себя въ опасности, аграрный вопросъ. Состоя изъ людей рѣшительныхъ и склонныхъ къ крайнимъ способамъ дѣйствій, широко примѣняя въ послѣдствіи террористическія мѣры, партія эта рѣшилась потребовать отъ помѣщиковъ, чтобы они отдали крестьянамъ всю ту землю, которой крестьяне пользовались за повинности, безвозмездно отказавшись отъ всякихъ повин-

ностей со стороны крестьянъ. Но при этомъ они требовали и отъ крестьянъ за эти льготы непосредственнаго участія въ возстаніи. Въ сущности и среди помѣщиковъ мысль о необходимости перетянуть на свою сторону крестьянъ дѣлала значительные успѣхи; и въ земледѣльческомъ обществѣ, при обсужденіи крестьянской реформы, Андрей Замойскій остался въ концѣ-концовъ въ меньшинствѣ, и тамъ восторжествовала если не крайняя точка зрѣнія красныхъ демократовъ, то точка зрѣнія давняго и искренняго защитника крестьянскихъ интересовъ среди польскихъ магнатовъ — Оомы Потоцкаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Адама Кржиштопора, который предлагалъ укрѣпить за крестьянами ихъ надѣлы въ собственность при помощи выкупа повинностей.

Могущественную помощь революціонному движенію оказывало католическое духовенство, стремившееся возстановить население противъ русскихъ, какъ противъ схизматиковъ и враговъ католической вѣры.

Съ 1861 г. движеніе начало выражаться въ уличныхъ демонстраціяхъ, которыя вскорѣ привели къ столкновенію съ войсками. Послѣ перваго же такого столкновенія Горчаковъ совершенно растерялся. Продолжая искать путей мирнаго исхода движенія при помощи какихъ-либо паллиативныхъ уступокъ, онъ спѣшно выработалъ программу реформъ, сводившихся въ общемъ къ установленію въ Царствѣ Польскомъ того порядка управленія, который возвѣщенъ былъ въ органическомъ статутѣ 1832 г. Предложить это было тѣмъ легче, что статутъ этотъ, общепризнанный Николаемъ, могъ быть подведенъ подъ ту часть рѣчи Александра II въ 1856 году, въ которой онъ обѣщалъ не отступать отъ учреждений, дарованныхъ его отцомъ. Съ этой программой реформъ Горчаковъ послалъ въ Петербургъ одного изъ своихъ близкихъ сотрудниковъ, статсъ-секретаря Карницкаго, и программа была принята въ Петербургѣ сочувственно. Но не успѣлъ Карницкій вернуться въ Варшаву, какъ Горчаковъ нашелъ неожиданно человѣка, на котораго онъ могъ, какъ ему показалось, вполне опереться и который представилъ ему гораздо болѣе глубоко обдуманной и обоснованной планъ дѣйствій, нежели тотъ, съ которымъ онъ отправилъ Карницкаго. Планъ этотъ былъ изложенъ въ запискѣ, представленной Горчакову, обер-прокуроромъ сената Энохомъ, но настоящимъ составителемъ записки оказался одинъ изъ польскихъ магнатовъ, маркизъ Велепольскій; по крайней мѣрѣ, Энохъ указалъ на него, какъ на человѣка, который взялся бы проводить изложенную въ запискѣ программу и обладалъ нужными для этого данными. Маркизъ Велепольскій тотчасъ же былъ вызванъ изъ своей деревни въ Варшаву, программа его была принята Горчаковымъ и одобрена петербургскимъ правительствомъ, а самъ маркизъ назначенъ былъ, по его собственному желанію, директоромъ спѣш-

но возстановленной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, причемъ отдѣльный учебный округъ былъ уничтоженъ.

Маркизь Велепольскій былъ личностью весьма своеобразной и крупной. ¹⁾ Еще въ 1830 году, молодымъ человѣкомъ, онъ былъ посланъ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ, но эта поѣздка его не увѣнчалась успѣхомъ. Впервые онъ ярко выдѣлился въ своей средѣ въ 1846 году, когда, возмущенный устроенной или, по крайней мѣрѣ, допущенной австрійскимъ правительствомъ рѣзней помѣщиковъ крестьянами въ Галици, онъ опубликовалъ открытое письмо къ кн. Меттерниху, въ которомъ, обличая коварство и гнусность его политики, противопоставлялъ ему русскаго императора, „державнаго владыку сѣвера“, какъ рыцаря строгаго, но прямодушнаго, какъ дворянина, какъ монарха, „который никогда не отчуждалъ правъ своихъ въ руки разбойниковъ“. Онъ убѣждалъ шляхту свободно, не въ силу присяги, а по доброй волѣ и убѣжденію, подчиниться императору Николаю и доказывать, что „въ сознаніи славянскаго единства“ должны быть потоплены старыя ненависти, раздѣляющія поляковъ и русскихъ, что рѣшимость честно служить Россіи тотчасъ же создастъ полякамъ равноправное съ русскими положеніе въ имперіи; что „польскому дворянству выгодноѣ стать вмѣстѣ съ русскими во главѣ новой, сильной и имѣющей великую будущность славянской цивилизаціи, нежели быть толкаемымъ, презираемымъ, ненавидимымъ и тащиться позади за вашею (т.-е. кн. Меттерниха) цивилизаціею, которая дряхла, придирчива и самоувѣренна“. Это письмо не получило въ то время большой извѣстности, а въ рядахъ польскихъ эмигрантовъ и дѣятелей вызвало нѣкоторую сенсацію, но отнюдь не сочувствіе. Но Велепольскій не терялъ надежды когда-нибудь увлечь за собой своихъ соотечественниковъ. Когда началась крымская война, онъ призналъ правильнымъ отправить въ ряды русскаго войска сына своего Сигизмунда, и это очень испортило его отношенія съ польскими патриотами. Попытка найти съ ними общую почву или, точнѣе говоря, увлечь ихъ за собой, когда началось движеніе въ концѣ 50-хъ годовъ, потерпѣла fiasco; маркизу пришлось даже отказаться отъ участія въ земледѣльческомъ обществѣ. Характера онъ былъ непреклоннаго, тяжелаго и въ то же время страстнаго. Когда онъ окончательно убѣдился въ невозможности увлечь за собой мятущееся польское дворянство, онъ рѣшилъ лично отъ себя предложить свои услуги русскому правительству, надѣясь по-своему повернуть движеніе и вывести на надлежащую дорогу страну, получивъ въ свои руки власть.

¹⁾ В. Д. Спасовичъ. „Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго“. Спб., 1882 г. Н. Lisicki. „Alexander Wielopolski“, 4 t. Kraków, 1878—1879.

Программа, предложенная имъ правительству, заключалась въ томъ, что онъ совѣтовалъ опереться на опредѣленные общественные элементы въ краѣ. Въ запискѣ, поданной Горчакову Энохомъ и составленной, по утверждению Спасовича, Велепольскимъ, указывалось, что правительство не можетъ опираться на одну только матеріальную силу; что въ данномъ случаѣ нельзя опираться и на массы, потому что массы,—подъ ними, очевидно, разумѣлись широкіе слои шляхты и городского населенія, но отиудь не крестьяне,—не удовлетворятся никакими реформами правительства, а потребуютъ безусловной независимости Польши или, по крайней мѣрѣ, чисто личной ея связи, притомъ въ *прежнихъ границахъ*, съ Россійскою имперіею. Записка предлагала поэтому опереться на имущественные классы, вліятельные по своему общественному положенію, богатству, высшей образованности, состояще изъ помѣщиковъ, чиновниковъ и вообще зажиточныхъ классовъ населенія. Составитель записки не скрывалъ, впрочемъ, что ихъ вполне удовлетворить или привязать также нѣтъ возможности, „потому что въ своихъ задушевныхъ пожеланіяхъ они заодно съ массами. Но и съ другой стороны эти классы чувствуютъ, сколько они теряютъ при насильственномъ ниспроверженіи порядка, и понимаютъ, что они будутъ обойдены (движеніемъ?). Они кинутся въ движеніе, только потерявъ всякую надежду улучшить свою участь. Можно бы мудрыми реформами помѣщать этимъ классамъ принять участие въ движеніи, затѣянномъ горячими головами. Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы эти реформы были черезчуръ широкія“. ¹⁾

Таковъ былъ этотъ, очевидно, совершенно ненадежный фундаментъ, на который предлагалъ опереться Велепольскій. Въ сущности, судя по всей его послѣдующей дѣятельности и по содержанию разработанныхъ имъ проектовъ реформъ, онъ хотѣлъ бы опереться на буржуазію. Но буржуазіи въ собственномъ смыслѣ, отдѣльной отъ помѣщичьяго класса, онъ не находилъ въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ и потому въ послѣдствіи особенно старался ее образовать, вводя въ ея составъ богатый еврейскій торгово-промышленный классъ, для чего онъ и хлопоталъ съ большою энергіею о введеніи въ царствѣ еврейскаго равноправія. Будучи самъ съ головы до ногъ помѣщикомъ и магнатомъ, онъ хлопоталъ объ образованіи сильной буржуазіи потому, что со шляхтою онъ издавна разстроилъ свои отношенія и потерялъ надежду организовать ее по-своему. Реформы, которыя Велепольскій имѣлъ въ виду провести въ административной системѣ Царства Польскаго въ ближай-

¹⁾ Спасовичъ, н. соч., стр. 70. Содержаніе этой записки въ сущности гораздо слабѣ всего послѣдующаго размаха законодательной дѣятельности маркиза Велепольскаго. Ср. *Lisickiego* op. cit., t. II, стр. 39.

шее время, сводилась, въ сущности, къ возстановленію или, точнѣе говоря, къ подробной разработкѣ и введенію въ дѣйствіе органическаго статута 1832 г., и въ этомъ отношеніи его планъ мало чѣмъ отличался отъ той программы, съ которой былъ посланъ въ Петербургъ статсъ-секретарь Карницкій. Но онъ этимъ не ограничивался: онъ хотѣлъ ввести коренныя преобразованія въ положеніе самого общества польскаго и отдѣльныхъ классовъ населенія Царства Польскаго. Въ этомъ отношеніи имѣли существенное значеніе: 1) развитіе въ національномъ духѣ системы народнаго просвѣщенія, 2) тщательная разработка системы мѣстнаго самоуправленія—отъ гминныхъ и городскихъ учреждений до провинціальныхъ штатовъ (ландтага) включительно—на основахъ имущественно-буржуазнаго принципа, 3) довольно радикальное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, въ смыслѣ почти полнаго равноправія, но съ тѣмъ, чтобы евреи признавали себя поляками моисеева закона, и 4) разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ очень умѣренномъ духѣ—на началахъ очиншеванія, т.-е. замѣны барщины тѣмъ или инымъ видомъ денежныхъ повинностей, но безъ разрыва связи между крестьянами и помѣщиками ¹⁾.

Таковы были въ самыхъ общихъ чертахъ реформы, задуманныя Велепольскимъ. Въ конечномъ счетѣ онъ имѣлъ въ виду проложить, такимъ образомъ, путь къ возстановленію полной автономіи и возвращенію конституціи 1815 г., но при этомъ хотѣлъ существенно преобразовать и самое общество польское. Съ „красными“ революціонерами онъ думалъ справиться путемъ безпощадной репрессіи, а „бѣлыхъ“ не терялъ надежды перетянуть въ значительномъ числѣ на свою сторону. Принявъ въ этихъ цѣляхъ должность директора комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, онъ фактически объединилъ въ своихъ рукахъ также руководство комиссіями юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и съ кипучей энергіей приступилъ къ разработкѣ соответствующихъ законопроектвъ.

Работа его подвигалась съ блестящимъ успѣхомъ; но въ осуществленіи своихъ политическихъ замысловъ онъ встрѣтилъ въ самомъ польскомъ обществѣ непреодолимыя затрудненія, которыя осложнились еще и рядомъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, вродѣ, на примѣръ, быстрой смѣны намѣстниковъ Царства Польскаго, изъ которыхъ большая часть вовсе не одобряли его политики. Кн. Горчаковъ умеръ весной 1861 г.; на его мѣсто прибылъ тупой и необразованный, но въ то же время упрямый Сухазанетъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ замѣненъ любезнымъ и деликатнымъ, но мало подготовленнымъ къ своей должности гр. Ламбертомъ, намѣстничество котораго

¹⁾ Спасовичъ, назв. соч., стр. 164 и слѣд.

быстро закончилось личной катастрофой (столкновением и американской дуэлью с его ближайшим помощником генералом Герштенцвейгом); затѣмъ опять временно исполнялъ обязанности намѣстника Сухазанетъ и, наконецъ, послѣ него генераль Лидерсъ, уже не заставшій Велепольскаго въ Варшавѣ,—все это въ течение одного года. Но гораздо большія затрудненія испытывалъ Велепольскій въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ. Прежде всего онъ вызвалъ рѣзкую оппозицію противъ себя всего подчиненнаго ему духовенства, которое онъ оттолкнулъ отъ себя первою же своею властною и дышащею внутреннею силою рѣчью, которой онъ прямо показалъ, что не потерпитъ никакого участія духовенства въ различныхъ демонстраціяхъ и манифестаціяхъ революціоннаго характера. Затѣмъ ему пришлось совершенно разочароваться въ надеждахъ своихъ привлечь на свою сторону заправиль земледѣльческаго общества съ гр. Андреемъ Замойскимъ во главѣ, который не только уклонился отъ всякаго соучастія въ замышлявшихся Велепольскимъ преобразованіяхъ и въ возстановленныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ края, но проявлялъ хотя и пассивную, но явную оппозицію его дѣятельности.

Между тѣмъ на улицахъ Варшавы начались рѣзкія проявленія движенія въ формѣ процессій религіознаго характера, но съ явнымъ революціоннымъ отбѣнкомъ, причемъ не только происходили столкновения съ войсками на улицахъ, но и въ костелахъ, завершившіяся закрытіемъ всѣхъ костеловъ духовною властью, послѣ чего произошла рѣзкая схватка съ войсками возлѣ королевскаго замка, въ которомъ жилъ намѣстникъ, въ результатѣ давшая до 200 убитыхъ и болѣе 400 раненыхъ. Все это происходило еще при Горчаковѣ, въ апрѣлѣ 1861 г. Когда же, послѣ его смерти, наступила непрерывная смѣна намѣстниковъ, со стороны которыхъ дѣятельность Велепольскаго встрѣчала массу мелкихъ препятствій, то Велепольскій, несмотря на успѣшное прохожденіе большей части его проектовъ въ законодательномъ порядкѣ въ Петербургѣ, призналъ невозможнымъ продолжать свою дѣятельность и, при вторичномъ появленіи Сухазанета, подалъ въ отставку.

Вызванный затѣмъ въ Петербургъ, онъ сумѣлъ, однако же, тамъ найти точку опоры для продолженія своей политики въ сочувствіи, встрѣченномъ имъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, въ особенности со стороны министра иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова и великаго князя Константина Николаевича, причемъ послѣдній самъ согласился отправиться въ Варшаву въ качествѣ намѣстника, а Велепольскому предложенъ былъ постъ начальника гражданскаго управленія царства. Эта комбинація оказалась, однако же, запоздалой, какъ и вся дѣятельность Велепольскаго. Когда великій князь и маркизъ явились въ Варшаву лѣтомъ 1862 г., то уже и бѣлая, а тѣмъ болѣе

красная партія, на которыя дѣлилось теперь все общество, заняли вполне непримиримыя позиціи. Красная партія вступила на путь террора, и правительству пришлось принять рядъ рѣзкихъ репрессивныхъ мѣръ, которыя, однако, не привели къ цѣли. Земледѣльческое общество было закрыто, гр. Андрей Замойскій высланъ былъ изъ Варшавы и уѣхалъ за границу. Последняя мѣра, которую Велепольскій придумалъ, чтобы предупредить возстаніе, послужила, наоборотъ, сигналомъ къ его началу. Это былъ объявленный правительствомъ рекрутскій наборъ, при помощи котораго Велепольскій надѣялся убрать изъ городовъ наиболѣе горячіе элементы. Соответственно этой цѣли наборъ объявленъ былъ только въ городахъ, не касаясь сельскаго населенія. Но вмѣсто набора вспыхнуло возстаніе, начавшееся избіеніемъ русскихъ солдатъ въ казармахъ во время сна.

И великій князь, и Велепольскій принуждены были признать свою миссію неудавшейся. Усмирять возстаніе въ Царствѣ Польскомъ выпало на долю гр. Берга, въ Литвѣ, куда оно перекинулось,—на долю М. Н. Муравьева.

Къ политикѣ маркиза Велепольскаго русское правительство уже не возвращалось. Встрѣтивъ маркиза въ 1864 г. въ Берлинѣ, императоръ Александръ II сказалъ ему съ горечью: „nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus!“. Послѣ подавленія возстанія правительство русское обратилось къ иной системѣ политики въ Польшѣ, о которой мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Корниловъ.

Китай и Россія.

Настроения современнаго Китая.

Антимилитаристское теченіе.—Германская агитация.—Германское вліяніе въ Китаѣ.—Паденіе Циндао и прекращеніе германской агитации.—Попытки къ реставраціи Дайпинговъ.—Жизнь Дайпинговъ.—Протесты китайской печати противъ германскихъ варварствъ.—Крахъ германскаго дѣла въ Китаѣ.—Китайскіе руссофилы.—Реформы и возрожденіе.—Общество и Юань-Ши-кай.—Новая эра на Дальнемъ Востокѣ.—Китай и Россія.—Наша очередная и неотложная задача на Дальнемъ Востокѣ.

I.

Съ самыхъ первыхъ дней европейской войны Китайъ чрезвычайно чутко началъ реагировать на мировыя событія и этимъ самымъ опять рѣзко опровергъ ходячее представленіе о себѣ, какъ о странѣ, еще не разбуженной отъ многовѣковаго сна и находящейся лишь во власти полуразбойничьихъ и анархически-изувѣрскихъ сектъ и партій.

Внутренній духовный образъ этой въ высшей степени интересной и загадочной страны для насъ, европейцевъ, до самыхъ послѣднихъ дней остается очень смутнымъ. Въ нашемъ представленіи о Китаѣ послѣ великой китайской революціи произошло лишь незначительное измѣненіе, касающееся только внѣшней стороны, скользнувшее только поверхностно. Даже въ восточной Сибири, въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Китаемъ, и то въ представленіи о Китаѣ попрежнему много смѣшныхъ и наивныхъ неправильностей, порой чисто-анекдотическаго характера. Китайцы намъ представляются какими-то дикарями. Китайское искусство и китайская этика намъ неизвѣстны. Намъ все еще кажется, что великая китайская стѣна существуетъ, что „Запретный городъ“ еще живетъ своей таинственной жизнью и что между нами и китайцами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что китайцы не интересуются тѣмъ, что находится за ихъ „великой стѣной“, и живутъ своей обособленной и мало интересной для насъ жизнью.

Однако, лишь только началась европейская война, лишь только заговорили пушки, лишь только раздались стоны первыхъ раненыхъ, какъ

„сонный“ Китай пробудился, какъ повсюду въ этой странѣ возникъ острый интересъ къ кровавымъ событіямъ, которыя скоро же перекинулись и сюда, въ, казалось бы, далекий отъ европейской войны Шаньдунь.

Самые первые дни войны настроеніе въ Китаѣ, правда, было неопредѣленное. Военная мощь Германии въ Китаѣ представлялась чрезвычайно значительной, была вѣра въ культурную миссію Германии, вспоминались всѣ ошибки, допущенныя по отношенію къ Китаю нами и нѣкоторыми изъ нашихъ союзниковъ, и все это, вмѣстѣ взятое, приводило къ тому, что въ китайской печати поднялась разногласица. Въ эти дни въ Китаѣ даже раздались голоса, враждебные иностранцамъ. Но вскорѣ же настроеніе опредѣлилось, и въ Китаѣ возникло яркое антимилитаристское теченіе.

Во многихъ городахъ состоялись антимилитаристскіе митинги, по улицамъ прошли манифестаціи, газеты начали заполняться статьями соотвѣтствующаго характера, и въ этомъ объединяющемъ могучемъ антимилитаристскомъ теченіи безслѣдно потонули слабые и одинокіе голоса китайскихъ шовинистовъ. Президентъ Юань-Ши-кай началъ получать со всѣхъ сторонъ покрытыя многочисленными подписями петиціи объ обращеніи къ правительству Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ просьбой принять всѣ возможныя для него мѣры къ предотвращенію войны и возстановленію нарушеннаго мира.

Но ни антимилитаристскіе протесты китайской печати, ни петиціи китайскаго народа, ни уступчивость Сербіи, ни мирное посредничество президента Вильсона не измѣнили намѣреній императора Вильгельма, не могли приостановить движенія германцевъ. Война началась, и вся тяжесть ея скоро же сказалась даже и на отдаленной китайской республикѣ.

Съ самыхъ же первыхъ дней европейской войны Китай вступилъ въ полосу тяжелаго промышленнаго застоя. Набѣги въ дальневосточныхъ водахъ германскихъ крейсеровъ привели къ тому, что всякое сообщеніе съ Китаемъ было прервано. Обстрѣлъ нашей „Рязани“ и потопленіе китайскаго „Винда“ произвели всюду самое тяжелое впечатлѣніе и сразу же отбили у всѣхъ охоту подвергаться подобному риску. Особенно сильно было впечатлѣніе отъ гибели „Винда“. Этотъ китайскій торговый пароходъ шелъ изъ Австраліи въ Шанхай съ пассажирами и грузомъ мяса. Случайно онъ наткнулся на германскій крейсеръ „Эмденъ“, который въ это время, вѣроятно, нуждался въ припасахъ. И вотъ съ „Винда“ берутся припасы, а затѣмъ, когда „Виндъ“ уже могъ считать себя спасеннымъ, на него дѣлается нападеніе, и весь пароходъ съ грузомъ и пассажирами идетъ ко дну... Послѣ этого, конечно, не много найдется желающихъ отправлять въ Китай свои товары.

И вотъ китайскіе порты затихли. Масса китайскихъ кули осталась безъ всякой работы. Сократился экспортъ чая, совершенно стала за отсутствіемъ экспорта чифусская шелковая промышленность, уничтожился подвозъ иностранныхъ товаровъ,—безработица росла, а одновременно съ этимъ также росла и дороговизна предметовъ первой необходимости. Такимъ образомъ Китай самымъ практическимъ образомъ познакомился съ послѣдствіями европейской войны, а это лишь содѣйствовало развитію въ странѣ возникшаго антимилиитаристскаго теченія.

II.

Но въ Китаѣ создавался и противовѣсъ этому теченію.

Въ Китаѣ очень много вліятельныхъ германскихъ газетъ, и вотъ при посредничествѣ этихъ газетъ германское посольство въ Пекинѣ начало вести по всей странѣ самую широкую агитацію, направленную противъ державъ тройственнаго соглашенія и противъ сохраненія Китаемъ своего нейтралитета. Въ Китаѣ повторилась та же исторія, что была въ Турціи. И здѣсь въ достиженіи своихъ цѣлей германцы не останавливались ни передъ какими мѣрами. Скупались издательства, дѣлались подкупы вліятельныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, созывались митинги, разбрасывались прокламаціи, и правда смѣшивалась съ ложью или замѣнялась клеветой. Но все это продѣлывалось такъ умѣло, что китайское общественное мнѣніе не замѣчало подтасовки фактовъ, оно было изумлено сообщеніями о звѣрствахъ, якобы допускаемыхъ державами тройственнаго соглашенія, и объ удивительныхъ побѣдахъ Германіи.

Въ странѣ началось глухое броженіе. Вліятельная въ Китаѣ нѣмецкая газета *Peking-Gazette*, которую теперь, между прочимъ, редактируетъ высланный изъ Японіи за антияпонскую пропаганду редакторъ *Japan-Times* г. Освальдъ, продолжала увѣрять, что Японія и Россія питаютъ по отношенію къ Китаю самыя агрессивныя намѣренія, и свои сообщенія подтверждала сфабрикованными въ Пекинѣ германскимъ посольствомъ данными. Шанхайскія, издающіяся на нѣмецкія деньги, газеты начали писать о томъ, что Японія настаиваетъ на заключеніи японско-китайскаго союза, по которому Японія возьметъ на себя обязанность охранять неприкосновенность Китая, что равносильно для Китая потерѣ своей политической независимости. Свои статьи эти газеты основывали на неправильно ими передаваемыхъ заявленіяхъ главы токійскаго кабинета гр. Окумы; онѣ хвалили японскихъ радикаловъ, обвинявшихъ гр. Окуму въ измѣнѣ своимъ прежнимъ взглядамъ, и совершенно замалчивали, въ чемъ именно заключалась эта измѣна и почему въ дѣйствительности на нее ополчились японскіе радикалы...

Японские прогрессивные круги были недовольны гр. Окумой за то, что замѣчали въ немъ проявленіе уступчивости по отношенію къ все-сильному „генро“ и поддерживаемымъ имъ военнымъ кланамъ „Сатсу-ма“ и „Чюсиму“. Эти кланы продолжали требовать увеличенія армии, но при объясненіи своихъ требованій они теперь, однако, указывали уже не на Китай или Россію, а на калифорнійскіе законы объ японскихъ эмигрантахъ, о чемъ нѣмецкія газеты совершенно умалчивали. Онѣ лишь усиленно намекали на агрессивность гр. Окумы въ отношеніи Китая и горячо призывали истинныхъ патриотовъ на защиту отечества.

И „истинные патриоты“ не замедлили откликнуться. Ни въ одной странѣ нѣтъ такой партійной дифференціаціи, какъ въ Китаѣ: здѣсь можно найти партіи съ самыми невѣроятными политическими программами. И на призывы шанхайскихъ, издающихся на нѣмецкія деньги, газетъ отозвалась одна изъ такихъ странныхъ организацій—„Партія Небоющихся Смерти“. Въ революціонной китайской, издающейся въ Коба, газетѣ *Чжао-жи-синь-вень* были напечатаны прокламаціи, въ которыхъ подробно разбирался японско-китайскій союзъ, критиковались дѣйствія въ Китаѣ иностранцевъ и, наконецъ, со словъ германскихъ газетъ, опубликовывались извѣстія о звѣрствахъ японскихъ войскъ въ Шаньдунѣ. Изъ Коба эти прокламаціи очень быстро распространялись по всему Шаньдуню и южнымъ провинціямъ. Такъ среди мирнаго населенія раздавался призывъ къ насилію надъ иностранцами...

Вскорѣ къ этимъ газетамъ присоединилась новая—*Peking D. News*. Эта газета сообщила, что въ Японіи чрезвычайно быстро расходится вышедшая тамъ брошюра подъ громкимъ названіемъ: „Раздѣлъ Китая“. Въ этой агитаціонной брошюрѣ, говорила газета, высказаны завѣтныя мысли иностранцевъ, уже давно мысленно раздѣлившихъ Китай и нерѣшающихся практически осуществить свое давнее желаніе лишь благодаря противодѣйствию Германіи.

— Берегитесь, китайцы!— патетически восклицала газета.— Если европейская война окончится побѣдой враговъ Германіи, то нашей политической независимости придетъ конецъ; тогда жестокіе побѣдители исполнять свое желаніе и безъ всякаго сожалѣнія уничтожатъ нашу самобытную многовѣковую культуру! На защитѣ нашей культуры стоятъ только наши истинные друзья—нѣмцы“.

Пруссаки, уничтожившіе Лувенъ и Реймскій соборъ, превратившіе въ развалины мирную цвѣтущую Бельгію, здѣсь представлялись защитниками китайской культуры, носителями гуманныхъ началъ...

III.

Конечно, поднятая пекинскимъ посольствомъ и очень искусно имъ инспирируемая агитація не могла пройти безслѣдно. Результаты ея

должны были сказаться, и они сказались очень скоро. По всей странѣ и особенно въ Шаньдунѣ и Манчжуріи возникли движенія, враждебныя намъ и японцамъ. По поселкамъ Китайско-Восточной желѣзной дороги проходили русско-японскія манифестации, и хмуро глядѣли на манифестантовъ китайцы. А въ Шаньдунѣ это тяжелое молчаніе уже превращалось въ открытыя столкновенія китайскаго мирнаго населенія съ войсками японскаго экспедиціоннаго корпуса.

Германской агитации много способствовало и то обстоятельство, что влияние Германіи было очень значительнымъ и при дворѣ китайскаго президента.

Среди высшаго китайскаго чиновничества имѣется очень много людей, женившихся на нѣмкахъ и вслѣдствіе этого имѣющихъ съ Германіей тѣсныя родственныя связи. Въ всякаго сомнѣнія всѣ эти германофилы съ самыхъ первыхъ же дней европейской войны начали усиленно работать въ пользу активнаго сближенія Китая съ Германіей. Но первое время, когда по всей странѣ шло яркое антимилитаристское теченіе, всѣ они работали тайно; теперь же германская партія сразу заговорила рѣпительнымъ языкомъ и старалась въ желательномъ ей смыслѣ воздѣйствовать на президента Юань-Ши-кай. И надо отмѣтить, что это германофильство встрѣчало въ немъ откликъ.

Вообще Юань-Ши-кай настолько скрытенъ, настолько дипломатиченъ, что разгадать, на чьей сторонѣ его искреннія симпатіи, почти невозможно. Вся жизнь Юань-Ши-кай прошла среди постоянного опасенія чѣмъ-нибудь выдать свое настроеніе и за то получить въ спину клинокъ наемнаго убійцы или чашку отравленнаго чая. Очень часто онъ видѣлъ трупы своихъ менѣе осторожныхъ и болѣе искреннихъ товарищей. „Запретный городъ“ научилъ его осторожности, онъ научилъ его хранить свои помыслы, скрывать свои намѣренія и наружно приспособляться къ требованіямъ переживаемаго момента.

Конечно, Юань-Ши-кай хорошо знаетъ цѣну германскимъ благодареніямъ. Но обаяніе германскаго бронированнаго кулака было такъ велико, а получаемыя изъ Берлина или черезъ Берлинъ деньги ему были такъ необходимы, что онъ дѣлался вынужденнымъ, но въ то же самое время и самымъ послушнымъ германофиломъ.

Въ всякаго сомнѣнія очень много работалъ въ пользу сближенія Китая съ Германіей и старшій любимый сынъ китайскаго президента Юань-Ко-Тингъ.

Юань-Ко-Тингъ—одна изъ наиболѣе интересныхъ фигуръ современнаго Китая. Это—большой, худой, блѣдный молодой человѣкъ, съ задумчивымъ, мечтательнымъ взглядомъ, но трудно себя представить, сколько энергіи и честолюбія скрывается подъ этой мечтательной философской наружностью! Юань-Ко-Тингъ сыгралъ видную роль въ первой великой

китайской революціи. Тогда онъ числился въ рядахъ революціонеровъ и являлся связью между своими партійными товарищами и своимъ отцомъ. Но вотъ Юань-Ши-кай сдѣлался великимъ президентомъ—времена измѣнились, измѣнился и Юань-Ко-Тингъ. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ и сначала живетъ тамъ въ качествѣ больного курортнаго гостя, а затѣмъ въ качествѣ посланника Китайской республики при берлинскомъ дворѣ. И здѣсь тогда начинается приводиться въ осуществленіе затаенная мысль отца и сына,—мысль о восстановленіи въ Китаѣ абсолютизма и о восстановленіи не путемъ реставраціи Дайцинговъ, а путемъ избранія *народомъ* въ императоры самого Юань-Ши-кай съ отказомъ послѣдняго въ пользу Юань-Ко-Тинга. Видѣть сына императоромъ и себя всесильнымъ регентомъ при немъ,—вотъ къ чему еще недавно стремился дальновидный китайскій политикъ, вотъ какое желаніе привело его къ дружбѣ съ Германіей; между Берлиномъ и Пекиномъ устанавливается тѣсная связь, и очень часто теперь то, что должно бы было рѣшаться въ Пекинѣ, рѣшалось въ Берлинѣ. И все это дѣлалось лишь потому, что Берлинъ подавалъ Юань-Ши-каю надежду на осуществленіе его завѣтной мечты!...

IV.

За послѣдніе годы вліяніе Германіи на Дальнемъ Востокѣ и особенно въ Китаѣ возрастало со сказочной быстротой. Германія захватывала въ свои руки всѣ китайскіе рынки, держала въ своихъ рукахъ почти всѣ финансовыя предпріятія страны, высылала сюда своихъ инструкторовъ для арміи и флота и, наконецъ, даже дѣлала погоду во внѣшней политикѣ Китая.

Особенно замѣтно германское вліяніе въ Китаѣ обозначилось со времени занятія Германіей Кіао-чао.

14 ноября 1897 года, воспользовавшись убійствомъ въ Китаѣ, какъ разъ въ Шаньдунѣ, двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, Германія оккупировала Кіао-чаоскую бухту и прилегающія къ ней окрестности подъ видомъ аренды на 99 лѣтъ. „Нѣмецкій орелъ,—по выраженію императора Вильгельма,—впустилъ свои могучіе когти въ кусокъ Китая, и надъ новой колоніей горделиво взвился германскій флагъ, который никогда и нигдѣ не склоняется“. Занятая германцами гавань оказалась лучшей на всемъ восточномъ побережьи. Она защищена отъ всѣхъ вѣтровъ, достаточно глубока, она можетъ служить хорошей базой для военнаго флота и имѣетъ за собой плотное населеніе Шаньдуня.

Съ чрезвычайной поспѣшностью германцы приступили къ оборудованію своей новой колоніи. Въ этомъ же году была начата постройка желѣзнодорожной линіи отъ лежащаго у входа въ гавань порта Циндао до главнаго города Шаньдуня Ци-нань-фу, съ вѣткой на Бо-шань. За-

тѣмъ вскорѣ же двумя другими линиями были соединены города И-чжоу-фу, Цзи-нань-фу и Цзю-чжоу-фу. Всѣ эти линіи прорѣзали плотно населенный Шаньдунъ и прошли по изобилующей минеральными богатствами мѣстности, разработку которой Китай предоставилъ въ исключительное пользованіе „Schantung Eisenbahn Gesellschaft“.

Циндао началъ быстро расти. Были сооружены два мола, сухой и пловучій доки, большой подъемный кранъ, выросла великолѣпная набережная, строились пакгаузы, проводились электричество и водопроводъ, разбивались парки, воздвигались форты, появлялись частные дома, отели, рестораны. Словомъ, въ очень короткое время Циндао превратился въ благоустроенный европейскій городъ. Циндаоская гавань начала заполняться торговыми пароходами, и по желѣзнымъ дорогамъ потекли въ Китай самые разнообразныя нѣмецкіе товары.

Какъ росли обороты Циндао, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ очень короткое время были открыты отдѣленія слѣдующихъ банковъ: Дэ-хуа (нѣмецко-китайскій), Дао-шанъ (руско-азиатскій банкъ), Хуй-фынь (англійскій), Хэнъ-бингъ-чжи-цзинъ (японскій), Май-цзя-ли (американскій), Чжунъ-го (правительственный китайскій), Ю-тай (коммерческій шаньдунскій) и др. За одинъ 1913 г. общая ввозная пошлина въ пользу китайскаго правительства превысила сумму въ 41.800,000 долларовъ.

Такимъ образомъ, благодаря Циндао германцы быстро захватывали въ свои руки китайскіе рынки, убивали на нихъ всякую иностранную конкуренцію и сосредоточивали въ своихъ рукахъ какъ экспортъ, такъ и импортъ страны. Очень скоро вліяніе Германіи въ китайскихъ дѣлахъ сдѣлалось настолько значительнымъ, что германцы проявили притязанія и на рынки внѣшняго Китая—Монголію и Маньчжурію. И изъ Монголіи оттягивался экспортъ сырья на Тяньцзинь, а въ Маньчжуріи стали появляться въ подавляющемъ количествѣ самыя разнообразныя нѣмецкіе товары.

Съ каждымъ годомъ это вліяніе усиливалось. Германцамъ удалось захватить въ свои руки всѣ оперирующіе въ Китаѣ банки. Одновременно съ этимъ въ Китаѣ интенсивно увеличивалось число германскихъ школъ, миссіонеровъ и газетъ, а въ арміи и флотѣ стали появляться германскіе инструктора.

Извлекая изъ Китая колоссальныя барыши, Германія зорко оберегала китайскіе рынки отъ иностраннаго вліянія и этимъ самымъ наносила серьезный ущербъ интересамъ остальныхъ державъ. Съ каждымъ годомъ политика Германіи становилась все болѣе и болѣе нетерпимой, и скоро создалось настолько тяжелое положеніе, что вѣра въ возможность дальнѣйшаго дальневосточнаго мира была окончательно утрачена. Дальній Востокъ снова вступилъ въ полосу тревожныхъ ожиданій.

Захватывая въ свои руки китайскіе рынки, Германія не забывала и о пекинскомъ правительствѣ. И за послѣднее время при Дайцингахъ и при Юань-Ши-каѣ китайская внѣшняя политика направлялась по руслу, предусмотрительно намѣченному Германіей. Этимъ въ значительной степени объясняются многочисленныя за послѣднее время японско-китайскіе и китайско-русскіе конфликты и лишеніе Англи нѣсколькихъ существенныхъ концессій. Съ цѣлью содѣйствовать улучшенію японско-китайскихъ отношеній, завязать съ Китаемъ торговыя сношенія и выяснить, что можно предпринять къ заключенію японско-китайскаго союза, изъ Японіи былъ посланъ баронъ Шибусава. Всюду онъ встрѣчалъ китайскія лобезныя улыбки, вездѣ ему говорили о желательности японско-китайскаго союза, повсемѣстно ему выражали полнѣйшую готовность завязать съ Японіей тѣсныя экономическія сношенія. Это было какое-то триумфальное шествіе. А баронъ Шибусава даже не закончилъ своей поѣздки, вернулся въ Токио и заявилъ, что до тѣхъ поръ, пока стоитъ германское Циндао, никто, кромѣ германцевъ, на китайскихъ рынкахъ работать не можетъ и что сейчасъ думать о японско-китайскомъ союзѣ бесполезно!...

V.

Какъ мною выше отмѣчено, германская агитація не прошла безслѣдно. И если въ Маньчжуріи возникала только глухая скрытая вражда, то въ Шаньдунѣ уже начались столкновенія мирнаго населенія съ японскимъ экспедиционнымъ корпусомъ.

Германскія газеты всѣ эти столкновенія объясняли звѣрствами, допускаемыми японскими войсками, но противъ этой агитаціи были приняты самыя рѣшительныя мѣры.

Изъ Японіи былъ высланъ г. Освальдъ, редакторъ издающейся въ Японіи германской газеты *Japan Times*, писавшей, что Японія никогда не возвратитъ и не можетъ возвратитъ Китаю его Кіао-чао. Затѣмъ англійскій посланникъ въ Пекинѣ подтвердилъ, что дѣйствія японцевъ ограничатся исключительно однимъ Шаньдунемъ, а японскій посланникъ потребовалъ закрытія всѣхъ китайскихъ газетъ, замѣченныхъ въ германской агитаціи.

Къ этому же времени ярко сказалась у германцевъ и разница между словомъ и дѣломъ. Приходили извѣстія о звѣрствахъ германцевъ въ Европѣ, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ варварское истребленіе германцами всѣхъ работавшихъ по укрѣпленію циндаоскихъ фортовъ китайцевъ путемъ отправки ихъ на работы въ минированныя мѣстности. Дни Циндао были сочтены. Германцы подъ Циндао слишкомъ поспѣшно оставляли линію внѣшнихъ укрѣпленій. Военная мощь Германіи замѣтно блѣднѣла, и германофильство въ Китаѣ интенсивно падало.

Одновременно съ этимъ рѣзко измѣнилось и направленіе политики правительства Юань-Ши-кай. Прежде всего правительствомъ были запрещены всѣ антияпонскіе митинги. Была установлена военная цензура для периодическихъ изданій. Было закрыто много газетъ. Провинціальнымъ властямъ было предписано принять всѣ мѣры для предотвращенія антияпонскихъ безпорядковъ.

Конечно, прекращеніе агитации не могло быть достигнуто въ одинъ день, не могло пройти безъ нѣкоторыхъ шероховатостей. И въ этомъ дѣлѣ сказалось то, что переживаетъ сейчасъ Китай повсемѣстно,—сказалась борьба Пекина съ провинціями, борьба Юань-Ши-кай за централизацию власти. Въ Шаньдунѣ, на примѣръ, провинціальныя власти очень долго сопротивлялись подобнымъ мѣропріятіямъ Юань-Ши-кай. Пекинское правительство предписало командующему шаньдунскими войсками генералу Чангу отозвать во избѣжаніе столкновений съ японцами свои войска изъ Шаньдуня, но генераль Чангъ, одинъ изъ виднѣйшихъ столповъ монархическаго движенія, отказался исполнить подобное предписаніе. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ также нашлись націоналисты, сторонники генерала Чанга. Произошло бурное засѣданіе, но въ конечномъ итогѣ генераль Чангъ долженъ былъ подать въ отставку, а войска были отозваны.

Нѣчто подобное произошло и въ другихъ провинціяхъ.

Одновременно съ этимъ японцы организовали особое разслѣдованіе всѣхъ опубликованныхъ китайскими газетами звѣрствъ, якобы совершенныхъ японскими войсками. И слѣдствие дало совершенно неожиданныя результаты: оказалось, что звѣрства, приписываемыя японцамъ, на самомъ дѣлѣ были совершены переодѣтыми германцами и что частью они провоцировались китайцами!...

Но вотъ скоро пали форты Циндао, германскому дѣлу въ Китаѣ былъ нанесенъ почти непоправимый ударъ, и отношенія китайцевъ къ намъ и нашимъ союзникамъ окончательно перемѣнились къ лучшему.

VI.

Германцы своей усиленной агитацией надѣялись вызвать въ Китаѣ революціонное и націоналистическое движеніе и этимъ самымъ принудить правительство Юань-Ши-кай, для отвлеченія общественнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ, къ активному выступленію противъ державъ тройственнаго соглашенія, главнымъ образомъ противъ Россіи, имѣющей съ Китаемъ такую значительную границу. Однако, эти расчеты не оправдались: агитация, враждебная державамъ тройственнаго соглашенія, была скоро же прекращена, а въ Китаѣ вмѣсто революціи возникли монархическіе безпорядки и возобновились разбои, что привело

къ объединенію населенія съ правительствомъ Юань-Ши-кая и къ торжеству антимилитаристской тенденці. Такимъ образомъ, германцы въ Китаѣ добились какъ разъ обратнаго тому, къ чему они такъ настойчиво стремились.

Разбой возникли въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ проявилась дѣятельность уцѣлѣвшихъ бандъ „Бѣлыхъ волковъ“.

Этимъ „волкамъ“ удалось занять рядъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ. Къ „волкамъ“ примкнули, съ одной стороны, небольшіе отряды крайнихъ революціонеровъ, а съ другой—совершенно обратное имъ—отряды крайнихъ реакціонеровъ, приверженцевъ Дайцинговъ. Уже одинъ такой блокъ говоритъ за то, что Китайъ сейчасъ очень далекъ отъ того, что онъ переживалъ въ предыдущіе годы, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ серьезнымъ народнымъ движеніемъ, а съ потухающими вспышками движеній самаго разнообразнаго характера. И надо ли говорить о томъ, что намѣренія союзниковъ „волковъ“ сейчасъ обречены на неудачу.

Агитація за реставрацію трона Дайцинговъ въ Китаѣ еще не прекратилась. Правда, большинство недавнихъ властителей Китая отказалось отъ всякихъ притязаній, и многие изъ нихъ теперь въ своемъ новомъ положеніи свободныхъ и богатыхъ людей Китая чувствуютъ себя гораздо лучше, чѣмъ то было при богдыханѣ. Но среди нихъ все же есть немногіе, которые еще не забыли прошлаго: принцы Цинь, Гунь, бывший регентъ принцъ Чунь и главный совѣтникъ маньчжурскаго двора крайній реакціонеръ Ши-Сюй.

Принцъ Цинь является самымъ богатымъ человѣкомъ современнаго Китая. Еще недавно принцъ Цинь держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всей страны, но послѣ великой революціи онъ какъ будто совершенно отказался отъ государственной дѣятельности—заперся въ своемъ дворцѣ, никого не принималъ и началъ вести крайне уединенный образъ жизни. Но за этимъ скрывалась самая оживленная подпольная дѣятельность. Дворецъ принца Цина сдѣлался маякомъ для роялистовъ; отсюда исходила пропаганда реставраціи Дайцинговъ, здѣсь раздавались и щедрія обѣщанія, и деньги всѣмъ, кто содѣйствовалъ планамъ Дайцинговъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ принцъ Цинь оставался въ тѣни, и казалось, что вдохновителемъ монархическаго движенія въ пользу Дайцинговъ являлись принцы Гунь и Чунь, главнымъ образомъ принцъ Гунь, поселившійся послѣ революціи въ безопасномъ для него Циндао. Ближайшимъ помощникомъ принца Гуна былъ популярнѣйшій въ Китаѣ ученый Ляо-Да-Сънь. И въ томъ, что принцу Гуну удалось перетянуть на свою сторону этого извѣстнаго и безкорыстнаго учнаго, приверженцы Дайцинговъ видѣли залогъ своего успѣха.

Правительство Юань-Ши-кая до самаго послѣдняго времени не принимало по отношенію къ агитаціи Дайцинговъ какихъ-либо рѣшитель-

ныхъ мѣръ. Правда, производились аресты, было совершено нѣсколько казней, но въ то же самое время агитация Дайцинговъ процвѣтала, и дворець принца Цина оставался неприкосновеннымъ. Однако теперь, благодаря германской агитации, дѣла приняли настолько серьезный оборотъ, что потребовали рѣшительныхъ мѣръ. На почвѣ монархической агитации возникли военные бунты—это сильнѣйшее зло современнаго Китая. Безпорядки коснулись даже дворцовой стражи. Былъ моментъ, когда казалось, что Китай снова переживетъ еще серію государственныхъ переворотовъ. Тогда въ Пекинѣ начались аресты и казни. Казненъ былъ и китайскій философъ Ляо-Да-Сѣнь.

Однако и эти безпорядки не представляютъ чего-либо угрожающаго. Правда, напуганные прежними безпорядками иностранцы начали изъ южныхъ провинцій выѣзжать въ Гонконгъ, возможно, что безпорядки отразятся на чайномъ рынкѣ и нѣсколько задержать доставку къ намъ чая, но этимъ, вѣроятно, все и ограничится: влияние Юань-Ши-кая замѣтно усилилось, и тотъ же принцъ Цинъ считаетъ его сейчасъ единственнымъ въ Китаѣ человѣкомъ, могущимъ провести въ странѣ необходимыя реформы. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что возникшіе безпорядки не задержали распространенія въ Китаѣ антимилитаристскаго течения, а это для Китая явленіе въ высшей степени симптоматичное. Въ дни великой китайской революціи или во время боксерскаго движенія антимилитаристскаго течения въ Китаѣ не было и не могло быть.

Такимъ образомъ, вмѣсто революціоннаго движенія германцамъ удалось вызвать какъ разъ обратное — монархическое, противъ котораго единодушно возстали и общество, и печать. Китайскія газеты опять начали настаивать на сохраненіи Китаемъ полнаго нейтралитета и на укрѣпленіи дружественныхъ отношеній съ Россіей и Японіей. Многія изъ китайскихъ газетъ сейчасъ подробно останавливаются на дѣлахъ Ближняго Востока, проводятъ параллели между Китаемъ и Турціей и предостерегаютъ правительство Юань-Ши-кая отъ увлеченія предложеніями берлинскихъ дипломатовъ, за довѣрчивость къ которымъ расплатятся и Турція и Австрія. И, наконецъ, китайская печать выступила съ протестомъ антимилитаристскаго характера, направленнымъ противъ недавнихъ друзей—германцевъ. Этотъ протестъ, появившійся въ распространеннѣйшей газетѣ *Шунь-тянь-ши-бао*, настолько характеренъ для настроенія современнаго Китая, что я позволяю себѣ его привести цѣломъ.

„Нѣмецкая культура,—говоритъ китайская газета,—считалась выше культуры другихъ народовъ, и этого никто не отрицалъ, сами же нѣмцы всегда гордились этимъ и старались развивать свое влияние въ другихъ странахъ, и въ этомъ отношеніи они имѣли громадный успѣхъ. Другимъ странамъ было тяжело конкурировать съ такимъ все болѣе развиваю-

щимся влияніемъ, такъ какъ высокая нѣмецкая культура довольно легко устраняла своихъ соперниковъ, преграждающихъ путь къ ея развитію. Безусловно, состязаться какому-нибудь другому народу съ нѣмцами становилось невозможнымъ, ибо всѣ народы скоро поняли, насколько высока нѣмецкая культура, съ которой не только не имѣетъ смысла бороться, но которую, наоборотъ, надо воспринимать и которой надо давать у себя ходъ. Такъ и дѣлали многіе народы, стараясь подражать нѣмцамъ, и вѣрили они, что нѣмцы — культурнѣйшій народъ въ мірѣ. Вѣра эта существовала до нашихъ дней. Но что же мы видимъ теперь? Разгорается европейская, вызванная нѣмцами же, война, падаютъ первыя жертвы, и міръ содрогается отъ допускаемыхъ германцами звѣрствъ, а нашъ народъ не хочетъ вѣрить, что эти звѣрства допускаются культурнѣйшимъ народомъ.

„Слухи о звѣрствахъ нѣмцевъ надъ ранеными и мирными жителями враждебныхъ державъ послѣ cadaго боя растутъ и подтверждаются. Нѣмецкія войска въ занятыхъ ими областяхъ производятъ издѣвательства, производятъ насилія надъ дѣтьми, женщинами и стариками, предаются грабежамъ и убійствамъ. Подобныя дѣйствія нѣмецкихъ солдатъ заставляютъ насъ, китайцевъ, глубоко задуматься и прійти къ заключенію, что кровь германцевъ осталась такою же, какой была на зарѣ исторіи, что культура коснулась ихъ лишь наружно, а ихъ духовныя начала остались въ первобытномъ состояніи“.

„Помѣщая настоящую статью, мы позволяемъ себѣ спросить у нѣмецкихъ властей, справедливы ли эти ужасныя обвиненія, дѣйствительно ли нѣмцы занимаютъ насиліями и грабежомъ? И если это дѣйствительно такъ, то мы не можемъ къ нѣмцамъ питать другихъ чувствъ, кромѣ чувства презрѣнія. Если это такъ, то мы призываемъ нашъ народъ протестовать противъ подобныхъ звѣрствъ, мы просимъ правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выступить противъ нѣмецкаго варварства. Мы вѣримъ, что граждане свободной Америки, которая всегда была выразительницей свободы народовъ, не останутся пассивными зрителями нѣмецкихъ безчинствъ. Мы убѣждены, что голосъ Америки будетъ услышанъ и что онъ заставитъ нѣмцевъ прекратить свои позорныя звѣрства“.

Этотъ протестъ былъ перепечатанъ очень многими китайскими газетами, онъ нашелъ живой откликъ въ обществѣ и показалъ, какъ остро современный Китай интересуется мировыми событіями, насколько выросло за послѣдніе годы самосознаніе китайскаго народа и какъ рѣзко измѣнилось теперь въ Китаѣ отношеніе къ Германіи.

VII.

Вскорѣ послѣ паденія Циндао Юань-Ши-каемъ было созвано чрезвычайное засѣданіе государственнаго совѣта, вниманію котораго было

предложено рассмотреть всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ создававшегося съ паденіемъ Циндао положенія вещей. Однимъ изъ первыхъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта вопросовъ являлся вопросъ о томъ, какъ отнестись къ занятію японцами Кіао-чао, настаивать ли передъ японцами на немедленномъ возвратѣ Кіао-чао Китаю и, если настаивать, то чѣмъ тогда компенсировать японскую уступчивость; вторымъ являлся вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи китайской политики по отношенію къ Японіи и Россіи. Совѣщаніе почти единогласно признало, что съ вопросомъ о Кіао-чао необходимо выждать, а отношенія съ Японіей и Россіей впредь должны оставаться наилучшими.

Вслѣдъ за этимъ были вызваны въ Пекинъ для совѣщаній объ укрѣпленіи добрососѣдскихъ отношеній маньчжурскіе губернаторы. И тогда же было рѣшено отправить въ Японію депутацію, которая приняла бы первые шаги въ сторону укрѣпленія китайско-японскихъ дружественныхъ отношеній. Въ Токио извѣстіе о такомъ постановленіи государственнаго совѣта произвело чрезвычайно хорошее впечатлѣніе и тамъ уже рѣшено сдѣлать то же самое: въ скоромъ времени въ Пекинъ отправится почетная делегація съ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ графомъ Терауци во главѣ; эта делегація на мѣстѣ разслѣдуетъ всѣ спорные вопросы и постарается заложить основаніе будущему японско-китайскому союзу.

Паденіе Циндао вся дальневосточная печать безъ различія національностей, за исключеніемъ, конечно, нѣмецкихъ газетъ, привѣтствовала какъ поворотъ международной политики на Дальнемъ Востокѣ въ сторону дѣйствительнаго мира.

Германскій милитаризмъ являлся постоянной угрозой дальневосточному миру и создавалъ здѣсь чрезвычайно напряженное настроеніе. Дальневосточный миръ обращался въ какую-то хрустальную, очень хрупкую драгоценность, на сохраненіе которой уходили всѣ силы и всѣ заботы. И иногда эта общая боязнь вызвать осложненія съ Германіей доходила до смѣшного; такъ, напримѣръ, было въ дѣлѣ харбинскаго даотая Линь-Тяо.

Даотай Линь-Тяо является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ дѣятелей „молодого“ Китая. Человѣкъ образованный, умный, съ громадной энергіей, онъ извѣстенъ въ Китаѣ, какъ виднѣйшій и убѣжденнѣйшій руссофилъ. Въ всякихъ сомнѣніяхъ такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Линь-Тяо, въ Китаѣ сейчасъ не много, и поэтому передъ Линь-Тяо открывалась блестящая карьера. И тѣмъ, что эта блестящая карьера такъ странно и такъ неожиданно оборвалась, Линь-Тяо обязанъ какъ разъ своимъ друзьямъ—намъ, русскимъ!

Линь-Тяо все время настаивалъ на тѣсномъ сближеніи Китая съ

Россіей. Все время онъ развѣзжалъ между Петроградомъ, Пекиномъ, Владивостокомъ и Харбиномъ. Результаты его настойчивости уже начали было сказываться. Но на его дѣятельность обратили вниманіе въ Берлинѣ, его дѣятельность тамъ признали неудобной, и по требованію изъ Берлина нашъ посланникъ заявилъ въ Пекинѣ, что Линь-Тяо необходимо убрать изъ Харбина, что его дальнѣйшее пребываніе въ Харбинѣ можетъ вызвать дальневосточныя осложненія!.. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ удивленіемъ было встрѣчено въ Пекинѣ это заявленіе и какъ оно содѣйствовало росту германскаго вліянія въ Китаѣ?!..

Линь-Тяо вызвали въ Пекинѣ. Это было какъ разъ передъ войной. Линь-Тяо выѣхалъ изъ Харбина въ самомъ радостномъ настроеніи. Еще бы!—не только ему самому, но и всѣмъ провожавшимъ его казалось, что, наконецъ-то, теперь его поймутъ, наконецъ-то, его настойчивость восторжествуетъ. Но надежды его не сбылись. Въ Пекинѣ рады были въ угоду Германіи отдѣлаться отъ такого энергичнаго руссофила и по пріѣздѣ Линь-Тяо ему предложили выйти въ отставку. Линь-Тяо подалъ въ отставку, его карьера была уничтожена, но онъ однако не успокоился, онъ вернулся въ Харбинъ и теперь занятъ здѣсь организаціей солиднаго русско-китайскаго торгово-промышленнаго предпріятія, которому придается серьезное значеніе.

Конечно, такихъ энергичныхъ руссофиловъ въ Китаѣ не много, но въ то же самое время Линь-Тяо не является исключеніемъ, онъ въ Китаѣ далеко не одинокъ. Другіе китайскіе руссофилы не обладаютъ только такой смѣлостью, но тѣмъ не менѣе въ Китаѣ все же имѣется значительное руссофильское теченіе. Этимъ-то въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что на „активную“ политику въ духѣ боевого націонализма Китай отвѣчалъ чрезвычайно миролюбиво. А мы до сихъ поръ и не умѣли и не хотѣли использовать это миролюбіе въ свою пользу.

VIII.

Какъ я уже отмѣтилъ, съ паденіемъ Циндао германскому дѣлу въ Китаѣ нанесенъ почти непоправимый ударъ, а при благопріятномъ для союзниковъ окончаніи европейской войны Германія окончательно теряетъ весь Дальній Востокъ, на который она за послѣднее время обращала такое большое вниманіе.

Горделивыя слова императора Вильгельма о томъ, что „мѣсто, гдѣ пролита нѣмецкая кровь, навсегда остается принадлежащимъ Германіи“, уже потеряли всякое значеніе, германскій флагъ надъ Циндао упалъ, „Германскій орелъ“ подъ натискомъ японцевъ разжалъ „свои могучіе когти“, и передъ нами теперь открываются на Дальнемъ Востокѣ но-

вые широкіе горизонты, для насъ является полная возможность укрѣпить наши дружественныя отношенія съ Китаемъ и начать работу на китайскихъ рынкахъ.

За время европейской войны сказалось то внутреннее успокоеніе, которое достигнуто правительствомъ Юань-Ши-кай, кажется, окончательно вступившимъ на путь послѣдовательныхъ реформъ. Намѣченныя правительствомъ Юань-Ши-кай реформы должны коснуться самыхъ разнообразныхъ сторонъ китайской жизни; администрація, судъ, армія, финансы— все это будетъ затронуто тѣми законопроектами, которые внесены правительствомъ Юань-Ши-кай въ новый китайскій парламентъ—Ли-фа-юань. Трудно сравнивать Ли-фа-юань съ парламентами западно-европейскихъ странъ; онъ нѣсколько напоминаетъ нашу Государственную Думу и даже можетъ показаться какъ бы совѣтомъ при особѣ президента. Но за Ли-фа-юанемъ всетаки имѣется право отклонять правительственные законопроекты или измѣнять ихъ и, наконецъ, главное, у Ли-фа-юаня есть связь съ населеніемъ, что придаетъ ему значительную крѣпость и силу.

Укрѣпленіе народовластія и народнаго представительства въ Китаѣ можно видѣть и въ томъ, что сами Дайцинги къ движенію въ ихъ пользу отнеслись съ очень замѣтнымъ индиферентизмомъ. Кромѣ упомянутыхъ выше принцевъ Цина, Гуна и Чуня, всѣ остальные уже окончательно, кажется, порвали съ своимъ прошлымъ всѣ связи.

Эксъ-императоръ, бывшій „Сынъ Неба“ Пу-И, которому теперь уже около 9 лѣтъ, живетъ въ отдѣльной части „Запретнаго Города“, въ уединенномъ павильонѣ, за дворцомъ Юань-Ши-кай. Большинство принцевъ послѣ великой революціи поспѣшило покинуть Пекинъ, и около эксъ-императора скоро же образовалась гнетущая пустота. Единственными его сожителями являются крайній реакціонеръ, бывшій совѣтникъ маньчжурскаго двора, маньчжуръ Ши-Сюй, въ 1908 году спасшій отъ смертной казни Юань-Ши-кай, и три учителя: два китайца и одинъ монголь. Новыя вѣянія въ этотъ забытый павильонъ не проникли, здѣсь все по-старому, ребенокъ даже не знаетъ о томъ, что сдѣлала въ Китаѣ великая революція—относительно этого его держать въ полномъ невѣдѣніи. По общимъ разговорамъ, Пу-И—болѣзненный ребенокъ, который уже и теперь проявляетъ въ своихъ поступкахъ признаки дегенерации и жестоко расправляется съ подаренными ему для забавы животными.

Герцогъ Цай-Цзэ, бывшій министръ финансовъ, поступилъ на службу къ правительству Юань-Ши-кай и занимаетъ теперь должность смотрителя императорскихъ гробницъ, а принцъ Пу-Лунъ числится совѣтникомъ президента и все свое время проводитъ въ биллиардной одного изъ отелей посольскаго квартала. Еще недавно вдовствующая

императрица Цы-Си выражала намѣреніе назначить его наслѣдникомъ престола, а теперь этотъ кандидатъ въ императоры потерялъ всякій авторитетъ и производитъ жалкое впечатлѣніе.

Остальные Дайцинги живутъ въ Циндао или Таньцзинѣ и тоже, кажется, уже совершенно забыли о своемъ недавнемъ прошломъ. Такимъ образомъ „Запретный Городъ“ быстро теряетъ свой прежній видъ, дѣлается достояніемъ исторіи и на развалинахъ его появляются и крѣпнутъ ростки новой жизни.

Одновременно съ этимъ можно констатировать и улучшение отношеній между обществомъ и Юань-Ши-каемъ. Въ всякаго сомнѣнія Юань-Ши-кай при всѣхъ его недостаткахъ является крупной исторической личностью, съ чѣмъ соглашается и такой его личный врагъ, какъ принцъ Цингъ. Только Юань-Ши-кай, пожалуй, и можетъ сдержать сейчасъ всѣ тѣ разнообразныя теченія, во власти которыхъ находится страна, выковывающая себѣ новый государственный строй. Вліяніе и популярность Юань-Ши-каея за послѣднее время замѣтно возрастаютъ. Предпринятый Юань-Ши-каемъ внутренний пробный заемъ въ 16 милліоновъ таэлей далъ блестящіе результаты: подписка на этотъ заемъ была закончена въ очень короткій срокъ, чего раньше въ Китаѣ сдѣлать было невозможно. Все это опредѣленно говоритъ за то, что Китай окончательно покончилъ со своимъ прошлымъ, вступилъ на новый путь и что отношенія между обществомъ и правительствомъ значительно измѣнились къ лучшему.

Такимъ образомъ опасенія новыхъ государственныхъ переворотовъ въ Китаѣ постепенно отпадаютъ.

Въ то же самое время китайскіе рынки переживаютъ сейчасъ острый товарный голодъ. Китай съ его громаднымъ, въ 400 милліоновъ, населеніемъ еще очень долго не сможетъ существовать безъ иностраннаго привоза. Между тѣмъ со времени начала европейской войны привозъ иностранныхъ товаровъ въ Китай, какъ я уже отмѣчалъ выше, совершенно прекратился. Запасы этихъ товаровъ на китайскихъ рынкахъ не были значительными, и поэтому уже теперь Китай начинаетъ испытывать товарный голодъ. Конечно, долго безъ товаровъ Китай не останется, и если въ Китай мы не повеземъ своихъ товаровъ, то тогда германцевъ тамъ замѣнятъ другіе—прежде всего японцы, которые чрезвычайно заинтересованы въ китайскихъ рынкахъ и которые уже активно выступили на нихъ. До войны большинство оперирующихъ въ Китаѣ банковъ было нѣмецкаго происхожденія; теперь эти банки закрылись и ихъ замѣнили японскіе.

Наши торговыя отношенія съ Китаемъ до самаго послѣдняго времени оставляютъ желать многого. Въ 1911 году мы ввезли въ Китай разныхъ товаровъ на 16 милліоновъ, а въ 1912 году на 17 мил-

люновъ таалей—такъ слабо увеличивается нашъ экспортъ въ Китай. И надо сознаться, что до самаго послѣдняго времени мы почти и не интересовались этимъ въ высшей степени важнымъ рынкомъ.

Первыя наши начинанія въ этомъ направленіи относятся еще къ концу русско-японской войны, когда въ нашемъ обществѣ впервые пробудился интересъ къ Дальнему Востоку. Но тогда мы сдѣлали только нѣсколько шаговъ, остановились на полпути и дальше этого до сихъ поръ не пошли. Къ китайскимъ рынкамъ мы отнеслись съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ хотя бы къ монгольскому рынку, хотя тѣ рынки несравненно интереснѣе и сложнѣе.

За все это время мы въ этомъ направленіи сдѣлали только одно: пришли въ Харбинъ, построили тамъ знаменитые „Московскіе Ряды“ и стали тамъ поджидать покупателей изъ Китая. Но въ Китай везли свои товары германцы, на китайскіе рынки обращали усиленное вниманіе американцы и японцы—зачѣмъ же китайцу надо было идти къ намъ, въ наши, заваленные совершенно неподходящими для него товарами, „Московскіе Ряды“? И эти „Ряды“ пустовали, наши торговыя начинанія на рынкахъ Китая оставались почти безрезультатными.

Теперь конъюнктура рѣзко измѣнилась. Наши отношенія съ Китаемъ налаживаются, а китайскіе рынки освобождаются отъ германской зависимости. Правда, на китайскіе рынки прежде всего пойдутъ японцы—это явится законной и заслуженной ими наградой за ту существенную помощь, которую они оказали державамъ тройственнаго соглашенія. Но состояніе японской промышленности, степень развитія этой промышленности не закрываетъ для насъ китайскихъ рынковъ, не лишаетъ насъ возможности также работать здѣсь. И наша работа на этихъ рынкахъ не повредитъ нашимъ дружественнымъ отношеніямъ съ Японіей.

Недавно въ популярномъ въ Японіи политическомъ журналѣ *Taisei* (*Солнце*) появилась на эту тему очень интересная статья. Авторъ статьи подробно разбираетъ японскую и нашу заинтересованность на Дальнемъ Востока и путемъ сопоставленія этихъ интересовъ приходитъ къ заключенію, что наша конкуренція съ Японіей никогда не сможетъ повредить нашему союзу съ этой державой. Такимъ образомъ и съ этой стороны намъ нѣтъ препятствій для работы на китайскихъ рынкахъ.

Но для этой работы намъ необходимо теперь же основательно изучить особенности этихъ рынковъ, необходимо выработать нужные для нихъ товары и, главное, добиться того, чтобы наши товары сдѣлались здѣсь популярными.

Въ отношеніи изученія рынковъ намъ хорошій примѣръ даютъ японцы. Едва только въ Китаѣ перестали, какъ я уже говорилъ, работать германскіе банки, какъ тамъ начали открываться отдѣленія японскихъ банковъ, быстро захватившихъ даже тѣ операціи, которыя до сихъ

порь являлись какъ бы германской монополей. Затѣмъ японцы чрезвычайно заинтересованы въ укрѣпленіи торговыхъ отношеній съ Россіей. И вотъ въ Японіи сразу же возникаетъ нѣсколько обществъ—„Русско-японское“, „Кокусанъ-Сюрэй-кай“ и др., которыя ставятъ своей задачей укрѣплять торговые сношенія съ нами. Во Владивостокѣ сейчасъ наблюдается значительный, небывалый пріѣздъ японскихъ вояжеровъ. Отсюда они разѣдутся по разнымъ направленіямъ, быстро изучать всѣ требованія и вкусы нашего потребителя, и въ очень короткомъ времени появятся товары, которые нигдѣ не могутъ итти въ Японію и которые будутъ тамъ выработаны страной исключительно для нашихъ рынковъ.

Но, кромѣ этого, японцы также очень серьезно заинтересованы нашимъ маньчжурскимъ и пріамурскимъ сырьемъ. И вотъ въ Харбинѣ по проекту японцевъ организуется большая торговая экспедиція, которая захватитъ съ собой образцы мѣстнаго сырья (кожи, щетина, сало, масло, овчина, шерсть, мука, пшеница, воскъ, медь уссурійскій и др.), будетъ снабжена надлежащими рекомендаціями, получитъ бесплатный проѣздъ по южно-маньчжурской желѣзной дорогѣ, посѣтитъ главнѣйшіе рынки Японіи и положитъ основаніе въ Японіи экспорта этого нашего сырья.

Вотъ они, эти примѣры, и здѣсь ихъ сейчасъ чрезвычайно много! Война еще не окончилась, весьма возможно, что Японія еще приметъ въ ней дальнѣйшее активное участіе, а между тѣмъ здѣсь уже думаютъ о томъ, что необходимо дѣлать послѣ войны, думаютъ о разрѣшеніи тѣхъ задачъ, которыя поставлены этой ужасной войной...

Эти задачи возникаютъ и передъ нами. И одна изъ нихъ—чрезвычайно важная задача: использование того, что на Дальнемъ Востокѣ намъ доставлено войной. Крахъ германскаго дѣла въ Китаѣ, паденіе Циндао знаменуютъ собой перемѣну междунаrodnыхъ отношеній на Дальнемъ Востокѣ. Здѣсь теперь слагается иная конъюнктура, возникаетъ новая эра,—эра мирнаго прогресса, передъ нами теперь здѣсь открываются новые широкіе горизонты, и намъ нельзя упускать момента, намъ нужно быть готовыми къ той новой работѣ, которая возникнетъ здѣсь немедленно же послѣ того, какъ стихнетъ послѣдній орудійный залпъ, послѣдній стонъ раненаго...

Намъ нужно приготовиться къ работѣ на китайскихъ рынкахъ—вотъ одна изъ наиболѣе важныхъ, поставленныхъ европейской войной, дальневосточныхъ задачъ.

Но передъ нами при попыткахъ разрѣшить эту задачу встаетъ вопросъ: нѣтъ ли у китайскаго народа къ намъ озлобленности, нѣтъ ли у него по отношенію къ намъ предубѣжденія, о которыя легко могутъ разбиться всѣ наши самыя энергичныя начинанія?

Я уже давно живу на Дальнемъ Востокѣ, мнѣ много приходилось и приходится сталкиваться съ китайцами и изъ моихъ непосредствен-

ныхъ надъ этимъ народомъ наблюденій я уже давно вынесъ глубокое убѣжденіе, что у китайскаго народа нѣтъ по отношенію къ намъ никакихъ враждебныхъ предубѣжденій. Даже въ тѣ дни, когда по нашей же винѣ наши отношенія съ пекинскимъ правительствомъ были натянутыми, даже и тогда отношенія китайскаго населенія къ намъ оставались неизмѣнно миролюбивыми. Правда, съ горечью приходится констатировать фактъ, что вслѣдствіе неправильной нашей политики за послѣдніе годы это миролюбіе начало падать; у китайца по отношенію къ намъ накопилось много справедливыхъ обидъ, и эти годами накопленные обиды иногда начали у него прорываться, но въ этомъ, повторяю, мы сами виноваты и, къ счастью, въ нашихъ рукахъ—исправить это. Если бы въ Китаѣ широкіе круги населенія, если бы китайскій народъ былъ къ намъ настроенъ враждебно, то тогда бы изъ его среды никогда не могли бы выходить такіе руссофилы, какъ даотай Линь-Тяо, уже давно мечтающій о полномъ русско-китайскомъ союзѣ.

Китай—страна, обладающая громаднымъ запасомъ потенциальной энергии, страна будущаго, и свѣтлаго будущаго. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, въ странѣ окончательно окрѣпнетъ правовой строй, реформы коснутся самыхъ разнообразныхъ сторонъ китайской жизни, и тогда все, что теперь нами въ отношеніи укрѣпленія русско-китайскихъ отношеній будетъ достигнуто, принесетъ намъ громаднѣйшую пользу. Народъ, который создалъ свою особую культуру, свое оригинальное искусство, который при иностранныхъ влияніяхъ и при иностранныхъ заимствованіяхъ сохраняетъ свое самобытное начало, который такъ легко перешелъ отъ крайняго абсолютизма къ правовому строю,—такой народъ уже доказалъ свою жизнеспособность, доказалъ, что онъ непременно активно выступитъ на міровой аренѣ,—а все это говоритъ за то, что дружба съ такимъ народомъ желательна и полезна.

Тѣсное сближеніе съ Китаемъ при обязательномъ сохраненіи общаго дальневосточнаго мира, полное экономическое оздоровленіе нашей дальневосточной окраины, ликвидація боевого национализма,—вотъ тѣ задачи, которыя ставятъ передъ нами великая европейская война.

Вал. Сѣверовскій.

Борьба за имперію.

Империализмъ въ политикѣ и экономикѣ.

I. Имперія и империализмъ.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ Германія, выработавъ значительно раньше общую національную культуру, образовала также въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ здоровое и сильное національное тѣло. Сперва это національное цѣлое въ значительной степени было какъ бы замкнуто въ самомъ себѣ и не нуждалось ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи въ дальнѣйшемъ расширеніи (извѣстное бисмарковское „saturiert“). Однако, съ теченіемъ времени, особенно начиная съ конца 80 годовъ XIX в., нѣмецкая нація начала перерастать тѣ границы чисто-национальнаго бытія, которыя были установлены ея достиженіями 1830—70 годовъ. Въ самомъ концѣ XIX в., особенно же въ первые годы XX вѣка стало ясно, что для нѣмецкаго народа выросла новая задача: создать для себя и за предѣлами своей національной территоріи широкую сферу экономическаго вліянія, простирающуюся на другіе, чуждые нѣмецкой націи, народы, и закрѣпить это экономическое расширеніе властвованіемъ культурнымъ и политическимъ въ той или иной формѣ. Подобнаго расширенія настоятельно требовали чрезвычайно увеличившіяся производительныя силы націи, искавшія примѣненія, и быстрый ростъ населенія. Задачи чисто-национальныя смѣнились для Германіи задачами империалистическими,—смѣнились нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ основанія Германской имперіи. Эта имперія, какъ она сложилась въ 1870—71 г., сперва не заключала въ себѣ империалистическихъ элементовъ, будучи осуществленіемъ чисто-национальной идеи; империалистическія задания стали для нея на очередь лишь черезъ нѣкоторое время послѣ 1871 г.

Мы попытаемся здѣсь установить нѣкоторыя общія империалистическія категоріи; въ дальнѣйшемъ онѣ должны помочь изслѣдовать идеологию великой Германіи, выяснить ея соотношенія къ империалистичес-

скимъ задачамъ Россіи и, вообще, опредѣлить—въ приблизительныхъ чертахъ—то столкновение имперіалистическихъ заданій, которое привело къ конфликту 1914 г.

Нужно установить, что понятіе имперіализма одинаково можетъ быть относимо какъ къ извѣстному направленію чисто-политическаго, государственнаго характера, такъ и къ ряду явленій извѣстнаго порядка въ области экономической и культурной жизни. Можетъ существовать имперіализмъ въ политикѣ, имперіализмъ въ экономикѣ, имперіализмъ въ дѣлахъ культуры. Но сначала мы обратимся къ самому понятію имперіализма. Имперіализмъ, прежде всего, представляетъ собою извѣстное направленіе, опредѣленную тенденцію въ политикѣ—въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ политикѣ, поскольку она обнимаетъ и чисто-политическія, государственныя отношенія, и отношенія хозяйственныя, и отношенія культурныя. Чѣмъ же характеризуется эта тенденція? „Имперіалистической“ можно назвать политику—въ широкомъ смыслѣ слова—каждой націи, расширяющей или расширившей свое національное хозяйство, національную культуру или границы своего національнаго государства за предѣлы своей національности, своей національной территоріи ¹⁾. Подобная политика ставитъ себѣ задачу вовлечь другіе народы и страны въ кругъ вліянія „имперіализующей“ націи или страны, заставить ихъ какъ бы вращаться по орбитамъ вокругъ „имперіализующаго“ центра, какъ планеты вращаются вокругъ солнца, или даже слить всю эту систему въ единое политическое, культурное и хозяйственное цѣлое и, такимъ образомъ, замѣнить національное хозяйство, культуру и государство главенствующей націи хозяйствомъ, культурой и государствомъ сверхнациональными, какъ это случалось и можетъ случаться въ имперіалистическихъ образованіяхъ извѣстнаго типа.

Имперіалистическую политику ведетъ какая-либо отдѣльная нація; но поскольку эта политика приводитъ къ реальнымъ послѣдствіямъ—эти послѣдствія выходятъ за предѣлы національнаго бытія этой націи, и касаются, ближайшимъ образомъ, ряда націй и странъ. Реальнымъ достиженіемъ имперіалистической политики является образованіе „имперіи“. „Имперія“, какъ осуществленное многонаціональное единство, простирающееся одновременно на различныя области—государство, культуру, хозяйство,—служитъ единственнымъ прочнымъ исходнымъ пунктомъ

¹⁾ Мы говоримъ вездѣ „национальный“, потому что, по нашему мнѣнію, понятіе имперіализма слѣдуетъ ограничить областью взаимоотношеній цѣлыхъ народностей и странъ. Мы можемъ говорить объ имперіализмѣ въ отношеніяхъ города и деревни только тогда, когда городъ олицетворяетъ въ себѣ національность и государство, т.-е. почти исключительно въ примѣненіи къ античному polis, хотя сходство въ отношеніяхъ города и деревни съ процессами имперіалистическаго расширенія можно отмѣтить и въ современности, и, особенно, въ средніе вѣка.

въ изслѣдованіи имперіализма. Имперія является реальнымъ выраженіемъ имперіалистическаго начала. А самое понятіе имперіализма, въ значительной степени, есть какъ бы производное отъ понятія „имперія“. Однако, мы можемъ мыслить имперіализмъ и внѣ имперіи. Имперія, имперіалистическое образование создается цѣлымъ рядомъ процессовъ и фактовъ извѣстнаго рода. Если даже подобные процессы и факты встрѣчаются и поодиночкѣ, внѣ той совокупности, которую они образуютъ въ имперіи, то мы всетаки можемъ говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ имперіалистическаго порядка.

Все представленія объ имперіализмѣ и объ „имперіи“ исходятъ изъ представленій о націи. „Имперія“—это многонаціональное единство, которое исходитъ отъ національнаго единства и въ то же время идейно можетъ ему противопоставляться. Въ какія же реальныя формы выливается въ области хозяйства, политики и культуры, въ идеальномъ завершеніи, національное единство? И въ чемъ ему противоположно и въ чемъ исходитъ изъ него единство имперіалистическое, „имперія“?

Чисто-національное хозяйство въ его идеальномъ завершеніи—это хозяйство націи, экономически независимой отъ другихъ народовъ, но не властвующей надъ нимъ. Такое хозяйство нужно мыслить, какъ замкнутое въ себѣ, въ смыслѣ сочетанія на территоріи данной націи и промышленности, и земледѣлія.

Законченное національное государство обнимаетъ лицъ только одной національности, но зато въ ихъ полномъ составѣ. Законченная чисто-національная культура должна быть въ значительной степени независима отъ культуръ другихъ націй; во всякомъ случаѣ — быть одной среди равныхъ. Но въ то же время эта культура чужда властвованія надъ другими народами; она не имѣетъ учениковъ и не стремится привлечь силы чужихъ націй къ работѣ на своей нивѣ.

Національное начало находитъ свое законченное реальное выраженіе въ образованіи національной цѣльности, сочетающей въ себѣ одновременно такое политическое, хозяйственное и культурное національное объединеніе. Нужно оговориться: иногда такимъ реальнымъ выраженіемъ считаютъ прежде всего и даже исключительно національное государство. Это правильно въ томъ смыслѣ, что безъ національнаго государства невозможно существованіе законченной національной цѣльности. Но какъ можетъ существовать имперіалистическое объединеніе внѣ имперіи, такъ можетъ имѣть мѣсто и національное культурное или хозяйственное объединеніе внѣ законченной національной цѣльности, безъ національнаго государства. Тому примѣры: Италия до 1860 г. и Германія до 1871 г.

Итакъ, полнымъ выраженіемъ національнаго начала является национальная цѣльность, основанная одновременно на политическомъ, хо-

зйственномъ и культурномъ націонализмъ объединени и притомъ замкнутая, какъ мы указывали выше, въ каждой изъ этихъ областей въ самой себѣ.

Установивъ это положеніе, обратимся къ характеристикѣ цѣльности имперіалистической и къ указанію той роли, которую играетъ—въ возникновеніи и въ бытіи послѣдней—нація и національное начало.

Подъ понятіе явленій имперіалистическаго порядка мы подводимъ всѣ процессы и факты, въ которыхъ намѣчается установленіе многонаціональнаго культурнаго, или хозяйственнаго, или политическаго единства; подъ категорію явленій подобнаго порядка можно подвести каждое болѣе значительное культурное вліяніе одной націи на другую, каждое значительное хозяйственное взаимодействіе нѣсколькихъ націй, поскольку и подобное вліяніе, и подобное взаимодействіе ведутъ за собою образованіе—нѣсколькими національностями—единства въ отношеніи культуры и хозяйства. Опредѣляющимъ является здѣсь тотъ признакъ, что подобное имперіалистическое единство образуется нѣсколькими національностями; и именно этимъ имперіалистическое единство отличается отъ единства національнаго, образуемаго одною національностью.

Культурное объединеніе нѣсколькихъ націй можетъ сопровождаться ихъ политической разобщенностью и наоборотъ. Въ то же время въ исторіи міра такъ часто встрѣчается—въ отдѣльности—культурное или хозяйственное, или политическое многонаціональное объединеніе, и такое объединеніе можетъ имѣть столько отбѣнковъ и степеней, что если говорить объ имперіализмѣ при наличности отдѣльныхъ чертъ объединенія хотя бы одного изъ этихъ родовъ, то придется всю мировую исторію признать сплошь процессомъ имперіалистическаго порядка. Отдѣльныя явленія политическаго, хозяйственнаго или культурнаго объединенія націй образуютъ широкую сферу какъ бы разрѣженныхъ и неопредѣленныхъ понятій и представленій, которою окружено сгустившееся и принявшее опредѣленную форму тѣло. Это тѣло—законченное имперіалистическое образованіе, законченное выраженіе имперіалистическихъ стремленій—„имперія“.

Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ себѣ представить незаконченное имперіалистическое образованіе, основанное на одностороннемъ объединеніи нѣсколькихъ націй,—только политическомъ, только хозяйственномъ, только культурномъ. Но, по понятнымъ причинамъ, подобное незаконченное имперіалистическое образованіе не можетъ быть крѣпкимъ, не можетъ мыслиться, какъ длительное состояніе. Въ нашемъ представленіи подобное имперіалистическое образованіе всегда является этапомъ по пути къ чему-либо иному. Или въ результатѣ оказывается, что „имперіализующая“ нація не въ состояніи довершить

созданное ею незаконченное империалистическое образование, и тогда это образование распадается. Или, наоборот, незаконченное империалистическое образование превращается въ законченное,—когда „империализующая“ нація оказывается способной заложить основы многостороннему объединению нѣсколькихъ націй. Такимъ законченнымъ империалистическимъ образованиемъ—или „имперіей“—мы называемъ то образование, гдѣ имѣетъ мѣсто объединение одновременно всѣхъ трехъ указанныхъ родовъ, т.-е. объединение политическое, хозяйственное и культурное. Совершенно вѣрно замѣчено, что первымъ и важнѣйшимъ признакомъ „имперіи“ является чисто-политическое, государственное объединение нѣсколькихъ націй. Дѣйствительно, никакая „имперія“, какъ законченное империалистическое образование, невозможна безъ общности политической власти. Но понятие „imperium“—въ нашемъ случаѣ: понятие власти, объединяющей нѣсколько націй—можетъ распространяться не только на чисто-политическія отношенія. Можно представить объединяющее властвование надъ нѣсколькими націями какой-либо опредѣленной культуры; можно представить себѣ объединяющее властвование надъ нѣсколькими націями опредѣленныхъ хозяйственныхъ интересовъ, хотя бы эти объединяющіе интересы складывались, какъ результаты борьбы интересовъ многихъ индивидуумовъ. Мы оставляемъ понятію „имперія“ его политическое содержаніе. Мы считаемъ, что безъ политическаго объединения никакой „имперіи“ существовать не можетъ. Но содержаніе понятія не исчерпывается для насъ чисто-политическими признаками. Мы повторяемъ, что подъ „имперіей“ мы подразумѣваемъ только законченное многонаціональное образование, т.-е. скрѣпленное одновременно какъ политическими, такъ и культурными, и хозяйственными связями.

При изученіи империалистическаго начала въ міровой исторіи практически приходится имѣть дѣло почти исключительно съ „имперіями“, какъ съ наиболѣе осязаемыми, конкретными выраженіями этого начала, изъ которыхъ вышло, конечно, самое понятіе империализма. И только въ періоды образованія новыхъ „империализмовъ“ приходится оперировать съ незаконченными, односторонними империалистическими образованиями, которыя еще не превратились въ „имперію“, а, можетъ быть, и вовсе не превратятся въ нее. Наше время именно является временемъ выработки новаго—германскаго—империализма.

Интересно, что въ исторіи „имперія“ никогда не возникала, какъ слѣдствіе согласнаго желанія составляющихъ эту имперію націй объединиться. Наоборотъ, она всегда создавалась инициативой и дѣйствіями одной „империализующей“ націи, которая, руководясь своими выгодами, вовлекала, —принужденіемъ или договоромъ— другія, „империализуемыя“ націи въ кругъ своего вліянія. Такъ, наприимѣръ, обра-

зование Римской империи—одного изъ великихъ примѣровъ империалистическаго объединенія,—вовсе не было слѣдствіемъ согласнаго стремленія націй, ее составлявшихъ: кельтовъ, эллиновъ, иллирійцевъ; эта имперія была создана завоеваніями римскаго народа; такъ же создалась и современная британская колониальная имперія, поскольку она охватываетъ націи, чуждыя по крови англичанамъ—Индію, центральную Африку, бурскія республики. Поэтому процессъ образованія „имперіи“ можно характеризовать, какъ культурное, хозяйственное и политическое расширение „империализующей“ націи на другіе, чуждые ей—„империализуемые“—народы,—расширеніе, ведущее къ созданію многонаціональнаго единства.

Мы должны теперь нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ, уже затронутомъ нами,—о соотношеніи империалистическаго и національнаго начала въ ихъ реальныхъ проявленіяхъ; затѣмъ мы прослѣдимъ въ отдѣльности характеръ и значеніе империалистическаго объединенія въ каждой изъ трехъ указанныхъ нами областей—въ культурѣ, въ экономикѣ и въ политикѣ; наконецъ, установимъ главные встрѣчавшіеся въ исторіи типы империализма.

Какъ соотносятся между собой империалистическое и національное начала?

Прежде всего, нужно замѣтить, что между этими началами—въ ихъ проявленіяхъ—не существуетъ рѣзкой и разъ навсегда проведенной границы. Часто случается, что существующая въ данный моментъ единая національность является результатомъ слиянія нѣсколькихъ націй—и въ этомъ смыслѣ, оставаясь національной цѣльностью, она въ то же время заключаетъ въ себѣ империалистическій элементъ. Можно считать несомнѣннымъ, что въ мірѣ не было и нѣтъ ни одного образованія чисто-національнаго или чисто-империалистическаго.

И у Швеци, напримѣръ, донинѣ могутъ быть империалистическія заданія по отношенію къ лопарямъ или финнамъ. Это не мѣшаетъ ей быть тѣломъ, по преимуществу, національнаго характера. Также и Венгрія не препятствуетъ оставаться, главнымъ образомъ, чисто-національнымъ цѣлымъ ея империалистическія поползновенія по отношенію къ словакамъ или угро-россамъ.

Соотношенія империалистическаго и національнаго началъ чрезвычайно текучи. Можно только опредѣлять, гдѣ преобладаетъ каждое изъ названныхъ двухъ началъ.

Указанное выше исхожденіе „имперій“ изъ національныхъ цѣльностей еще болѣе увеличиваетъ эту текучесть. Империалистическое начало не можетъ быть противопоставляемо національному, какъ нѣчто, совершенно съ нимъ не связанное. Империалистическое единство, т.-е. имперія, создается всегда подъ покровомъ національной идеи одной

опредѣленной націи—именно націи „империализующей“. То обстоятельство, что въ процессѣ созданія империалистическаго единства эта идея терпитъ видоизмѣненія, а иногда воспринимаетъ въ себя національныя идеи империализуемыхъ націй и тѣмъ самымъ становится идеей сверхнаціональной,—это обстоятельство не мѣняетъ существа дѣла. Для исходнаго момента империалистическаго объединенія, для созданія „имперіи“, необходимо наличие „империализующаго“ національнаго ядра, которое, своими силами и по своей инициативѣ, создаетъ и сплачиваетъ это цѣлое въ органическое единство.

Совершенно необходимымъ для „имперіи“ является именно органический характеръ объединенія націй. Имперія отнюдь не есть механический конгломератъ націй, связанныхъ какимъ-либо случайнымъ или малозначительнымъ признакомъ; даже единство политической власти не можетъ само по себѣ создать имперіи; понятие „имперіи“ непремѣнно предполагаетъ наличие объединяющей культуры и хозяйства. Поэтому завершенный империализмъ исключаетъ возможность существованія внутри империалистическаго цѣлаго обособленныхъ національныхъ цѣльностей съ вполне самостоятельной культурой и хозяйствомъ. Въ культурномъ и хозяйственномъ объединеніи націй империалистическаго цѣлаго—залогъ его существованія; только благодаря этому объединенію, многонациональное образование можетъ приобрести достаточную внутреннюю спайку.

Турецкая имперія, какъ и царство Тамерлана, не заключаетъ въ себѣ элемента подлинной „имперіи“. Она соединяетъ народы—турокъ, грековъ, арабовъ, армянъ—только политически. Безъ объединенія экономическаго и, особенно, культурнаго такое объединеніе не имѣетъ отличительной черты всякаго здороваго империалистическаго цѣлаго—органической крѣпости. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что главное условіе подобнаго культурнаго и хозяйственнаго слиянія есть его историческая разумность, его значительность для міроваго прогресса.

Здѣсь отъ вопросовъ о соотношеніи империалистическаго и національнаго началъ мы переходимъ къ разсмотрѣнію „империализма въ культурѣ“.

Давно осознано, что основнымъ элементомъ империализма для цѣлевого (телеологическаго) истолкованія его въ міровой жизни является империализмъ „въ культурѣ“. Въ этомъ смыслѣ империалистическое расширеніе можно опредѣлить, какъ распространеніе вліянія какой-либо ушедшей впередъ по уровню культуры націи на народы менѣе цивилизованные въ области языка, науки, литературы, политическихъ установленій,—распространеніе, которое поднимаетъ эти послѣдніе народы на болѣе высокую степень культуры и тѣмъ самымъ служитъ прогрессу человѣчества, увеличенію его дѣеспособности, умноженію его

средствъ достигать выявленіемъ энергии наибольшихъ результатовъ. Мы даже ограничиваемъ теоретически кругъ „имперій“ только тѣми изъ многонациональныхъ цѣльностей, которыя имѣли подобное всемірно-историческое значеніе, которыя, слѣдовательно, оказывались по идеѣ живыми и крѣпкими—и оставляли крупный слѣдъ въ бытіи народовъ. Конечно, каждое крупное явленіе и образованіе имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе. Возможно, на примѣръ, что лишь татарское владычество могло привести сѣверную Русь къ национальному объединенію—и тѣмъ создать фундаментъ Русской имперіи. Мы хотимъ только подчеркнуть, что „имперіей“ можетъ быть названо лишь то империалистическое образованіе, въ которомъ нація, созидаящая многонациональную цѣльность, можетъ дать „империализуемымъ“ народамъ что-либо положительное, а не беретъ у нихъ сама пачатки цивилизаціи цѣною пониженія уровня культуры покоренныхъ націй; „имперія“—лишь тамъ, гдѣ для покоренныхъ народовъ покореніе имѣетъ большее значеніе, чѣмъ значеніе того несчастья, которое воспитываетъ характеръ человѣка и обнаруживаетъ ему его недостатки.

Въ античномъ мірѣ можно указать нѣсколько империалистическихъ образованій съ подобнымъ положительнымъ всемірно-историческимъ значеніемъ: таковы римская имперія и эллино-македонская держава Александра Великаго, распавшаяся затѣмъ на царства его полководцевъ-преемниковъ. Великое предпріятіе Александра имѣло несомнѣнно цѣлью, осознанной Александромъ, обновленіе культуры Востока—Египта, Вавилоніи, Персіи—путемъ слиянія ея съ культурой Эллады. „Империализующей“ націей были эллино-македонцы; эллины дали культуру, македонцы—политическія средства къ образованію новыхъ империалистическихъ цѣльностей. Въ результатѣ создалась „эллинистическая“ культура, игравшая въ концѣ античной эпохи и въ средніе вѣка для странъ между Ассуаномъ и Владиміромъ такую же роль, какъ римская культура для странъ Западной Европы. О римской имперіи, передавшей своими империалистическими достижениями достояніе древности въ новые вѣка черезъ культуру Итали, Испани и Галліи, говорить излишне. На примѣръ римской политики времяя Цезаря, Августа, Тиберія, Клавдія должно учиться приемамъ империалистической политики „римскаго типа“, находящимъ возрожденіе и въ новые вѣка, главнымъ образомъ, въ Русской имперіи. Но объ этомъ—ниже.

Империализмъ „въ экономикѣ“ нѣсколько аналогиченъ империализму „въ культурѣ“. Его можно толковать, какъ распространеніе на варварскія или вообще отсталыя націи болѣе высокой экономической культуры, распространеніе, которое является слѣдствіемъ хозяйственныхъ сношеній экономически отсталыхъ націй съ экономически передовыми.

Въ этомъ—исторически-цѣлевое оправданіе имперіализма въ экономикѣ. Чтобы дать его практическое опредѣленіе, нужно исходить изъ тѣхъ реальныхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ хозяйственныхъ сношеній для поддерживающихъ эти сношенія націй (или странъ).

Съ этой точки зрѣнія мы опредѣляемъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе страны высшей экономической культуры, какъ установленіе ею такихъ торговыхъ сношеній со странами низшей культуры, которыя снабжаютъ ее необходимыми продуктами низшей культуры и, тѣмъ освобождая отъ необходимости производить подобные продукты, даютъ возможность удерживаться на болѣе высокомъ уровнѣ экономического развитія. „Экономически имперіализующей“ страной здѣсь будетъ именно эта страна болѣе высокой экономической культуры, для которой сношенія съ „имперіализуемыми“ странами, т.-е. странами низшей культуры, обезпечиваютъ ея хозяйственное положеніе. Въ историческомъ истолкованіи эта „болѣе высокая экономическая культура“ выражается обыкновенно въ болшемъ развитіи промышленности и горнаго дѣла, въ торговомъ и мореходномъ могуществѣ націи (или страны) и въ накопленіи большихъ денежныхъ богатствъ. Націи съ подобнымъ развитіемъ всегда нуждались въ привозномъ сырьѣ для промышленной обработки и въ привозныхъ продуктахъ питанія, потому что, отдавая свои силы изощреннымъ видамъ производства и хозяйственной дѣятельности, онѣ могли только въ небольшой, недостаточной для ихъ потребностей степени заниматься земледѣліемъ. Въ такомъ пониманіи экономическій имперіализмъ сводится къ „хозяйственному дополненію“ странъ высшей экономической культуры странами низшей культуры.

Прекрасными примѣрами подобнаго имперіалистически-хозяйственнаго расширенія являлись современная Англія и Германія. Несомнѣнно, что въ послѣднее время эти страны поднялись до наибольшей доселѣ достигнутой высоты экономической культуры. Въ то же время совершенно очевидно, что держаться на этомъ уровнѣ онѣ могли только благодаря наличію „хозяйственныхъ дополненій“, въ видѣ земледѣльческихъ странъ умѣреннаго и жаркаго пояса. Эти страны поставляли имъ, съ одной стороны, сырье для переработки,—хлопокъ, каучукъ, джутъ, шерсть, съ другой стороны—продукты питанія, какъ хлѣбъ, мясо, яйца; этимъ онѣ и давали возможность Англіи и Германіи существовать въ качествѣ великотоварныхъ и великопромышленныхъ странъ, содержащихъ населеніе большее, чѣмъ можетъ непосредственно прокормить почва этихъ земель.

Отношенія „экономически имперіализующихъ“ странъ къ ихъ хозяйственнымъ дополненіямъ, т.-е. къ странамъ болѣе низкой экономической культуры, могутъ складываться двояко: или устанавливается прямое экономическое властвованіе, хозяйственная эксплуатація націями высшей

культуры націй отсталыхъ, или, наоборотъ, воцаряется хозяйственное равноправіе взаимно дополняющихъ націй (или странъ). Въ первомъ случаѣ характеръ хозяйственныхъ сношеній опредѣляется исключительно интересами и волей имперіализующей націи; возникаетъ такое положеніе, что національное хозяйство имперіализующей націи распространяется на нѣсколько народовъ, и въ то же время хозяйствующимъ субъектомъ остается только эта имперіализующая нація.

Наиболѣе опредѣленную форму это сверхнаціональное хозяйство съ единой хозяйствующей націей получило въ колоніальныхъ владѣніяхъ современности. Народы современныхъ Handelscolonien тропическихъ и субтропическихъ странъ вовлечены въ кругъ хозяйствованія тѣхъ или иныхъ европейскихъ народовъ; но въ то же время они несомнѣнно лишены самостоятельной хозяйствующей воли, ихъ хозяйственные интересы отодвинуты на второй планъ; и мѣстами такая сущность хозяйственныхъ отношеній европейцевъ съ малайцами, герреро, готтентотами или банту выступаетъ съ полной, не оставляющей никакихъ сомнѣній ясностью.

Картину хозяйственного дополненія безъ наличія эксплуатаціи, но, наоборотъ, съ полнымъ хозяйственнымъ равноправіемъ взаимно-дополняющихъ странъ представляютъ намъ отношенія Англи и ея колоній-дочерей. Мы разсматриваемъ и эти отношенія, какъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе Англи, потому что эти колоніи и нынѣ являются для промышленной и торговой метрополи рынкомъ для фабрикатовъ и поставщикомъ сырья и тѣмъ обезпечиваютъ метрополи незыблемость ея экономического положенія.

Мы сознаемъ, что при такомъ пониманіи хозяйственного имперіалистического расширенія подъ это понятіе подойдетъ торговый оборотъ современной Англии или Германіи со многими совершенно чуждыми имъ и отъ нихъ независимыми народами и странами, какъ Россія, Соединенные Штаты Америки или Аргентина. Мы допускаемъ возможность такого распространенія понятія. Но нужно замѣтить, что подобное расширеніе ставитъ расширяющуюся страну высшей культуры, пожалуй, въ болѣшую зависимость отъ странъ низшей культуры, чѣмъ та, въ которой эти послѣднія стоятъ отъ нея самой. Поэтому можно утверждать, что подобное экономическое расширеніе только тогда неопасно для расширяющейся страны, когда его незыблемость обезпечена достаточными гарантіями въ области политики и культуры, т.-е. обезпечена созданиемъ „имперіи“.

Итакъ, мы опредѣляемъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе, какъ „хозяйственное дополненіе“ странъ высшей экономической культуры странами низшей культуры; затѣмъ устанавливаемъ въ этомъ расширеніи два типа: типъ эксплуатаціи странъ низшей культуры стра-

нами высшей и типъ хозяйственнаго равноправія или взаимодополненія однѣхъ странъ другими.

Наиболѣе осязательнымъ выраженіемъ империалистическаго начала является *государство* империалистическаго характера, т.-е. политическое объединеніе нѣсколькихъ націй, вырастающее обыкновенно изъ расширенія національнаго государства „империализующей“ націи на другіе народы. Понятіе империализма распространяется въ общезжитіи обыкновенно именно только на область собственно политическихъ отношеній; говоря объ империализмѣ, говорятъ обыкновенно о государственномъ или политическомъ империализмѣ. Конечно, въ политико-империалистическомъ властвованіи мыслимы самые различные отгѣнки, начиная отъ того полнаго порабоженія однѣхъ націй другою, какое имѣло мѣсто въ испанской или португальской колониальной имперіи, до того полнаго равноправія націй, объединенныхъ единой властью или культурой, которое установилось въ поздней римской имперіи и которое, въ измѣненной, конечно, формѣ, можетъ установиться и установилось, относительно ряда націй, въ Россіи, правда, пока, главнымъ образомъ, въ формѣ равнаго повсюду государственнаго неустройства.

Политическое объединеніе, общность власти являются отличительной чертой всякаго империалистическаго цѣлаго, будь то монархія Александра Македонскаго или британская колониальная имперія.

Каждое подлинное развитое империалистическое цѣлое—„имперія“—должно заключать въ себѣ всѣ три элемента: империализмъ „въ культурѣ“, империализмъ „въ экономикѣ“, империализмъ „въ политикѣ“. Примѣромъ такихъ развитыхъ империалистическихъ образованій можетъ служить, съ одной стороны, римская имперія, особенно комплексъ ея западныхъ провинцій съ латинской культурой—Италія, Африка, Испанія, Галлія; съ другой стороны,—современная британская колониальная имперія. Однако, характеръ сочетанія трехъ выше указанныхъ элементовъ въ этихъ двухъ империалистическихъ образованіяхъ существенно различенъ. Правда, и въ томъ, и въ другомъ ясно выражена культурно-просвѣтительная роль „империализующей“ націи, но она вырастаетъ не на одной и той же почвѣ. Въ дѣлѣ образованія латинскаго (римскаго) империалистическаго цѣлаго примать принадлежалъ установленію чисто-политическаго, государственнаго властвованія надъ не-латинскими „империализуемыми“ народами. Культурное и экономическое объединеніе во многихъ случаяхъ какъ бы выростали изъ объединенія политическаго, которое явилось ихъ причиной, а не формальнымъ закрѣпленіемъ ранѣе намѣтившагося латинскаго экономическаго и культурнаго империалистическаго расширенія. По слову Фрид. Листа,

римляне создали свою имперію „только при помощи холодной стали“. ¹⁾ Наоборотъ, англичане свое колониальное царство создали „при помощи торговли и мануфактуръ“. Въ расширеніи Англи преобладающую роль играло установление опредѣленнаго порядка экономическихъ отношеній, очень часто—экономическая эксплуатація „империализуемыхъ“ народовъ при помощи торговли. Англійскіе солдаты и пушки слѣдовали за англійскими купцами и промышленниками или служили средствомъ, чтобы расчистить имъ путь.

Империалистическое расширеніе Англи въ значительной мѣрѣ вышло изъ ея экономического расширенія типа „эксплуатація“. Хозяйственная эксплуатація при помощи торговли еще и теперь продолжается въ британскихъ „колоніяхъ-владѣніяхъ“, заселенныхъ чуждыми британцамъ по крови народами, какъ Индія или тропическая Африка. Но по отношенію къ колоніямъ-„дочерямъ“, т.-е. землямъ, населеннымъ выходцами изъ метрополи, какъ Австралія, Новая Зеландія, Канада или южная Африка, эта эксплуатація смѣнилась, со времени отпаденія Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ, хозяйственнымъ равноправіемъ колоній и метрополи. Однако, колоніи какъ одного, такъ и другого рода и понынѣ остаются хозяйственнымъ дополненіемъ метрополи, служа рынками для ея фабрикатовъ и поставляя ей необходимое сырье. Но нужно замѣтить, что, несмотря на обширность британскихъ колоній и быстрый ростъ торговли метрополи съ ними, даже въ послѣдніе годы колоніи поставляли только одну треть необходимаго Англии сырья. Двѣ другихъ трети поставляютъ чуждыя страны, часто недоступныя для англійскихъ фабрикатовъ, благодаря таможеннымъ тарифамъ. При такомъ обмѣнѣ экономическое расширеніе Англии можетъ превратиться въ эксплуатацію Англии ея поставщиками сырья. Для опредѣленія преимущественно экономического характера британскаго империализма, для выясненія его экономической первоосновы чрезвычайно важно то обстоятельство, что требованіе самыхъ ярыхъ британскихъ империалистовъ сводится къ установленію общеимперскаго тарифа, который давалъ бы особыя преимущества торговлѣ метрополи съ колоніями, и тѣмъ обезпечивалъ неразрительный для Англии характеръ ея экономического расширенія тѣми культурными и политическими гарантіями, которыя даются империалистическимъ объединеніемъ: уходящіе изъ Англии капиталы оставались бы внутри империалистическаго цѣлаго; рынки земледѣльческихъ поставщиковъ Англии, т.-е. ея колоній, были бы открыты для фабрикатовъ метрополи.

Наоборотъ, въ Римѣ въ империалистическомъ расширеніи элементъ

¹⁾ *Fried. List.* „Das nationale System der Politischen Oekonomie. Eingeleitet von Dr. Heinrich Waentig. Jena. 1910. S. 63.

экономическаго властвованія игралъ второстепенную роль. Экономическая эксплуатація римлянами покоренныхъ народовъ во многихъ случаяхъ не являлась обоснованной въ самой себѣ, самоцѣлью, какъ въ англійскихъ колоніяхъ; она являлась только формой использованія ранѣе установленнаго политическаго владычества и исходила изъ него. Среди римлянъ экономическимъ эксплуататоромъ „имперіализуемыхъ“ націй были чаще всего правители провинцій и откупщики государственныхъ налоговъ. Конечно, не нужно забывать, что многія завоеванія римлянъ, особенно послѣдняго столѣтія республики, были обусловлены интересами римскихъ купцовъ и банкировъ; что эти купцы и банкиры въ первые вѣка нашей эры занимали господствующее положеніе въ хозяйственной жизни Греціи и Малой Азіи; что итальянскіе мореходы держали въ своихъ рукахъ большую часть оборота Востока съ Западомъ. Но уже такія завоеванія, какъ завоеваніе Галліи (при Цезарѣ) или Британіи (при импер. Клавдіи) вызваны преимущественно политическими соображеніями; и до завоеванія здѣсь не было для римско-италійскихъ купцовъ ни торговыхъ ограниченій, ни торговыхъ соперниковъ.

Для сравнительной характеристики британскаго и римскаго имперіализма слѣдуетъ отмѣтить, въ какой формѣ использовало блага своего имперіалистическаго расширенія основное ядро народовъ: англійскаго, съ одной стороны, и римскаго, съ другой стороны. Благополучіе Англи основывалось и основывается на экономической дѣятельности ея населенія, между прочимъ, на выгодахъ, предоставляемыхъ англійскому народу его имперіалистическимъ расширеніемъ въ области торговли и промышленности, и на полученіи прибыли съ капиталовъ, работающихъ за предѣлами метрополіи. Наоборотъ, римскій плебсъ прокармливало то политическое положеніе въ мірѣ, которое было ему создано предками. Египетъ, Африка, Бетика доставляли римскому плебсу свой хлѣбъ, свое масло, свои ткани, какъ дань политическому завоевателю.

Разсмотрѣніе экономическихъ условій жизни римской имперіи приводитъ къ заключенію, что то имперіалистическое объединеніе, которое было достигнуто этой имперіей, отнюдь не вытекало съ необходимостью изъ какого-либо опредѣленнаго строя экономическихъ отношеній. Если Египетъ или Африка еще могутъ разсматриваться до извѣстной степени, какъ хозяйственное дополненіе Италиі—Рима, то Сирія и Фипіиія, во всякомъ случаѣ, не являются таковыми; по своему экономическому развитію онѣ были какъ бы однохарактерны Италиі и стояли по своей промышленности и торговлѣ на равной ногѣ съ нею. Необходимости экономическаго объединенія Италиі и Сиріи не существовало. Поэтому политическое объединеніе не можетъ разсматриваться здѣсь, какъ гарантія экономическаго расширенія Италиі—Рима. Въ этомъ

случаѣ съ полной ясностью сказывается то обстоятельство, что римская имперія основывалась, прежде всего, на опредѣленномъ строѣ политическихъ отношеній.

Итакъ, сходные по своимъ основнымъ элементамъ, по своему культурному вліянію, отличительному для здороваго имперіализма, римская и британская имперіи различаются въ соотношеніи своихъ основныхъ элементовъ. Римское имперіалистическое расширение вырастаетъ, прежде всего, изъ установленія опредѣленнаго строя политическихъ отношеній. Британское—изъ установленія, прежде всего, извѣстнаго порядка экономическихъ отношеній. Это—примѣры двухъ различныхъ типовъ имперіализма. Конечно, ихъ различія далеко не ограничиваются данною нами простою формулою. Такъ, имперіалистическое расширение съ приматомъ политическаго элемента имѣло обыкновенно въ исторіи характеръ континентально-сухопутнаго расширения; наоборотъ, имперіалистическія образованія съ приматомъ экономическаго элемента шли по пути расширения заморскаго, колониальнаго, въ смыслѣ пріобрѣтенія и заселенія владѣній для экономическаго использованія. Это различіе существенно, такъ какъ оно вытекаетъ изъ основныхъ характерныхъ чертъ имперіалистическихъ образованій того и другого рода. Наиболѣе сильные экономически, наиболѣе нуждающіеся въ „хозяйственномъ дополненіи“ народы обыкновенно бывали въ то же время народами мореходными—финикіяне, греки, голландцы, англичане. Проводникомъ ихъ имперіалистическаго расширения было море; и поэтому имперіи, основанныя на приматѣ экономическихъ отношеній, обыкновенно пріобрѣтали форму колониально-заморскихъ державъ. Наоборотъ, чисто-политическое милитарное могущество—часто не связанное съ соответствующею экономической мощью—было обыкновенно удѣломъ великихъ континентальныхъ націй. И поэтому имперіалистическое расширение, исходящее изъ примата политическаго элемента, представляло собою чаще всего расширение континентальное. Къ типу „континентально-политическаго“ имперіализма, кромѣ Римской имперіи, можно отнести монархію Александра Македонскаго и Россію. Къ типу „колониально-экономическаго“ имперіализма можно причислить, кромѣ британской имперіи, колониальныя имперіи новыхъ вѣковъ, какъ, напр., голландскую или современную африканскую французскую. Конечно, формы имперіалистическихъ образованій не ограничиваются двумя указанными типами. Можно построить, черезъ различныя сочетанія „элементовъ“ имперіализма, цѣлый рядъ другихъ типовъ, которые, вѣроятно, встрѣчались въ исторіи или могутъ встрѣтиться.

Просматривая приведенные здѣсь примѣры имперіализма, можно замѣтить, что громадное ихъ большинство взято изъ послѣднихъ вѣковъ античности или изъ 3—4 столѣтій новаго времени. Намъ кажется,

что иначе быть не можетъ. Уже давно замѣчено, что античный міръ и новое время представляютъ собою какъ бы самостоятельные и до известной степени замкнутые въ себѣ круги развитія; пути эволюціи въ томъ и другомъ въ значительной степени параллельны. Раннее вѣка античности, съ одной стороны, и такъ называемые средние вѣка (V—XV вв. по Р. Х.),—съ другой, нужно толковать, какъ время выработки тѣхъ высокоразвитыхъ национальныхъ цѣльностей, которыя въ послѣдующіе періоды, т.-е. въ позднюю античность и въ новейшее время (XVI—XX вв.), переходили къ империалистическому расширенію и, вовлекая въ кругъ своего вліянія другіе, болѣе отсталые народы, создавали „имперіи“, дѣлали отсталыхъ причастными къ своимъ достижениямъ и тѣмъ самымъ выполняли великую космическую задачу. Исторія Греціи—отъ Гомера и до Александра Македонскаго, ранняя исторія Рима—отъ Ромула и до пуническихъ войнъ—почти чужды империалистическихъ элементовъ; также чужда ихъ средневѣковая Европа временъ натурального или городского хозяйства, до періода великихъ открытій. Но въ слѣдующіе періоды, созрѣвшія національныя цѣльности, греко-македонская, римская, съ одной стороны, испанская, французская, голландская, британская—съ другой, начинали побѣдное шествіе своего империалистическаго расширенія. Подобное построение очень схематично. Это не мѣняетъ существа дѣла: въ жизни античнаго міра и въ жизни новаго—правда, у каждаго по своему—былъ преимущественно „национальный“ и былъ преимущественно „империалистическій“ періодъ развитія; первый предшествуетъ второму, вѣрнѣе, второй исходитъ изъ перваго.

Империалистическіе процессы античнаго міра предстоятъ передъ нами въ законченности и полнотѣ; прекрасная поэма, ихъ воспѣвающая,—V томъ „Римской исторіи“ Моммзена, трактующій о римскихъ провинціяхъ отъ Цезаря до Діоклетіана и одновременно описывающій процессы „романизаци“ Запада и „эллинизаци“ Востока. Империалистические процессы новаго времени еще далеко не закончены. Еще не опредѣлилось даже, кому изъ культурныхъ народовъ предстоитъ великая задача империализовать отсталыя націи и земли. 1914 г. можно толковать, какъ одинъ изъ рѣшающихъ моментовъ въ этомъ опредѣленіи: кто же? Казалось, что эта роль предназначена въ наибольшей степени Англии и Россіи. Но теперь и Германія предъявила свои права на великое империалистическое расширеніе. Мы постараемся проанализировать характеръ столкновенія империалистическихъ идей въ 1914 году; начнемъ съ идеологии великой Германіи.

II. Идеология великой Германии у Фридриха Листа.

Идеология великой Германии выросла и облеклась въ опредѣленные формы, главнымъ образомъ, въ послѣднія 100 или 75 лѣтъ. Въ этихъ идеологическихъ построенияхъ разсматриваются вопросы двухъ родовъ: съ одной стороны, здѣсь говорится о національномъ самоутвержденіи Германии; эта тема привлекала къ себѣ преобладающее вниманіе нѣмецкихъ литераторовъ до 1871 г.,—времени національнаго объединенія Германии; съ другой стороны, эти идеологическія построения обсуждаютъ вопросъ объ импералистическомъ расширеніи Германии, т.-е. объ ея расширеніи за предѣлы чисто-національнаго бытія; этотъ вопросъ особенно часто разсматривался за послѣднія 15 или 20 лѣтъ. Однако, рѣзкаго раздѣленія между идеологическими построениями того и другого рода провести нельзя. Мы начнемъ разсмотрѣніе идеологии великой Германии съ изложенія взглядовъ Фридриха Листа—крупнаго нѣмецкаго экономиста и публициста, начавшаго свою дѣятельность въ 20-хъ годахъ XIX в. и умершаго въ 1846 г. И какъ разъ въ его взглядахъ, на-ряду съ ученіями о чисто-національномъ самоутвержденіи Германии, можно найти много мыслей и максимъ, касающихся импералистическаго ея расширенія, которое должно, по мнѣнію Листа, послѣдовать за упомянутымъ національнымъ самоутвержденіемъ.

Вести идеологию современной Германии отъ Листа кажется намъ вполне законнымъ и обоснованнымъ. Листъ предвосхитилъ многое, чего вовсе не было въ его время и что осуществилось только на нѣсколько десятилѣтій или на полстолѣтіе позднѣе. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то станетъ понятнымъ, почему, отыскивая истоки новѣйшихъ построений въ вопросѣ о великой Германии, нужно, прежде всего, обратиться ко взглядамъ Фридриха Листа.

Основною работою Листа является „Das nationale System der politischen Oekonomie“. Политическая экономія, въ изложеніи Листа, совершенно теряетъ тотъ специфически коммерческій и материалистическій характеръ, который она имѣла въ ученіи школы А. Смита и Сея. Политическая экономія Листа является широко захватывающей космической философій жизни человѣчества, одновременно учитывающей вопросы экономики, политики и культуры. Конструируя грядущую великую Германию, Листъ съ полной ясностью рисуетъ формы завершенаго въ себѣ національнаго цѣлаго. Но онъ провидитъ, что, достигнувъ значительнаго развитія, эта національная цѣльность должна поставить себѣ заданія импералистическаго расширенія, должна прійти къ стремленію создать своей инициативой и своими силами хозяйственное и политическое многонаціональное единство, внутри котораго она могла бы найти удовлетвореніе своимъ выросшимъ потребностямъ. Однако,

Листовское пониманіе имперіализма мы не можемъ признатьъ полнымъ. Ниже мы отмѣтимъ, что нѣкоторая узость его взглядовъ объясняется, вѣроятно, невниманіемъ къ исторіи Рима и Россіи.

Национальную нѣмецкую культуру Листъ признаетъ уже созданной и укрѣпленной. Въ своихъ построеніяхъ онъ постоянно ссылается на развитіе въ Германіи образованія, науки, искусства, чувства общественности, на любовь нѣмецкаго народа къ порядку, хозяйственности, умѣренности. Но наличіе національной культуры еще не создаетъ, по мнѣнію Листа, здороваго національнаго цѣлаго. Онъ сознаетъ многозначность элементовъ, которые требуются для его созданія. Нѣмецкая нація, съ ея національной культурой, но безъ національной политической и экономической силы, представляется ему человѣкомъ, который, изучивъ теоретически, какъ нужно ѣсть, пить, ходить, смѣяться, плакать, не имѣетъ возможности примѣнить своихъ знаній на дѣлѣ. „Поэтому нѣмцы любятъ философскія системы и космополитическіе сны“.

Въ своей книгѣ Листъ явно ставитъ себѣ цѣль намѣтить для Германіи, уже и тогда, но его признанію, достаточно зрѣлой въ отношеніи національной культуры, пути къ экономическому и политическому національному укрѣпленію. Ко времени написанія книги (1840 г.) уже возникъ нѣмецкій таможенный союзъ, и Германія была въ состояніи создать цѣльную національную систему таможенной политики. Вся прекрасно выработанная листовская теорія производительныхъ силъ націи, все обстоятельное обследованіе того благотворнаго вліянія, которое оказываетъ на земледѣліе страны собственная развитая мануфактурная промышленность, всѣ многочисленные аргументы въ пользу того, что здоровымъ національнымъ тѣломъ можетъ быть признана только та нація, у которой одинаково развиты и земледѣліе и обрабатывающая промышленность, въ то время какъ чисто-земледѣльческая нація подобна человѣку съ одной рукой,—всѣ эти построенія и доводы созданы, главнымъ образомъ, для того, чтобы доказать, что Германія должна всячески развивать свою обрабатывающую промышленность и беречься отъ соблазна стать чисто-земледѣльческой страной, обслуживающей своими продуктами англійскій рынокъ. Лишь одновременно земледѣльческая и промышленная нація можетъ стать крѣпкимъ, замкнутымъ въ самомъ себѣ національнымъ тѣломъ. Книга Листа совершенно явственно говоритъ о томъ, что первымъ этапомъ германскаго возрожденія должно было стать образованіе такого національнаго тѣла. Въ этомъ смыслѣ особенно характерны разсужденія Листа о соотношеніяхъ земледѣльческой и промышленной силъ (Manufaktur- und Agrikulturfraft) и объ исходныхъ задачахъ нѣмецкой промышленности.

Листъ останавливается, главнымъ образомъ, на выгодахъ, которыя

получаетъ агрикультуристъ отъ сожительства мануфактуръ на территории той же нации. Онъ говоритъ, что, благодаря этому сожительству, агрикультуристъ, обслуживая промышленное население своей страны, становится независимымъ въ своихъ интересахъ отъ условий вывоза отъ войнъ, чужихъ политическихъ движеній, чужихъ жатвъ. ¹⁾ Съ другой стороны, онъ говоритъ, что первой задачей нѣмецкой промышленности является покореніе своего собственного внутренняго рынка. ²⁾ Эта картина соотвѣтствуетъ представленію о замкнутомъ, въ главныхъ своихъ проявленіяхъ (промышленности и земледѣліи), національномъ хозяйствѣ. Почти единственное исключеніе изъ этой хозяйственной замкнутости представляетъ собою, по Листу, торговля съ жаркими странами для добыванія колониальныхъ товаровъ. И не совсѣмъ неправъ былъ бы тотъ читатель Листа, который сказалъ бы, что идеальнымъ, для сознанія Листа, хозяйственнымъ состояшемъ европейскихъ народовъ является постоянная таможенная война при сохраненіи, однако, возможности товарообмѣна съ жаркими странами. Недаромъ же Листъ рекомендуемую имъ таможенную систему считаетъ необходимымъ продолженіемъ запретительной системы, создающейся благодаря войнамъ. Относительно торговли съ жаркими странами, о которой говоритъ Листъ, нужно замѣтить, что она неизбежна даже для замкнутыхъ, въ смыслѣ сочетанія и земледѣлія и промышленности на единой территории, национальныхъ цѣльностей. Напримѣръ, въ современномъ быту огромное употребленіе находятъ хлопчато-бумажныя ткани; развитая национальная промышленность современности прямо немислима безъ ихъ производства; между тѣмъ, хлопокъ произрастаетъ только въ жаркихъ странахъ; поэтому даже замкнутому национальному хозяйству не обойтись безъ ввоза хлопка.

Но ввозъ въ страну нѣкоторыхъ продуктовъ жаркаго пояса, которые не могутъ производиться внутри самой страны, какъ хлопокъ, самъ по себѣ не можетъ служить признакомъ совершившагося хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Листъ предполагаетъ существованіе подобнаго оборота съ жаркими странами; это не мѣшаетъ признавать, что его построенія касаются, главнымъ образомъ, замкнутаго національнаго хозяйства, а не хозяйства въ стадіи имперіалистическаго расширенія. То предполагаемое хозяйственное цѣлое, которое Листъ постоянно имѣетъ въ виду, очень мало нуждается въ „хозяйственномъ дополненіи“ странами низшей культуры. Развитіе промышленности и число населенія въ этомъ цѣломъ держатся въ такихъ предѣлахъ, что необходимыя количества сырья и продуктовъ питанія все еще могутъ быть произведены на собственной территоріи.

¹⁾ Ibid., S. 313—314.

²⁾ Ibid., S. 280.

Въ приведенномъ взглядѣ на построения Листа есть, конечно, доля преувеличенія. Однако, несомнѣнно, что осуществленіе идей Листа должно было повести на извѣстное время къ нѣкоторой хозяйственной замкнутости, въ смыслѣ возможности полно обслужить страну и собственной промышленностью, и собственнымъ земледѣліемъ. Германия отъ положенія экономически эксплуатируемой страны (англійская эксплуатация; время послѣ 1815 г.) должна была прийти къ империалистическому экономическому расширенію по ступенямъ болѣе или менѣе замкнутого къ себѣ національнаго хозяйства.

Такое же представленіе о преобладаніи въ построеніяхъ Листа абстракцій національнаго, но не империалистическаго хозяйства даютъ его разсужденія о совершенной бесполезности таможеннаго поощренія земледѣлія, т.-е. собственно то обстоятельство, что онъ считаетъ невозможнымъ упадокъ земледѣлія на территоріи великопромышленной націи (наприм., въ Англии) даже въ періодъ ея полнаго экономическаго развитія. Между тѣмъ, такія страны не разъ видали упадокъ земледѣлія и запустѣніе земли благодаря привозу дешевыхъ продуктовъ изъ хозяйственно „империализуемыхъ“ странъ. Такое запустѣніе видѣли Италия и Греція послѣднихъ вѣковъ античности, оно замѣчается въ современной Англии, и Германия, при благопріятномъ ходѣ экономическаго развитія, была бы въ ближайшемъ времени на пути къ нему.

Непремѣннымъ условіемъ созданія мощнаго нѣмецкаго національнаго хозяйства Листъ считалъ политическое объединеніе Германіи. Только подъ покровомъ сильнаго государства, которое будетъ создано этимъ объединеніемъ, можетъ, по мнѣнію Листа, вырасти и укрѣпиться здоровое національное хозяйство.

Обращаясь къ прошлому, Листъ находитъ, что Германіи не удалось образовать въ средніе вѣка или въ началѣ новыхъ мощное цѣлое именно благодаря пренебрежительному отношенію къ развитію собственныхъ производительныхъ силъ націи, къ совмѣстному развитію отечественныхъ мануфактуры и земледѣлія, и благодаря отсутствію достаточной политической спайки. Сперва онъ говоритъ о ганзейскихъ городахъ. „Какъ легко было бы имъ (т.-е. ганзейскимъ городамъ) во времена ихъ морскаго владычества (XIII—XIV вв.) основать, въ единеніи съ верхненѣмецкими городскими союзами, нижнюю имперскую представительную палату, создать противовѣсъ имперской аристократіи, достигнуть при помощи императорской власти національнаго единства, объединить въ рукахъ одной націи все побережье отъ Дюнкирхена до Риги и, такимъ образомъ, добиться и сохранить нѣмецкому народу гегемонію въ области промышленности, торговли и морскаго могущества“ (N. S. P. Оек., S. 102).

Но ганзейцы не обращали достаточнаго вниманія на развитіе соб-

ственной мануфактуръ и земледѣлія, они были только передатчиками чужихъ товаровъ, они были полны сепаратизма, не осознали общности своихъ интересовъ съ интересами всей Германии, и поэтому объединеніе, исходящее отъ этихъ союзовъ торговыхъ республикъ, не осуществилось.

Новая возможность создать германское могущество возникла, по мнѣнію Листа, при Карлѣ V (1519—1556 гг.), когда Германская имперія объединилась подъ властью этого монарха съ родственными ей „по духу и нравамъ, по происхожденію и языку обитателей“ нидерландскими провинціями—Голландіей, Фландріей и Брабантомъ.

„Если бы Карлъ V отбросилъ отъ себя испанскую корону, какъ отбрасываютъ камень, который влечетъ насъ въ бездну, насколько иная судьба ждала бы въ такомъ случаѣ Нидерланды и Германію! Какъ правитель соединенныхъ Нидерландовъ, какъ германскій императоръ и глава реформации, Карлъ имѣлъ въ распоряженіи всѣ средства, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, чтобы создать величайшее морское и сухопутное могущество, какое когда-либо существовало,—морскую державу, которая соединила бы подъ однимъ флагомъ всѣ корабли отъ Дюнкирхена до Риги.

„Карлъ V и его мрачный сынъ пошли по другому пути; ставъ во главѣ фанатиковъ, они хотѣли испанизировать Нидерланды“.

Предоставленная впослѣдствіи самой себѣ, Голландія оказалась не въ силахъ удержаться въ ряду великихъ державъ, потому что, по слову Листа, „небольшая полоска приморской земли, населенная кучкой нѣмецкихъ рыбаковъ и мореходовъ, не можетъ стать великодержавной страной“.

Мы видимъ, что Листъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы избѣжать ошибокъ прошлаго; онъ ратовалъ за развитіе производительныхъ силъ Германіи—предварительно для созданія крѣпкаго національнаго хозяйства. Затѣмъ онъ считалъ необходимымъ для своего времени политическое объединеніе, съ сохраненіемъ существующихъ династій, всѣхъ германскихъ государствъ, включая сюда ганзейскіе города, Голландію и, по возможности, Бельгію. Въ населеніи послѣднихъ странъ онъ видѣлъ лишь отпрыски нѣмецкой народности. При оставленіи имъ независимости, онъ считалъ ихъ оплотами враждебнаго германизму англійскаго владычества на континентѣ Европы; въ случаѣ ихъ присоединенія къ Германіи онъ прозрѣвалъ въ нихъ проводниковъ германскаго морского и колониальнаго могущества.

Здѣсь Листъ уже выходитъ за предѣлы задачъ, непосредственно выдвигавшихся жизнью Германіи того времени. Отъ разысканія способовъ національнаго утвержденія Германіи въ области хозяйства и политики,—въ разсужденіяхъ о необходимости морского и колониальнаго

могущества Германии Листъ переходитъ къ вопросамъ грядущаго имперіалистическаго расширенія Германии въ области культуры, экономики и политики; этимъ самымъ онъ обгоняетъ свое время. Впрочемъ, мы оговариваемся: рѣзкое раздѣленіе національныхъ построеній отъ имперіалистическихъ привнесено къ Листу извнѣ; имперіализма, какъ стихіи, равноцѣнной національной стихіи, онъ не знаетъ; самое слово „имперіализмъ“ онъ употребляетъ въ своей „Національной системѣ“ всего два или три раза. Чаще онъ оперируетъ съ понятіемъ „колонія“, которое обнимаетъ у него и области выселенія самой „имперіализующей“ націи, и экономически эксплуатируемыя страны, заселенныя чуждыми ей народами. И знаетъ онъ, по существу, только одинъ типъ имперіализма—типъ англійскій, т.-е. „колоніально-экономическій“.

Англія была для Листа великой учительницей имперіализма. Воплѣвъ различая всѣ три его элемента—культурноносительство, экономическое и политическое расширеніе, и правильно опредѣляя основное космическое заданіе имперіализма—распространеніе среди отсталыхъ народовъ высшей культуры, онъ можетъ представить себѣ экономическій и политическій элементы имперіализма только въ томъ соотношеніи, который они являютъ въ расширеніи Англіи. И поэтому „континентально-политическое“ расширеніе Рима, произведенное „только при помощи холодной стали“, онъ считаетъ ведущимъ лишь къ варварству. Какъ это неправильно исторически!

Космическіи цѣли имперіалистическаго расширенія онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Доказательствомъ, что задачей человѣчества является цивилизація всѣхъ націй, культура всего земного шара, служить тотъ неизмѣнный законъ природы, что цивилизованные народы съ непреодолимой силой побуждаются природой перенести свои производительныя силы на менѣе культурныя страны“.

А самый процессъ имперіалистическаго расширенія Листу представляется въ формѣ постоянного обмѣна мануфактурныхъ товаровъ „имперіализующаго“ центра на земледѣльческіе продукты „имперіализуемыхъ“ земель.¹⁾ Изъ подобнаго обмѣна,—какъ думалъ Листъ,—неизбѣжно рождается зависимость странъ земледѣльческихъ отъ странъ мануфактурныхъ. Нѣтъ нужды доказывать, что здѣсь рѣчь идетъ несомнѣнно о томъ „хозяйственномъ дополненіи“ странъ высшей экономической культуры странами низшей, которое мы считаемъ проявленіемъ хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Листъ изображаетъ политическое и культурное имперіалистическое расширеніе исключительно какъ слѣдствіе хозяйственныхъ отношеній подобнаго рода, и поэтому

¹⁾ Мысли, высказываемыя Листомъ, мы переводимъ на языкъ нашихъ категорій.

можно смѣло сказать, что всѣ импералистическія построения Листа имѣютъ въ виду импералистическое расширеніе, основанное на приматѣ экономическихъ отношеній, т.-е. касаются имперализма англійскаго типа.

Будущее Германіи, послѣ національнаго утвержденія, Листъ видитъ въ слѣдованіи по путямъ этого имперализма въ цѣляхъ распространенія на менѣ цивилизованные народы своего „моральнаго, интеллектуальнаго, промышленнаго, коммерческаго и политическаго вліянія“

Въ то же время Листъ чувствуетъ, что, идя по пути колониальнаго расширенія, подобному путямъ Англии, Германія неизбѣжно должна встрѣтиться на этомъ пути со своей учительницей. Листу казалось необходимымъ для будущаго Германіи создать, опираясь на побережье „отъ Дюнкирхена до Риги“, германскую великодержавную морскую мощь. И это тѣмъ болѣе казалось тогда труднымъ, что ко времени Листа Германія еще не вполнѣ освободилась отъ экономической зависимости отъ Англии. Ничего Листъ такъ не боится, какъ возможности, что Англія „цивилизуетъ всю Азію, Африку, Австралію и заполнить ихъ государствами по англійскому образцу, подъ верховенствомъ метрополи. Франція будетъ поставлять вина этому англійскому міру. Германія едва ли можетъ доставлять ему что-либо, кромѣ дѣтскихъ игрушекъ, деревянныхъ стѣнныхъ часовъ, филологическихъ писаний и временами—вспомогательный корпусъ, предназначенный для того, чтобы въ пустыняхъ Азіи или Африки распространять англійское мануфактурное торговое владычество, англійскую литературу и языкъ“.

Листъ опредѣленно ставилъ нѣмецкому народу задачу: избѣгнувъ участи „имперализуемой“ націи, не ограничиваться рамками чисто-національнаго бытія, но стать націей „имперализующей“ по типу „колониально-экономическаго“ расширенія. „Государственный союзъ съ 35 мил. населенія (столько его будетъ насчитываться въ Германіи, когда завершится объединеніе), который, при ежегодномъ увеличеніи населенія на $1\frac{1}{2}\%$ безъ вреда для себя можетъ лишаться ежегодно отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ, провинціи котораго полны опытными и образованными людьми, которымъ естественно попытать свое счастье въ отдаленныхъ странахъ, людьми, которые вездѣ вкореняются и крѣпко осѣдаютъ, гдѣ первобытные лѣса способны стать плодородными пашнями,—такой государственный союзъ призванъ самой природой стать въ первомъ ряду среди колонизирующихъ и распространяющихъ культуру націй“.

Въ Листѣ жила, повидимому, твердая увѣренность, что Германія удастся совершить свое импералистическое колониальное расширеніе исподволь, безъ большихъ столкновеній; что въ мірѣ хватитъ мѣста, на-ряду съ британской имперіей, и для великой германской колониальной державы. Въ этомъ смыслѣ онъ далъ нѣсколько конкретныхъ указаній.

Листъ находилъ, что, прежде всего, Германія должна принять

дѣятельное участіе въ возрожденіи къ новой жизни странъ старой, но смертвѣвшей культуры, какъ Китай, Персія и Турція. Онъ считалъ, что природа какъ бы „указываетъ пальцемъ“, на какомъ пути должно произойти это возрожденіе—на почвѣ обмѣна богатыхъ земледѣльческихъ продуктовъ Азіи на европейскіе мануфактурные товары.

Поселенія европейцевъ должны пріобрѣсти характеръ свободныхъ городовъ. А къ мѣстнымъ властителямъ должны быть приставлены европейскіе совѣтники, какъ въ британской Остъ-Индіи. Ни одна изъ европейскихъ націй не должна имѣть въ этомъ великомъ дѣлѣ особыхъ преимуществъ. Въ частности, въ Турцію, какъ и въ Румынію и Сербію, Листъ даже считалъ возможнымъ, по соглашенію съ Австро-Венгеріей, направить нѣмецкихъ колонистовъ, послѣ того какъ нѣмецкимъ правительствамъ удастся установить тамъ сносный политическій и общественный порядокъ.

Выселеніе въ Сѣверную Америку Листъ характеризовалъ, какъ потерю для нѣмецкой національности; поселенцы теряются въ массѣ англосаксонскаго населенія. Зато ему казалось плодотворнымъ для германизма выселеніе въ Южную Америку, Бразилію, Аргентину и другія земли на югъ отъ Соединенныхъ Штатовъ. „Эти страны—безъ собственной моральной силы—для поднятія въ нихъ культуры, установленія и укрѣпленія правопорядка нуждаются въ иммиграціи. Переселенцевъ должна дать Германія. Она должна установить здѣсь общественную безопасность, улучшать средства сообщенія и постановку народнаго образованія, и не должна даже бояться послать сюда вспомогательный корпусъ, если этимъ она можетъ наложить обязательства на мѣстное правительство“.

Здѣсь предусмотрѣны всѣ элементы имперіалистическаго объединенія: культура, экономика, политика. По мысли Листа, въ Южной Америкѣ Германія должна породить новые народы отъ собственной крови—и этимъ создать себѣ обширные рынки, широкую сферу экономическаго расширенія, которую Англія имѣла въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, до ихъ отпаденія, и дониндѣ имѣетъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи.

Ко времени Листа еще не вся Австралія и не вся Новая Зеландія были заняты англичанами. Листъ совѣтывалъ Пруссіи немедленно же основать здѣсь нѣмецкія колоніи, въ отдаленіи отъ англійскихъ поселеній.

Отмѣченная выше идея о мирномъ сожителствѣ великой Германіи и великой Англіи получила особенно яркое выраженіе въ статьѣ, написанной Листомъ въ годъ смерти, т.-е. въ 1846 г.—„О значенія и условіяхъ британско-нѣмецкаго союза“¹⁾. Содержаніе статьи преиму-

¹⁾ Ueber den Wert und die Bedingungen einer Allianz zwischen Groszbritannien und Deutschland. Мы пользовались ею въ Fried. List's Gesammelte Schriften, 2-er Theil, 1850, S. 435—468.

щественно политическое; но его политическія требованія какъ бы вырастаютъ изъ экономической первоосновы; подобное сочетаніе экономики и политики вообще характерно для построений Листа.

Листъ строить свою политическую систему совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ строилась и, казалось, должна была строиться политика въ 40 годахъ XIX вѣка и въ ближайшее къ нимъ время. Въ своихъ конструкціяхъ Листъ принимаетъ за реальность два факта, которые къ его времени еще вовсе не имѣли мѣста въ дѣйствительности: 1) Германія объединена и представляетъ собою экономически и политически мощное національное тѣло. 2) Австрія отказалась отъ своего соперничества съ Пруссіей и находится въ ближайшемъ союзѣ съ объединенной Германіей. Листъ думалъ, что при такомъ положеніи Франція и Россія неизбѣжно придутъ къ союзу между собою,—союзу, который будетъ направленъ противъ Германіи и будетъ имѣть цѣлью уничтожить ее, инкорпорировать ея отдѣльныя части и тѣмъ заставить нѣмцевъ служить интересамъ, съ одной стороны, Франціи, съ другой—Россіи. Въ то же время во Франціи и Россіи Листъ видѣлъ соперниковъ и противниковъ Англии въ ея мировомъ „колониально-экономическомъ“ расширеніи. Постулируя подобное положеніе, онъ неизбѣжно приходилъ къ мысли, что Англія и Германія—естественные союзники. Листъ считалъ необходимымъ, чтобы Англія тотчасъ же приступила къ закладкѣ основаній для этого союза; прежде всего, чтобы англійское правительство перестало препятствовать, въ интересахъ англійской промышленной монополіи, таможенному объединенію Германіи. Листъ советовалъ, чтобы англійское правительство, наоборотъ, всячески способствовало экономическому и политическому національному объединенію Германіи и тѣмъ создало себѣ мощнаго и вѣрнаго союзника.

Нужно отмѣтить, что излагаемая здѣсь статья Листа состоитъ, главнымъ образомъ, изъ максимъ и требованій, которыя только въ малой степени сопровождаются практическими разъясненіями, въ какія формы выльется этотъ британо-нѣмецкій союзъ. Немногое сказанное Листомъ по этому вопросу сводится къ слѣдующему. Чтобы держать „въ уздѣ“ Францію и Россію и чтобы гарантировать себѣ удобное сообщеніе со своей Остъ-Индской имперіей, Англии необходимо овладѣть Египтомъ и Малой Азіей. Это пріобрѣтеніе можетъ быть сдѣлано только при наличности союза Британіи съ „объединенными нѣмецкими державами“, т.-е. съ собственно Германіей и съ Австріей. Условіемъ такого союза должно являться распространеніе нѣмецкаго владычества на весь европейскій владѣнія Турціи, т.-е., по тогдашнему положенію, на весь Балканскій полуостровъ. Египетъ, Сирія и Малая Азія станутъ тогда средоточіемъ германской военной морской и сухопутной силы. Отсюда должны посылаться англійскіе корабли и солдаты

во всё тѣ мѣста Африки или Азіи, гдѣ они нужны въ данный моментъ. Усовершенствованіе путей сообщенія въ этой области должно увеличить англійскую торговлю съ Индией; наконецъ, эти страны могутъ принять многочисленныхъ европейскихъ поселенцевъ и стать тѣмъ, чѣмъ были во времена античности,—житницей міра. О томъ же, въ какія реальныя формы должно вылиться нѣмецкое владычество на Балканахъ, Листъ въ своей статьѣ о британо-нѣмецкомъ союзѣ не говоритъ. Но взгляды Листа на этотъ вопросъ нашли свое выраженіе въ немного болѣе раннемъ очеркѣ (1845 г.): „О національно-экономической реформѣ въ Венгріи“¹⁾. Въ этомъ очеркѣ Листъ требовалъ, чтобы австрійское правительство провело въ Венгріи рядъ преобразованій, которые улучшили бы политическій строй этой страны, вызвали бы широкое развитіе ея производительныхъ силъ и тѣмъ привлекли бы венгровъ, эту „огненную, богатую фантазіей и высокими чувствами“ націю, къ служенію нѣмецкому дѣлу. Въ частности, Венгрія вмѣстѣ съ нѣмецко-австрійскими провинціями должна, по мнѣнію Листа, послужить основнымъ „империализующимъ“ ядромъ новой большой имперіи. Онъ говоритъ: „Промышленность и торговля Австріи и Венгріи, рука объ руку, должны обратиться къ использованию нижнедунайскихъ странъ путемъ обмена мануфактурныхъ продуктовъ на земледѣльческія; за установленіемъ такой хозяйственной связи, основанной на взаимныхъ выгодахъ, должно, рано или поздно, послѣдовать политическое объединеніе“.

Слѣдовательно, подъ „нѣмецкимъ владычествомъ въ европейскихъ владѣніяхъ Порты“ Листъ понималъ империалистическое расширеніе Австро-Венгріи на Румынію, Болгарію и Сербію. Интересно, что онъ строилъ это расширеніе на экономической первоосновѣ; въ то же время несомнѣнно, что и въ намѣченной имъ формѣ оно носитъ характеръ континентальнаго расширенія и должно вести къ образованію такого территориальнаго единства, что понятіе „колоніи“, всегда предполагающее извѣстное обособленіе отъ метрополіи, здѣсь по отношенію къ „империализуемымъ“ частямъ является непримѣнимымъ. Къ построенному Листомъ типу лучше всего подошло бы названіе „континентально-экономическаго“ расширенія.

Подобное расширеніе Австро-Венгріи для остальной Германіи, по идеѣ Листа, должно служить гарантіей ея безопасности со стороны Россіи; Россія угрожаетъ со стороны континента; поэтому мы сказали бы—расширеніе Австріи дастъ для союзной Германіи „континентальныя гарантіи“. „Когда ослаблена Австрія, ослаблена вся Германія“ (S. 318).

¹⁾ Über die national-ökonomische Reform des Königreichs Ungarn. Gesammelte Schriften, 2-er Theil, S. 299—366.

Листъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ русскую опасность, грозящую Германіи; Россія—варварская страна; при томъ она очень агрессивна; ей необходимо захватить хоть часть Германіи, чтобы заставить нѣмецкую культуру служить себѣ. Только союзъ съ мощной Австро-Венгріей можетъ отвести отъ Германіи эту опасность.

Всѣ построения Листа почти совсѣмъ непримѣнимы къ ближайшему къ нему времени, наприм., ко времени крымской войны. Объединенія германскихъ государствъ тогда еще не существовало; франко-русского союза еще даже и не намѣчалось; наоборотъ,—въ 1854 г. Франція соединилась съ Англійей, чтобы препятствовать проникновенію русскихъ на Востокъ. Но уже вскорѣ началось осуществленіе многого изъ того, что предвидѣлъ Листъ. Прежде всего осуществилось національное хозяйственное самоутвержденіе Германіи. Между 1840 и 1870 годами въ Германіи, въ значительной мѣрѣ, имѣло мѣсто то идеальное сожителство промышленности и земледѣлія на одной территоріи, о которомъ такъ часто говорилъ Листъ; промышленность все болѣе развивалась и приобретала большую силу; въ то же время собственныхъ земледѣльческихъ продуктовъ еще хватало для удовлетворенія, въ полномъ размѣрѣ, всѣхъ главнѣйшихъ потребностей населенія. Вплоть до 1875 г. непрерывно росла цѣна на земли и повышалась земельная рента; затѣмъ въ 1871 г.—национальное хозяйственное самоутвержденіе завершилось національнымъ политическимъ объединеніемъ. На краткій мигъ Германія стала завершеной въ себѣ національной цѣльностью. Достигнутое было закрѣплено союзомъ съ Австро-Венгріей. Свершилось предвидѣнное Листомъ „объединеніе германскихъ державъ“. Бисмаркъ сказалъ: „Saturiert“.

Но уже въ ближайшее время за 1871 г. начали намѣчаться нѣкіе новые процессы. Въ началѣ 80-хъ годовъ было потеряно равновѣсіе между земледѣліемъ и промышленностью. Своего хлѣба стало нехватать. Возникла необходимость ввоза изъ чужихъ странъ въ значительныхъ количествахъ продуктовъ питанія. Ввозъ сырья принялъ огромные размѣры: шагавшая гигантскими шагами по пути развитія промышленность требовала все въ большихъ количествахъ материала для переработки. Установился „пассивный“ торговый балансъ—признакъ большого экономическаго благосостоянія. Въ 1910 г. въ Германіи было 65 мил. населенія; а территорія страны могла прокормить только 50 мил.; ежегодная прибавка населенія достигла 900 тысячъ. Германія стала чисто-промышленной страной, съ огромной производительной промышленной силой, но безъ собственнаго сырья и хлѣба.

Хозяйственное имперіалистическое расширеніе Германіи къ началу XX вѣка свершилось; она стала страной очень высокой экономической культуры, и многіе чужія земли и страны служили ей „хозяйственнымъ

дополненіемъ“, ея поставщиками хлѣба и сырья. Требовалось создать этому хозяйственному расширенію политическія гарантіи. Но на пути политическаго расширенія Германіи встали: съ одной стороны, возникшій въ серединѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка франко-русскій союзъ, съ другой стороны—Англія. Слѣдовательно, въ одномъ Листъ ошибся: Англія не вступила въ союзъ съ Германіей. Эта ошибка вполнѣ объяснима; въ построеніяхъ Листа о британско-нѣмецкомъ союзѣ было противорѣчіе, которое должно было разрушить все построеніе. Говоря— въ своей „Национальной системѣ“—о грядущемъ колониально-экономическомъ расширеніи Германіи, Листъ ничего не говорилъ въ этой своей работѣ о британо-германскомъ союзѣ; онъ сознавалъ, что при такомъ расширеніи Германія должна неизбѣжно стать не союзникомъ, но соперникомъ Англіи. Тамъ же, гдѣ Листъ проводитъ идею британо-германскаго союза, онъ какъ бы совсѣмъ забываетъ то, о чемъ говорилъ раньше; именно, что въ своемъ развитіи Германія непременно придетъ къ необходимости колониально-экономическаго расширенія. Въ своей статьѣ о британо-германскомъ союзѣ, Листъ рассматриваетъ Германію, какъ чисто-національное тѣло. Оставаясь въ предѣлахъ чисто-національнаго бытія, Германія, конечно, могла жить въ мирѣ съ британскою имперіей, какъ на это указываетъ Листъ; но, пожелавъ создать и себѣ такую же имперію, Германія естественно должна была стать соперницей Англіи. Въ упомянутой статьѣ Листъ совершенно упустилъ изъ виду это обстоятельство. Выросши въ своемъ экономическомъ развитіи за предѣлы чисто-національнаго бытія, Германія рѣшила вступить въ борьбу за имперію. Только созданіемъ „имперіи“ она могла добыть гарантіи неизбѣжности своего осуществившагося хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Въ этой борьбѣ Англія оказалась въ станѣ враговъ Германіи.

Громадное большинство новѣйшихъ идеологовъ великой Германіи пошло по тѣмъ путямъ, которые указалъ Листъ. Это слѣдованіе бывало часто даже слишкомъ рабскимъ. Построеніе Листа объ отношеніяхъ между Германіей и Англіей несомнѣнно не осуществилось. Несмотря на это, новѣйшіе нѣмецкіе литераторы продолжали повторять основныя практическія требованія Листа, и тѣмъ впадали въ противорѣчіе съ самими собой и съ дѣйствительностью. Къ рѣшенію вопроса, которое соответствовало реальнымъ условіямъ, они подошли ощупью, невѣрными шагами. Однако, съ основными положеніями Листа и это рѣшеніе отнюдь не стоятъ въ противорѣчій.

Духъ и мысль Листа донинѣ ведутъ за собою Германію.

Петръ Савицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ трезвой деревни.

Пишущему эти строки какъ-то непривычно писать изъ „трезвой“ деревни. Слишкомъ ужъ свыклись мы съ обликомъ деревни пьяной, обалдѣлой отъ паровъ алкоголя, слишкомъ велика перемѣна во всемъ ея бытѣ за эти мѣсяцы, когда закрыты гостепримныя двери казеннокъ и безчисленныхъ шинковъ. Просто не вѣрится тому, что видишь, и боишься, что все это только сонъ,—одно изъ тѣхъ „праздныхъ мечтаній“, которое вотъ-вотъ разсѣется яко дымъ... Прежнія деревенскія темы: пьянство, дебоши, хулиганство, пропиваніе надѣловъ, водка въ судѣ, водка на сходѣ—все это куда-то провалилось, какъ въ волшебной сказкѣ...

Русская пословица „нѣтъ худа безъ добра“,—этотъ парадоксъ народной мудрости,—оправдалась въ полной мѣрѣ. Война небывалая по своимъ размѣрамъ вызвала къ жизни то, о чемъ еще такъ недавно можно было только мечтать, безъ надежды, что мечта когда-либо осуществится,—отрезвленіе народа. Положимъ, отрезвленіе принудительное, но все же отрезвленіе, реальныя послѣдствія котораго у всѣхъ на виду.

Проклятый вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ и его роднымъ дѣтищемъ хулиганствомъ, мутной волной захлестнувшимъ нашу деревню, разрѣшился просто: закрыта продажа крѣпкихъ напитковъ, убранъ съ глазъ долой великій соблазнъ, и сразу же измѣнилось лицо русской деревни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лицо всей русской жизни. Простота рѣшенія вопроса поражаетъ своей смѣлостью: но вѣдь извѣстно, что простыя рѣшенія въ то же время и самыя трудныя, требующія огромнаго запаса рѣшимости, и нужно было великое потрясеніе, чтобы, не мудрствуя лукаво, прійти къ нему. Въ нашемъ бюджетѣ питейный доходъ представляетъ столь значительную величину, что финансовому вѣдомству пришлось основательно призадуматься надъ изысканіемъ новыхъ источниковъ дохода, которые замѣнили бы собою отказъ казны отъ извлеченія дохода изъ народного пьянства. 700 милліоновъ—не шутка, особенно теперь, когда война требуетъ колоссальныхъ затратъ, когда все народное хозяйство съ верху до низа потрясено военными дѣйствіями, сократившими това-

робоу и понизившими производительность народного труда. Но самый успех войны—как это было правильно учтено—зависит прежде всего от сохранения в народ бодрости. Урок дальневосточной кампании не пропасть даром, и гордиев узел народного отрезвления был смело разрублен. Нужно признать, что если бы не война, вероятно и теперь все еще продолжались бы колебания и споры, изобретались бы паллиативы, вроде „разумных развлечений“ для отвлечения от водки, усиления каръ за хулиганские проступки и преследования корчемства и т. п., а зеленый змий, знай себя, продолжал бы свою губительную деятельность, внося духовное и физическое разложение в народные массы, сѣя вокруг себя нищету и преступность...

Итакъ, нѣтъ худа безъ добра...

Внутри страны мы имѣемъ уже такую побѣду, которая одна выкупаетъ, можетъ быть, большую часть тѣхъ жертвъ, которыя принесены и будутъ еще принесены Россіей на кровавый алтарь войны. Вѣдь надо же признать, что въ конечномъ счетѣ ни одна самая кровопролитнѣйшая война не унесетъ столько жизней и не внесетъ такого морального и экономического развала, какъ алкоголь, дѣйствіе котораго къ тому же не ограничивается однимъ поколѣніемъ. Тутъ только жертвы не такъ видны, какъ въ войнѣ, и потому выносятся—да будетъ позволено такъ выразиться—охотнѣе...

Итакъ, война помогла намъ одержать побѣду надъ внутреннимъ, исконнымъ супостатомъ, помогла покончить съ народнымъ пьянствомъ, съ пьянымъ бюджетомъ, и съ тѣми разрушеніями, которыя вѣками вносили въ жизнь алкогольный угаръ. Для бытописателя русской деревни теперь является чрезвычайно важнымъ вопросъ о томъ, какъ встрѣтитъ народъ принудительное отрезвленіе, въ чемъ наглядно выразилось изъятіе изъ обихода сивухи? Оговариваемся: мы не считаемъ возможнымъ подводить какіе-либо итоги: вѣдь отрезвленію, что называется, безъ года недѣля, и жизнь народа, его бытъ не можетъ измѣняться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Теперь можно только намѣтить тѣ слабея, изъ которыхъ потомъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, сложатся итоги, и съ нѣкоторой осторожностью попытаться заглянуть въ это будущее...

По общимъ отзывамъ, идущимъ изъ всѣхъ уголковъ нашего отечества, картина жизни русской деревни рѣзко измѣнилась со времени прекращенія продажи крепкихъ напитковъ: нѣтъ улчныхъ скандаловъ, дракъ, сквернословія, былыхъ прежде обычными явленіями. Значительно убавилось число оборванцевъ, общій видъ населенія сталъ здоровѣе, лица осмысленнѣе, одежда чище и лучше. То, что прежде пропивалось въ казенкахъ и шинкахъ, теперь идетъ на улучшеніе хозяйства и питанія. Даже привычные пропойцы, завсегдатаи шинковъ и трак-

тировъ, вѣчно ходившіе въ лохмотьяхъ и опоркахъ, попріодѣлись, меньше стало и попрошайства. Деревенские праздники—„престолы“, большая часть которыхъ приходится на осень (Покровъ, Казанская, Введение, Знаменіе, дни св. Сергія и Дмитрія, наиболѣе чтимыхъ по деревнямъ святыхъ православной церкви, Михайловъ день и др.), проходятъ чинно, безъ обычнаго пьянства, сопровождаемаго драками и членовредительствомъ. Столь же благообразно справляются свадьбы, которыя даже въ бѣдныхъ семьяхъ рѣдко обходились безъ 5—10 ведръ водки, для чего обычно продавалось все, что только можно продать, и дѣлались обременительные займы. Даже гульба рекрутовъ передъ наборомъ, гульба, продолжавшаяся обычно полтора-два мѣсяца и дѣлавшая улицы деревни положительно непроходимыми для мирныхъ обывателей, на этотъ разъ была лишена своего обычнаго характера. Поговорите съ крестьянами, и услышите повсюду единодушный отзывъ: теперь стало не въ примѣръ лучше, и хорошо было бы, какъ бы навѣки вѣчные такъ установилось. Такъ говорятъ даже привычные пьяницы, первое время сильно страдавшіе отъ невозможности добыть водки: очевидно, и въ нихъ принудительное отрезвленіе пробудило сознание гибельности пьянства. А женщины—молодыя и старыя—такъ тѣ не иначе какъ съ умиленіемъ относятся къ наступленію эры трезвости. И еще бы: вѣдь женщина наиболѣе страдала отъ алкоголя, и кому же, какъ не ей, благословлять побѣду надъ этимъ лютымъ врагомъ, разрушавшимъ и домашній миръ, и экономическое благополучіе крестьянской семьи.

Анкеты, произведенныя нѣкоторыми земствами, въ достаточной мѣрѣ выясняютъ отношеніе деревни къ алкогольному вопросу. Подавляющее количество корреспондентскихъ отвѣтовъ, съ которыми намъ довелось ознакомиться, говорятъ о благодѣтельномъ вліяніи прекращенія торговли крѣпкими напитками и о желательности „прикрыть“ эту торговлю „навсегда“, причемъ подавляющее число отвѣтовъ касаются запрещенія продажи и водки, и винъ, и пива. Лишь небольшой процентъ корреспондентовъ высказывается въ пользу торговли пивомъ и виноградными винами, значительная же часть ихъ признаютъ пиво болѣе соблазнительнымъ и болѣе дорогимъ напиткомъ, чѣмъ водка. Что касается собственно винограднаго вина, то отношеніе къ нему земскихъ корреспондентовъ нужно считать недостаточно выясненнымъ, потому что населеніе, за исключеніемъ жителей винодѣльческихъ районовъ, мало знакомо съ чистымъ винограднымъ виномъ, подъ названіемъ котораго обывателю деревни обычно подносится та же водка, разбавленная водой и слобренная вкусовыми спеціями. Надо однако полагать, что и виноградныя вина, особенно крѣпкія, причисляются земскими корреспондентами къ числу нежелательныхъ напитковъ, подобно пиву, такъ какъ всѣ они высказываются за желательность полнаго отрезвленія народа.

Впрочемъ, относительно земскихъ анкетъ нужно сдѣлать небольшую оговорку. Земские корреспонденты,—тѣ, коимъ рассылаются по тѣмъ или инымъ поводамъ опросные листы,—не могутъ быть отождествляемы со всѣмъ населеніемъ. Правда, это мѣстные жители—учителя, священники, землевладѣльцы, крестьяне, хорошо знающіе свои районы, имѣющіе обширный кругъ знакомства и возможность широкаго наблюденія мѣстной жизни,—но они все же *не народъ*, не масса, а выдѣлившіеся изъ этой массы деревенскіе интеллигенты, въ большей или меньшей степени захваченные интеллигентской идеологіей,—хотя бы по паспорту они и значились крестьянами. И несомнѣнно, что, давая отвѣты на вопросы анкеты, они, при всемъ желаніи сохранить безпристрастіе и дать точную картину настроеній народа, привносятъ въ свои отвѣты нѣчто индивидуальное, высказываютъ свои собственные взгляды, добросовѣстно считая ихъ взглядами, господствующими въ широкихъ слояхъ народа. Зло алкоголизаціи страны такъ велико и застарѣло, что, конечно, найдется не мало людей, ропщущихъ на новые порядки, что принудительное отрезвленіе далеко не всѣми встрѣчено съ радостью, и что однимъ имъ вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ далеко не исчерпывается.

Въ первомъ ряду недовольныхъ запрещеніемъ продажи питей нужно поставить хотя и немногочисленную, но, къ сожалѣнію, вліятельную группу лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ производствѣ вина и процвѣтаніи водочной торговли, а также торговли пивомъ. Съѣздъ винокуренныхъ заводчиковъ успѣлъ уже высказать свое отношеніе къ дѣлу отрезвленія Россіи. Отношеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ отрицательное. По мнѣнію съѣзда, воспрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ, помимо разоренія винокуренныхъ заводчиковъ, повлечетъ за собою гибель нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, тѣсно связанныхъ съ винокурениемъ, и оставить безъ хлѣба десятки тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ винокуренной промышленности. Тутъ несомнѣнно сказалась тенденція отождествлять свои интересы съ интересами государственными. Само собою разумѣется, что имѣніямъ, оборудованнымъ винокуренными заводами, принудительное отрезвленіе нанесетъ нѣкоторый ущербъ, лишивъ владѣльцевъ ихъ источника крупныхъ доходовъ,—а такихъ имѣній въ Россіи насчитывается до трехъ тысячъ. Владѣльцамъ придется перестроить всю систему полеводства, приноровленную къ нуждамъ винокурения, сократить посадку картофеля и замѣнить его культурой другихъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній. Это—безспорно. Но безспорно также и то, что никакого крушенія сельскохозяйственной жизни Россіи отъ этого не произойдетъ. Ссылка на то, что отбросами винокурения—бардой—откармливается скоть, что де благоприятно вліяетъ на развитие отечественнаго скотоводства, едва ли достаточно убѣдительно: статистика, наоборотъ, удостовѣряетъ, что развитие винокурения и скотоводства

никогда не совпадают, что, захватывая обширныя площади земли под культуру картофеля, винокурение даетъ не кормъ, а суррогатъ корма и содѣйствуетъ сокращенію посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ и кормовыхъ травъ. Тутъ очевидно заводчики, желая сохранить въ неприкосновенности свое право производить признанный вреднымъ для народнаго здоровья и благополучія спиртъ, что называется перехватили черезъ край и привели доводъ въ защиту винокурения, не выдерживающій критики. Насиженные позиціи сдаются, какъ извѣстно, не легко, и, конечно, всѣмъ еще памятны тѣ голоса, которые предостерегали отъ введенія винной монополии, имѣющей убить цѣлую отрасль торговли и оставить безъ хлѣба сотни тысячъ торговцевъ, кормившихся около нея. Опытъ однако показалъ, что опасенія были напрасны и внушались своекорыстными побужденіями лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи вольной продажи водки, и никакого ущерба отъ замѣны послѣдней монополюющей торговлей народное хозяйство не понесло. И какъ бы ни относиться къ винной казенной монополии, нужно признать, что она имѣла одну положительную сторону: только при наличности ея оказалось возможнымъ провести такую радикальную мѣру, какъ повсемѣстное запрещеніе продажи питей, и какъ бы ни были велики грѣхи монополии, этимъ они искупаются вполне...

Что касается запугиванія винокуренныхъ заводчиковъ, что де десятки тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ винокуренной промышленности, останутся не у дѣль, то, говоря вульгарно, цѣна такому запугиванію—ломаный грошъ. Всего въ винокуренной промышленности занято около сорока тысячъ рабочихъ (въ среднемъ по 14 на заводъ), — цифра, сама по себѣ далеко не устрашающая, да и кромѣ того, по свойству производства, эти 40 тысячъ не представляютъ собою обособленной специализировавшейся группы, какъ, на примѣръ, въ текстильной или металлообрабатывающей промышленности, гдѣ закрытіе заводовъ и фабрикъ не можетъ не вызывать безработицы и обнищанія среди занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Обычно кадръ винокуренныхъ рабочихъ комплектуется изъ крестьянъ ближайшихъ къ заводамъ деревень, для которыхъ работа на заводахъ является не постояннымъ занятіемъ и источникомъ пропитанія, но лишь подсобнымъ промысломъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Испугъ винокуренныхъ заводчиковъ слишкомъ преувеличенъ и вызванъ всего вѣроятнѣе неожиданностью и радикальностью мѣропріятія, имѣющаго отрезвить Россію. Мы отнюдь не думаемъ, что это отрезвленіе окончательно убьетъ винокуренную промышленность: ей только придется пережить временныя затрудненія и приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Перспективы техническаго прироста спирта—безпредѣльны, и если министерство финансовъ пойдетъ

навстрѣчу болѣе широкому использованию спирта для техническихъ надобностей путемъ удешевленія его, то имѣется полное основаніе предполагать, что производство спирта не только не сократится, но въ будущемъ даже и расширится. У насъ для техническихъ цѣлей въ настоящее время используется около 2% всего выкуриваемаго спирта, тогда какъ, напримѣръ, въ Германіи для тѣхъ же цѣлей потребляется почти 50%: отсюда можно видѣть, какіе широкіе горизонты открываются передъ винокуренной промышленностью при условіи расширенія технического примѣненія спирта.

Помимо притязаній вліятельной группы винокуренныхъ заводчиковъ, дѣлу отрезвленія Россіи угрожаетъ вѣками усвоенная и вошедшая въ бытъ привычка населенія къ самоодурманиванію. Создался цѣлый рядъ обычаевъ, не только освящающихъ употребленіе водки, но и обязательно требующихъ его при различныхъ обстоятельствахъ и событіяхъ семейной и общественной жизни, а обычай, какъ извѣстно, сильнѣе требованій морали и закона. Не бѣда, что нѣтъ водки. Голь на выдумки хитра, говоритъ пословица, и при желаніи ее замѣняютъ суррогаты. Пьютъ денатурированный спиртъ, политуру, которые очищаютъ процѣживаніемъ черезъ хлѣбъ или черезъ соль, а то употребляютъ и безъ всякой очистки, разбавивъ наполовину водой, пьютъ домашняго изготовленія хмельную брагу, содержащую, какъ говорятъ, до 10% алкоголя, пьютъ „сыченый“ квасъ, который варятъ изъ отбросовъ при промывкѣ воины и для „крѣпости“ сдабриваютъ отваромъ нюхательнаго табаку. Что денатурированный спиртъ и политура ядовиты, на это не обращаютъ вниманія: изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что нерѣдко употребляющіе подобные напитки не только подвергаются тяжелымъ заболѣваніямъ, но и опиваются до смерти. Насколько безвредна хмельная брага и взваръ изъ медовыхъ отбросовъ съ примѣсью табаку, пока еще нѣтъ опредѣленныхъ указаній, но что они имѣютъ широкое распространеніе со времени закрытія винныхъ лавокъ и шинковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что привычная потребность въ опьяненіи не можетъ быть вырвана сразу, и, потерявъ, такъ сказать, возможность законнаго удовлетворенія, она находитъ окольные пути.

Изъ этого отнюдь, однако, не слѣдуетъ, что дѣло отрезвленія народа является дѣломъ безнадежнымъ. Правда, суррогаты водки вредны для народнаго здравія, но надо признать, что прибѣгаетъ къ нимъ незначительное меньшинство—то, организмъ котораго уже окончательно распатанъ алкоголемъ. Широкаго распространенія они во всякомъ случаѣ не получаютъ и навѣрное въ подрастающихъ поколѣніяхъ не разовьются привычки къ пьянству, уже по тому одному, что, какъ говорятъ опытные люди, употребленіе денатурата, политуры или сыченаго кваса

не даетъ „настоящаго“ опьянѣнія, а только одурманиваетъ, сопровождаясь тяжелымъ похмельемъ и болями—часто весьма жестокими—въ животѣ.

Но все же тутъ кроется угроза отрезвленію населенія, и несомнѣнно, что на-ряду съ изъятіемъ изъ обихода крѣпкихъ напитковъ необходимо и другія мѣры—мѣры культурнаго порядка, которыя подняли бы самосознаніе широкихъ массъ населенія. Помнится, Левъ Толстой въ письмѣ съѣзду по борьбѣ съ пьянствомъ въ 1909 г. высказалъ соображеніе, что человѣкъ избавится отъ пьянства „не тогда, когда онъ будетъ лишенъ возможности пить, а тогда, когда онъ не станетъ пить, хотя бы передъ нимъ, въ его комнатѣ стояло вино и онъ слышалъ бы его запахъ, и ему стоило бы только протянуть руку. А это будетъ только тогда, когда человѣкъ будетъ считать благо духовное выше блага тѣлеснаго. А такое предпочтеніе души предъ тѣломъ можетъ быть только у человѣка религіознаго, такъ что, по-моему, пьянство отъ отсутствія религіознаго сознанія, и спасеніе отъ него—въ пробужденіи этого сознанія“.

Великій моралистъ, въ силу особенностей его міропониманія, недооцѣнивалъ значеніе мѣропріятій запретительнаго характера, а мы по опыту должны признать, что въ дѣлѣ отрезвленія они имѣютъ положительное и притомъ огромное значеніе; но тѣмъ не менѣе надо признать глубочайшую вѣрность его замѣчанія, что для окончательной побѣды надъ пьянствомъ нужно пробужденіе религіознаго сознанія въ народѣ. Нужно не угашать духа въ этомъ народѣ, показавшемъ столько духовной мощи и стойкости въ переживаемое нами трудное время. Нужно благожелательно относиться къ этой мощи и открыть свободный путь религіознымъ исканіямъ и религіозному самоопредѣленію народа, отбросивъ, какъ пережитокъ темнаго прошлаго, недовѣріе къ религіознымъ исканіямъ, которыя одни только и могутъ создать здоровую мораль, не привитую извнѣ, но вырастающую изъ самыхъ сокровенныхъ корней народнаго міросозерцанія...

Давно ли у насъ преслѣдовали братцевъ-резвенниковъ въ качествѣ людей опасныхъ для общественнаго спокойствія и развратителей народа? Какой только грязью ни обливали этихъ апостоловъ трезвости,—а вотъ теперь мы присутствуемъ при торжествѣ ихъ идеи, выношенной ими на самобытной почвѣ исканія правды Божьей и жизни праведной и чистой. Пусть эти гоненія будутъ послѣдними, пусть они отойдутъ въ область прошлаго, и тогда мы дѣйствительно увидимъ трезвую Русь, Русь сильную и духовно и экономически...

Вліяніе трезвости, хотя бы и принудительной, успѣло сказаться и на отношеніи деревни къ происходящей войнѣ. Какая разница съ тѣмъ,

что было десять лѣтъ назадъ, во время войны съ Японией! Тогда деревня съ ропотомъ отдавала своихъ сыновей въ ряды дѣйствующей арміи и смотрѣла на войну, какъ на нѣчто чужое, совсѣмъ ей, деревнѣ, не нужное. Народъ пилъ, топя въ водкѣ свое озлобленное горе, пили и производили чудовищные дебоши запасные,—вырастало на почвѣ всеобщей неразберихи погромное движеніе, натворившее тогда столько бѣдъ. Правда, и поводы къ войнѣ были не тѣ, что теперь. Несмотря на великія тягости нынѣшней войны, не сравнимыя съ тѣми, которыя выпали на долю Россіи десять лѣтъ назадъ, отношеніе къ войнѣ мы позволимъ себѣ назвать религиознымъ: трезвая Русь сознаетъ, что творится великое дѣло, нужное всему культурному человѣчеству, и какъ бы ни велики были жертвы во имя этого дѣла, онѣ должны быть принесены. И приносятся. Въ морѣ горя родителей, женъ, братьевъ, сестеръ нѣтъ ропота: есть опредѣленное сознание необходимости жертвъ, и трезвая Россія даетъ ихъ...

Пока что, повторяемъ, лицо русской жизни,—и въ особенности жизни деревни,—съ запрещеніемъ продажи водки измѣнилось до неузнаваемости. Измѣнилось къ лучшему. И задача ближайшаго времени, какъ это само собою разумѣется, состоитъ въ томъ, чтобы закрѣпить это преобразование нашего быта и создать условия, при которыхъ возвращеніе къ старому стало бы невозможнымъ. Задача великая и трудная. Алкоголь имѣетъ у насъ могучихъ союзниковъ въ лицѣ народной темноты и тѣхъ притязаній огромной рати людей, для которыхъ народное пьянство являлось источникомъ наживы. Трудность задачи должна одушевлять ноборниковъ трезвости, которымъ предстоитъ огромная работа.

В. Быстринъ.

О нѣкоторыхъ малообоснованныхъ притязаніяхъ Италіи и Румыніи.

Неизвѣстно, конечно, когда выступятъ и выступятъ ли вообще Италія и Румыніи съ оружіемъ въ рукахъ противъ Австро-Угріи, или же предпочтутъ за благоразумный и безопасный нейтралитетъ получить *right of belligerence* законно, де, по историческому и національному праву принадлежащую имъ территорію: Триентъ, Триестъ (со всѣмъ, конечно, Приморьемъ?) и Далмацію—Италіи, Буковину, Трансильванію и часть Угріи—Румыніи.

Такъ ли ужъ, однако, безспорны эти права?

Историческое право—вообще довольно шаткое основаніе. Мало ли что было, да ушло! Отчего бы туркамъ не потребовать—по „священному“ историческому праву—весь Балканскій полуостровъ (съ Румыніей и частью Далмаціи), большую часть Угріи съ Будапештомъ и Трансильваніей, полякамъ—западную Русь со Смоленскомъ и Кіевомъ, Литву и т. п. Кстати, существуетъ ли, вродѣ земской, какаѣ-либо историческая давность?

Историческія права Италіи и, особенно, Румыніи, думается, не такъ ужъ непререкаемы.

Италіи, какъ единого государства, до половины XIX в. не существовало, Италія, *какъ таковая*, никогда Далмаціей не владѣла ¹⁾.

Только одной Венеціанской республикѣ принадлежала въ разное время и въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ Далмація (иногда лишь одни *города*, да и то не всѣ), но и то угорскіе короли, а потомъ угорскіе короли и императоры-Габсбурги опять—таки въ разное время владѣли Далмаціей, начиная съ 1102 г., когда угорскій король Коломанъ захватилъ Хорватію и Далмацію. Когда турки утвердились на Балканахъ, то и султаны временами господствовали надъ Далмаціей. Правда, въ турецкое время Венеція часть Далмаціи удержала за собой, часть приобрѣла по Карловецкому 1699 г., часть по Пожаревецкому 1718 г. миру.

¹⁾ Между прочимъ, въ половинѣ XIV в. угорскій король Людовикъ Великій отнялъ Далмацію отъ Венеціи съ помощью *итальянскихъ* же городовъ Генуи, Аквилей и др.

Съ паденіемъ республики Венеціи Далмація по Кампо-Формійскому миру въ 1797 г. отошла къ Австріи и доннынѣ осталась за ней ¹⁾, т.-е. болѣе 100 лѣтъ. Время не малое, да и историческое право Венеціанской республики, какъ видно, не имѣло непрерывности.

Республика Дубровникъ (Рагуза) опять-таки въ разное время и въ разной степени подчинялась Венеціи, послѣ же 1365 г. признала власть—скорѣе протекторатъ—Угрии. Впрочемъ, дубровчане, охраняя свою самостоятельность, искали и находили себѣ покровителей вездѣ, гдѣ было имъ выгодно. Подаромъ дубровчанъ называли „*pazione di sette bandiere, нація семи флаговъ*“. Византія, Венеція, Угрія, Турція, папа, даже короли далекой Испаніи защищали Дубровникъ другъ отъ друга. Въ 1806 г. Дубровникъ занятъ былъ французами, въ 1814 г. отошелъ къ Австріи.

Населеніе далматинскихъ городовъ первоначально было итальянское, но славянскій элементъ постоянно просачивался въ нихъ изъ окрестныхъ славянскихъ поселеній, и въ XIV—XV вв. города ославянились. Культурное же вліяніе Италіи и распространенность итальянскаго языка существовали все время, существуютъ и теперь, но это, конечно, ничего общаго не имѣетъ ни съ историческимъ, ни съ національнымъ правомъ.

У Румыніи нѣкоторое историческое право имѣется только на Буковину, до 1774 года составлявшую часть Молдавіи, но вѣдь молдавскіе господа были лишь вассалами султана, которому и принадлежало суверенное право на Буковину. Теперь, къ тому же, уже прошло 140 лѣтъ спокойнаго обладанія Буковиной Австріи. Что касается Угрии, то, бывало, угорскіе короли имѣли власть въ Молдавіи или Валахіи, но не наоборотъ. Если временами румынскіе господа и хозяйничали въ Трансильваніи, то по приказу и при поддержкѣ султана.

Насколько по *національному* праву, по этнографическому принципу Италіи принадлежатъ южный Тироль, ²⁾ городъ Триестъ и западная часть Приморья (Küstenland), настолько же осуществленіе ихъ поползновеній на остальное Приморье, на всю Далмацію было бы поспраніемъ національнаго права славянъ (словинцевъ и сербо-хорватовъ), грубаго надъ ними насилія, замѣнило бы это нѣмецкое—*теперь*, впрочемъ, именно здѣсь почти не осязуемое—игомъ итальянскимъ.

Обратимся къ официальной статистикѣ Цислейтаніи ³⁾.

Если австрійская статистика стремится увеличить число нѣмцевъ—вообще, число поляковъ—въ Галичинѣ, то относительно славяно-итальян-

¹⁾ Кромѣ кратковременнаго хозяйничанья французовъ 1805—1810 гг.

²⁾ Надо замѣтить, однако, что многія долины южнаго Тироля (Göddner Thal, Val di Fassa и др.) населены ладинцами—тоже романцами, но часто болѣе сочувствующими нѣмцамъ, чѣмъ итальянцамъ.

³⁾ 1910 г.

скихъ областей трудно ее заподозрѣть въ предумышленномъ увеличеніи цифры говорящихъ тѣмъ или другимъ языкомъ. Надо только имѣть въ виду, что часто славяне, владѣюще съ дѣтства обоими языками (а такихъ здѣсь, даже и помимо образованнаго общества, весьма и весьма много), при переписи своимъ *обиходнымъ* (Umgangssprache) языкомъ—по тѣмъ или инымъ побужденіямъ—объявляютъ не словинскій или сербо-хорватскій, а *итальянскій*. При измѣнившихся условіяхъ число такихъ „итальянцевъ“, конечно, уменьшится.

Остановимся сначала на Далмаціи.

Въ 1910 году во всей Далмаціи ¹⁾ сербо-хорватовъ было 610,669 (96,2%) и итальянцевъ—18,028 (2,8%). Эта картина однако неправильна. Большая часть итальянцевъ сосредоточивается въ городахъ Задрѣ (Zara) и Сплѣтѣ (Spalato). ²⁾ Въ судебномъ округѣ Зары—вмѣстѣ съ городомъ—сербо-хорватовъ 49,915 (80,3%), итальянцевъ 11,574 (18,6%), Сплѣта—сербо-хорватовъ 50,514 (95,6%) итальянцевъ—2,090 (почти 4%); за исключеніемъ этихъ округовъ, въ остальной Далмаціи ³⁾ сербо-хорватовъ 510,240 (98,0%), итальянцевъ—4,170, т.е. 0,8% (!).

На сѣверѣ къ Далмаціи примыкаетъ Рѣка (Fiume), портъ Угрии, но съ очень малымъ количествомъ мадьяръ. Всего въ Рѣкѣ 37,792 жителей ⁴⁾; изъ нихъ мадьяръ только 2,405 (6,3%), сербо-хорватовъ 7,514 (19,8%), преобладающая же народность—итальянцы: 26,370 (69,8%). ⁵⁾

Приморье составляютъ Горица (Görz) и Градиска, Триестъ и Истрія.

Итальянцами заселены прилегающіе къ Итали западные судебные округа ⁶⁾: Gradisca, городъ Görz ⁷⁾ и Monfalcone:

Округа.	Итальянцы.	Славяне ⁸⁾ .	Итальянцы (%)	Славяне (%)
Gradisca . .	26,263	4,656	83,9	14,9
гор. Görz . .	14,812	10,868	50,6	37,1
Monfalcone .	45,979	1,704	95,9	3,6

Остальные, лежащія на востокъ судебные округа: Tolmein, Görz ⁹⁾ и Sessa на почти исключительно славянскіе ¹⁰⁾:

¹⁾ Общая цифра населенія 634,855.

²⁾ Кромѣ того, островъ Висъ (Lissa) чисто итальянскій.

³⁾ Общая цифра населенія 520,568.

⁴⁾ Безъ евреевъ, увеличивающихъ число мадьяръ и пѣмцевъ.

⁵⁾ Рубрики итальянскаго языка въ статистикѣ Транслейтаніи пѣтъ; лица съ роднымъ (Muttersprache) итальянскимъ языкомъ занесены въ рубрику „иныхъ“ (egyeb) языковъ. Мы пользовались статистикой по переписи 1900 г. Данныя переписи 1910 г. еще не опубликованы.

⁶⁾ Приводимъ далѣе названія въ формѣ, принятой официальной переписью

⁷⁾ Съ значительнымъ, однако, меньшинствомъ славянъ

⁸⁾ Почти исключительно словинцы.

⁹⁾ Безъ города.

¹⁰⁾ Словинцы.

Округа.	Славяне.	Итальянцы.	Славяне (%)	Итальянцы (%)
Tolmein . . .	37,893	29	95,5	0,1
Görz . . .	70,061	2,765	95,6	3,8
Sesana . . .	29,566	343	98,1	1,1

Въ Триестскомъ округѣ итальянцы сосредоточиваются преимущественно въ городѣ; на побережьи и къ сѣверу отъ Триеста преобладаютъ славяне. ¹⁾ Поэтому въ Триестскомъ округѣ славянское меньшинство довольно значительно. Итальянцевъ въ этомъ округѣ 118,959 (62,3%), славянъ—59,314 (31,0%).

Въ Истрии итальянцы занимаютъ узкую береговую полосу и лишь въ сѣверной части углубляются внутрь страны (округъ Montona); остальное занято славянами. ²⁾

Къ югу отъ Триеста округъ Capodistria: преобладаютъ славяне, итальянцы—лишь вдоль побережья. Далѣе на югъ почти чисто итальянскій округъ Buje; на востокъ отъ него преимущественно итальянскій Montona. Еще южнѣе вдоль берега преимущественно итальянскіе округа: Parenzo, Rovigno (въ немъ чисто итальянскій городъ Rovigno) и Pola. Изъ большихъ острововъ преимущественно итальянскій лишь Lussin. Преимущественно славянскіе округа ³⁾: Castelnuovo, Pinguente и Voloska, Pisina, Albona, Dignano; изъ большихъ острововъ: Cherso и Veglia.

Округа.	Итальянцы.	Славяне.	Итальянцы (%)	Славяне (%)
Capodistria . . .	18,774	25,492	42,2	57,4
Buje	19,728	2,007	90,7	9,2
Montona	11,004	10,442	51,2	48,6
Parenzo	10,544	6,547	61,5	38,2
Rovigno	3,341	3,078	52,0	47,9
Городъ Rovigno .	10,859	120	96,0	1,0
Pola	30,902	19,967	50,2	32,4
Lussin	7,588	4,380	61,0	35,8
Castelnuovo . . .	7	16,595	0,04	99,9
Pinguente	874	19,445	4,3	95,6
Voloska	946	31,275	2,7	90,0
Pisino	1,636	28,907	5,4	94,0
Albona	2,396	14,305	13,6	81,1
Dignano	6,620	11,167	37,0	62,3
Cherso	2,296	5,714	28,6	71,3
Veglia	1,544	19,553	7,3	92,5
Всего	147,417	223,318	43,1	62,9

¹⁾ В. ч. словинцы.

²⁾ На сѣверо-западѣ словинцы, на востокѣ и югѣ—сербо-хорваты.

³⁾ Начиная съ сѣвера.

Насколько же *справедливы* и основательны притязанія итальянцевъ на Далмацию и *все* Приморье?!

Если на западъ Австро-Угрии имѣется „Irredenta“ романской Итали, то на востокъ ея—„Irredenta“ романской Румынии: Буковина, вся Трансильванія и прилегающія къ ней столицы (комитаты) Угрии.

Давно уже румыны Румынии мечтаютъ освободить болѣе 3-хъ миллионовъ ¹⁾ страждущихъ подъ гнетомъ братцевъ и, конечно, присоединить ихъ къ королевству, захвативъ, кстати, еще и живущія между ними другія народности, главнымъ образомъ, мадьяръ и нѣмцевъ—около 1.700.000, всего, слѣдовательно, болѣе 4.700.000. Недурной лакомый кусочекъ для шестимиллионнаго нынѣшняго королевства Румынии! ²⁾ Стоитъ, конечно, ради него рискнуть и войною, особенно, когда цѣной страшныхъ усилий и страшныхъ потерь Англи, Франціи, Сербіи, Черногоріи, главнымъ же образомъ Россіи, звѣрю будутъ нанесены смертельные удары, и останется его только добывать. Это уже не „клочокъ медвѣжьего ушка“, а нѣчто весьма большее! По такому масштабу Россія имѣла бы получить территорію со *ста миллионами* новыхъ гражданъ. Зато какія потомъ радужныя для Румынии картины политическаго вліянія въ восточной Европѣ и гегемоніи на Балканахъ!

Относительно Буковины пожеланія румынъ королевства легко удовлетворить: выдѣленіе румынской юго-восточной и южной ея части отъ русской затрудненій почти не представляетъ, кромѣ лишь узкой полосы на востокъ Буковины, къ югу отъ Сторожинца, вдоль границы Молдавіи. Отъ Старожинца до Сочавы находится значительное русское населеніе, хотя и прорѣзанное румынскими и смѣшанными румынско-русскими и русско-румынскими селами. Въ судебныхъ округахъ ³⁾—Сереть, Солетинъ и Сочава—румынъ 65,780, русскихъ—40,544. Чтѣ же, отдать эти сорокъ съ половиной тысячъ русскихъ Румынии?

Трансильванія ⁴⁾—совсѣмъ не *исключительно* и даже не *преимущественно* румынская страна. Изъ 2.476,998 всего ея населенія *румынъ* лишь *немного болѣе половины*—1.397,282 (56,4%). Послѣ румынъ наиболѣе многочисленны *мадьяры* (секлеры)—814,994 и *нѣмцы* (такъ называемые саксы)—233,019, что составляетъ вмѣстѣ 1.048,013 (42,4%). ⁵⁾

¹⁾ Въ Буковинѣ (въ 1910 г.) румынъ 273,254, въ столицахъ Трансильваніи (въ 1900 г.)—1.397,282, въ собственно Угрии—1.387,846.

²⁾ Собственно румынъ въ немъ врядъ ли болѣе 5-ти миллионовъ.

³⁾ Начиная съ сѣвера.

⁴⁾ Уже въ половинѣ XIX в. автономія Трансильваніи уничтожена, и Трансильванія составляетъ лишь часть Угрии.

⁵⁾ Извѣстно, конечно, умѣнье мадьярской статистики увеличивать на бумагѣ число мадьяръ на счетъ другихъ народностей. Но что въ широкихъ размѣрахъ удается слѣ-

Затѣмъ, каждая изъ этихъ трехъ народностей не занимаетъ рѣзко очерченной территории. Въ теченіе столѣтій Трансильванія, какъ и вообще Угрія, пережила много погромовъ со всѣхъ сторонъ, многократно население ея истреблялось, уцѣлѣвшіе бѣжали въ горы или на чужбину, потомъ возвращались, часто занимая инныя мѣстности; многократно въ Трансильванію—какъ и вообще въ Угрію—вливались потоки колонистовъ изъ Угрии, Австріи, Германіи, Балканскаго полуострова. Все это—въ связи съ чрезвычайно пересѣченной горами мѣстностью—привело къ крайней черезполосицѣ поселеній разныхъ народностей, къ возникновенію многихъ смѣшанныхъ областей и отдѣльныхъ селъ, многихъ иноязычныхъ острововъ среди той или иной народности. ¹⁾

Вслѣдствіе этого только въ очень небольшомъ количествѣ столицъ какая-либо народность имѣетъ рѣшительное и безспорное преобладаніе. Изъ 15-ти столицъ Трансильваніи лишь въ 2-хъ—Удваргель и Фогарашъ—% меньшинства народностей ниже 10, лишь въ 4-хъ—колеблется отъ 10,9 до 14,1: Нижн. Фегеръ, Чикъ, Гунядъ и Гаромсекъ:

Столицы.	Все население.	Мадыры.	Цѣмлы.	Румыны.	Мадыры + цѣмлы (% ²⁾).	Румыны (%).
Udvarhely	118,275	112,607	2,225	2,928	97,1	2,5
Fogaras	92,801	5,199	3,627	83,445	9,5	89,9
A. Fehér	212,352	36,360	7,953	166,099	10,9	78,2
Csik	128,382	110,963	1,062	15,936	87,2	12,4
Hunyad	303,838	32,316	9,189	257,013	13,6	84,6
Háromszék	137,261	116,755	363	19,439	85,3	14,1

Въ остальныхъ столицахъ % этнографическихъ меньшинствъ колеблется отъ 22,9 до 47,4 (см. таблицу на слѣд. стр.).

Попробуйте раздѣлить Трансильванію, слѣдуя болѣе или менѣе строго этнографическому принципу. Нечего говорить, какъ при этомъ пострадали бы экономическіе интересы населенія!

лать со словаками и русскими, то далеко не такъ гладко проходитъ относительно румынъ и особенно саксовъ. Поэтому официальныя о нихъ цифровыя данныя можно считать болѣе или менѣе соответствующими дѣйствительности. Евреевъ же въ Трансильваніи мало.

¹⁾ Наименѣе поднижны были секлеры—оттого и территория ихъ является болѣе однородной.

²⁾ Мы вычисляли % для мадыръ и цѣмцевъ вмѣстѣ—вѣдь для нашей дѣли важно только процентное отношеніе не-румынъ къ румынамъ.

Столицы.	Все население	Магьяры.	Нѣмцы.	Румыны.	Магьяры + нѣмцы (%)	Румыны (%)
Sz. Doboka .	237,134	47,212	7,252	180,309	22,9	76,0
T. Aranyos .	160,579	40,806	654	116,833	25,1	72,7
B. Naszód .	119,014	8,475	26,036	82,256	29,0	69,7
Szeben . . .	166,188	8,084	47,678	108,413	33,5	65,2
Kolozs . . .	253,661	95,626	9,058	146,268	38,9	57,7
K. Küküllö .	109,197	32,491	19,202	55,276	47,4	50,7
N. Küküllö .	145,138	17,139	61,769	61,779	54,4	42,6
Brassó . . .	95,565	31,191	29,415	33,886	63,3	35,5
Maros-Torda .	197,618	119,180	7,446	67,402	64,3	34,1

Наконецъ, географическое размѣщеніе народностей крайне невыгодно для румынъ. Части Трансильваніи съ болѣе или менѣе значительнымъ преобладаніемъ румынъ прорѣзываются по срединѣ суживающимся къ сѣверо-западу иноязычнымъ клиномъ, идущимъ отъ крайняго юго-восточнаго угла Трансильваніи, вдающагося между Молдавіей и Валахіей и отдѣленнаго отъ послѣднихъ трудно проходимыми высокими горами. Клинь этотъ занимаютъ сначала мадьяры ¹⁾, а далѣе смѣшанныя мадьяро-нѣмецкія и отчасти лишь румынскія пространства.

Болѣе сплошная румынская территорія находится, въ сущности, лишь *къ сѣверу и къ югу* отъ этого мадьяро-нѣмецкаго клина. Сѣверная часть этой румынской территоріи на востокъ на небольшомъ протяженіи—по границѣ Трансильваніи около 90 килом., по воздушной линіи около 70-ти—сливается съ румынской частью Буковины и съ Молдавіей, на западѣ съ румынской территоріей Угрии (не безъ иноязычныхъ, часто крупныхъ острововъ).

Послѣ мадьярской части клина—шириной по воздушной линіи около 150 килом., по границѣ Трансильваніи, около 270 килом.—южное крыло румынской территоріи начинается послѣ Брашова (Brassó, Kronstadt), идетъ, все болѣе расширяясь къ сѣверу, на западъ (опять тоже не безъ иноязычныхъ острововъ) и переходитъ въ собственно Угрію.

На основаніи какого же принципа на этотъ мадьярско-нѣмецкій клинь имѣеть право Румынія?

Въ десяти столицахъ Угрии, гдѣ находятся болѣе или менѣе сплошныя поселенія румынъ, на все количество населенія—3.547,624—румынъ 1.387,846 (39,1%), мадьяръ—1.110,755, нѣмцевъ—473,979, мадьяръ и нѣмцевъ вмѣстѣ, слѣдовательно—1.584,734 (44,6%). Остальную часть населенія составляютъ иныя народности—между прочимъ, въ Мараморошской и Угочской столицахъ—русскіе.

¹⁾ Съ востока: Гаромсекъ, Чикъ, Удваргель, Вел. Кикилле и Марошь Торда.

Изъ этихъ 10-ти столицъ румыны преобладаютъ въ 3-хъ: Крашшо-Сѣрень, Силадь ¹⁾ и Арадъ, преимущественно въ 1-й:

Столицы.	Все населеніе.	Мадыры.	Нѣмцы.	Румыны.	Мадыры + нѣмцы (%)	Румыны (%)
Krassó-Szörény	443,001	21,439	55,266	328,371	17,2	74,1
Szilágy	207,293	76,482	1,494	125,421	37,6	60,5
Arad	386,100	110,823	40,148	223,806	39,1	57,9

Въ остальныхъ 7-ми—румыны составляютъ меньшинство отъ 10,0% до 45,4%:

Столицы.	Все населеніе.	Мадыры.	Нѣмцы.	Русскіе.	Румыны.	Мадыры + нѣмцы (%)	Румыны (%)
Bihar	577,312	324,970	3,620	—	239,449	62,7	45,4
Temes	476,242	58,153	171,087	—	167,523	48,1	35,1
Szatmar	367,570	235,015	11,763	—	118,770	67,4	32,5
Marmaros ²⁾	309,598	36,230	5,335	138,963	73,231	57,9 ³⁾	23,6
Torontál	609,362	114,760	184,016	—	88,044	49,0	11,1
Ugoesa ²⁾	83,316	30,641	108	32,664	9,219	75,9 ³⁾	11,0
Csanad	140,007	103,242	1,182	—	13,981	74,5	10,0

Надѣмся,—увы, не увѣрены!—что самые горячіе румынскіе патріоты не думаютъ о захватѣ этихъ 10-ти столицъ *цѣликомъ*, а лишь о присоединеніи ихъ *румынскихъ* частей. Но при чрезвычайно прихотливой, извилистой этнографической границѣ, при наличности многихъ, иногда весьма крупныхъ иноязычныхъ острововъ на румынской территоріи и наоборотъ, а также многихъ смѣшанныхъ полосъ, Румыніа захватить и должна будетъ захватить не менѣе 600—700 тысячъ не-румынъ. Особенно труднымъ представляется разграниченіе той части этихъ столицъ, которая лежитъ не на угорской равнинѣ, „Дольней землѣ“ (мад. alföld), а въ горныхъ отрогахъ.

Мы никогда не занимались политикой, рѣшать полптическія задачи не беремся, но для научныхъ цѣлей часто бывали въ разныхъ частяхъ Угріи и Трансильваніи, иногда и подолгу—отъ 3 до 10 мѣсяцевъ,—думаемъ, что имѣемъ нѣкоторое представленіе о внутреннихъ отношеніяхъ Угріи, и беремъ на себя смѣлость поставить нѣсколько вопросовъ. Пусть болѣе компетентныя лица дадутъ на нихъ отвѣты:

1. Имѣетъ ли на основаніи національнаго принципа Румыніа право на юго-восточную часть Угріи и на отдѣляющую эту часть Угріи отъ Румыніи Трансильванію?

¹⁾ До 1861 г. входила въ составъ Трансильваніи.

²⁾ Безъ евреевъ.

³⁾ Мадыры, нѣмцы и русскіе.

2. Трансильванскіе мадьяры-секлеры, по своему неукротимому духу и преданности своей народности, могутъ быть названы мадьярами *par excellence*. Трансильванскіе нѣмцы-саксы извѣстны трудолюбіемъ, зажиточностью, высокимъ уровнемъ образования и умѣніемъ лучше всѣхъ народностей (не исключая и другихъ нѣмцевъ Угрии) упорно отстаивать свои всякаго рода, въ томъ числѣ и національныя, права. Не приобрѣтутъ ли румыны королевства въ секлерахъ и саксахъ такой орѣшекъ, котораго имъ не разгрысть? Хватитъ ли у нихъ умѣнія съ достаточнымъ тактомъ и безъ насилій сладить съ секлерами и саксами? Не кончится ли дѣло такой же ненавистью и тѣхъ и другихъ къ румынамъ, какую румыны Угрии теперь питаютъ къ мадьярамъ, т.-е., собственно, не къ мадьярскому народу, а къ *правлящимъ кругамъ*, въ которыхъ хуже мадьяръ—мадьяроны-ренегаты? Не создастся ли тогда новый костеръ горячихъ матеріаловъ?

3. Можно ли быть *увереннымъ*, что сами *румыны* Угрии и Трансильвании ужъ такъ жаждутъ быть присоединенными къ Румыніи, съ такимъ ужъ уваженіемъ смотрятъ на порядки королевства, будутъ въ восторгѣ, если эти порядки заведутся и у нихъ? Такъ ли ужъ румыны Угрии и Трансильвании преклоняются передъ культурой, образованными кругами Румыніи, такъ ли ужъ румынскіе крестьяне въ Угрии имѣютъ основаніе завидовать въ экономическомъ и иныхъ отношеніяхъ своимъ собратьямъ въ Румыніи?

Конечно, при нынѣшнихъ порядкахъ Угрии румыны стонутъ и негодуютъ. Но если обстоятельства измѣнятся, если эти порядки отойдутъ въ прошлое, если румыны получаютъ полное удовлетвореніе въ національномъ и религіозномъ отношеніи, *то не предпочтутъ ли они королевству Румыніи королевство Угрію?*

4. Слѣдуетъ ли во имя національности кромсать то, что тѣсно связано географически и *экономически*, не представляетъ ли Угрія такой именно единый организмъ, ни одна часть котораго не можетъ существовать безъ другихъ, и выгодно ли будетъ *нѣкоторымъ* народностямъ, если ихъ, вопреки горнымъ массивамъ, свяжутъ съ ихъ единоплеменниками внѣ предѣловъ Угрии?

Пусть эти загадки разрѣшитъ мудрый Эдипъ!

Отмѣтимъ, что много цѣнныхъ указаній, какъ удовлетворить народности Угрии при сохраненіи ея недѣлимости, можно найти въ разныхъ петиціяхъ, меморандумахъ, ностановленіяхъ, какъ представителей отдѣльных не-мадьярскихъ народностей, такъ и ихъ сѣздовъ съ 60-хъ годовъ XIX в. до второго десятилѣтія XX в. Но гдѣ достать въ Россіи эти матеріалы, особенно въ настоящее время?

Докторъ славянской филологіи А. Петровъ.

1914 г. 17/XII.

Боттичелли.

Опытъ по философіи искусства.

I.

Образъ искусства предстоитъ воспринимающему его прежде всего, какъ предметъ *созерцанія*. Въ этомъ непосредственномъ опытѣ видѣнія впервые открывается *красота* даннаго сочетанія элементовъ прекраснаго образа, какъ начало, которое убиваетъ въ немъ чувственно-временное и, оберегая его единичность, рождая въ ней достоинство сверхвременности, дѣлаетъ его неповторяемо единственнымъ достиженіемъ. Уже первоначально-интуитивное воспріятіе предмета искусства усматриваетъ въ просвѣтленной, оправданной единичности его то *сверхъиндивидуальное*, отъ котораго чувственный образъ пріемлетъ свое оправданіе, но которое *не вмѣщается* въ его предѣлы. Художественная интуиція открываетъ въ индивидуальной красотѣ явленіе Бога.

Созерцаніе прекраснаго образа, раздвигая границы индивидуально-чувственного воплощенія красоты, безгранично расширяетъ сферу художественнаго опыта. То невѣдомое, творчески образующее предметъ искусства, которое открывается въ иррациональномъ видѣніи, не можетъ быть постигнуто однимъ. этимъ видѣніемъ именно въ силу неисчерпаемаго богатства своего содержанія. Приобщеніе къ нему вызываетъ стремленіе познать его со всей полнотой, доступной познающему духу, стремленіе къ тождеству съ нимъ и въ интуиціи, и въ идеѣ. Такъ возникаетъ потребность осознать, *осмыслить* непосредственно открывшееся въ созерцаніи и развернуть это осмысленное въ системѣ понятій-смысловъ. Такъ начинается исканіе *разума* въ красотѣ, такъ рождается философія искусства.

Какъ бы ни были многообразны и сложны задачи этой науки объ искусствѣ, какъ бы ни были многочисленны тѣ пути, на которыхъ она ищетъ ихъ разрѣшенія, *основнымъ* источникомъ ея положеній долженъ быть *непосредственный опытъ художественнаго созерцанія*. Этотъ опытъ долженъ дать основу познанія и при изслѣдованіи общей идеи красоты,

и при изученіи отдѣльной области искусства или единичнаго художественнаго явленія. Непосредственное созерцаніе должно быть положено въ основу и при познаніи разума въ искусствѣ Боттичелли.

Красота этого искусства живетъ въ образахъ, созданныхъ художникомъ. Подлинное пониманіе ея дается лишь черезъ эти образы, черезъ созерцаніе ихъ, которое изолируетъ постигаемый предметъ и даетъ возможность увидѣть его въ немъ самомъ, въ его неповторяемой самодовлѣющей завершенности. Напротивъ, историческое изученіе искусства Боттичелли, которое сопоставляетъ его съ другими, родственными ему предметами и отыскиваетъ генетическія условія его данности, можетъ лишь помочь ориентироваться въ его содержаніи и сдѣлать его менѣе чуждымъ. Но уловить индивидуальную сущность этого искусства невозможно, подходя къ нему отъ ино-содержанія или ино-бытія; аналогія или сходство безсильны дать адекватную формулу, найденная причина можетъ лишь обмануть соблазнительной иллюзіей пониманія. И это не потому, что искусство Боттичелли имѣетъ мало отношеній къ эпохѣ, его создавшей, но, быть можетъ, именно потому, что связь его съ культурой Возрожденія очень велика и очень опредѣленна. Исторія установила общую зависимость между творчествомъ художника и той духовной жизнью, которою жила Флоренція второй половины XV вѣка, и указала на тѣ вліянія, которыя воспринимало чуткое и разностороннее дарованіе Боттичелли. Современная ему живопись,¹⁾ эстетическія воззрѣнія Альберти,²⁾ классическое искусство и классическая литература, преломленная новой итальянской поэзіей,³⁾ наконецъ, религиозно-философскія исканія Платоновой академіи и проповѣдь Савонаролы,—все это находило свое отраженіе въ его образахъ и опредѣляло его художественное дѣло. Въ результатѣ этихъ сопоставленій искусство Боттичелли стало разсматриваться, какъ отблескъ золотого вѣка итальянской исторіи, и въ этихъ даляхъ исторической перспективы развѣялась та высшая самобытность въ немъ, которая сдѣлала его носителемъ метафизическаго откровенія. А между тѣмъ смыслъ и значеніе этого откровенія не подчинены ни времени, ни мѣсту, ни той индивидуальной душѣ, которая приняла его, какъ свое благословеніе или свое проклятіе.

¹⁾ Особенно замѣтное вліяніе на Боттичелли имѣло искусство Фра Филиппо Липпи, Верроккю и братьевъ Поллаюоло, а затѣмъ и Леонардо да Винчи.

²⁾ Della pittura di Leon Battista Alberti libri tre. См. Quellenschriften für Kunstgeschichte, B. XI: Leone Battista Alberti's Kleinere kunsttheoretische Schriften, herausgegeben von H. Janitschek.

³⁾ Здѣсь имѣется въ виду, между прочимъ, поэзія современниковъ Боттичелли—Лоренцо Медичи и Анжело Полициано, у которыхъ художникъ могъ заимствовать сюжеты для своихъ картинъ.

Если для того, чтобы узнать разумъ образовъ Боттичелли, приходится обратиться отъ историческаго анализа къ непосредственному ихъ созерцанію, то при этомъ надо помнить, что не всякое видѣніе откроетъ этотъ разумъ, но лишь видѣніе, адекватное созерцаемому предмету. А такимъ можетъ быть лишь *объективное* созерцаніе, изъ котораго устраненъ созерцающій субъектъ. Цѣли личныхъ впечатлѣній, ассоциативныхъ образовъ и мыслей, всплывающія при созерцаніи предмета искусства, наконецъ, общая душевная взволнованность, вызываемая приобщеніемъ къ красотѣ,—всѣ эти эмпирические спутники ея воспріятія, которые обывательская практика и убогая духомъ психологія нерѣдко принимаютъ за содержаніе прекраснаго, должны быть жертвенно преданы являющемуся объекту, должны умереть въ немъ. *Быть* долженъ онъ одинъ, раскрывающійся въ самопознаніи. И тогда все то, что откроется въ предметѣ, будетъ обладать высшей доступной для человѣка объективностью; и это открытое будетъ обнаружено передъ всякимъ, у кого есть воля и силы къ осуществленію объективнаго видѣнія, ихъ провѣритъ тотъ, кто способенъ отречься отъ себя для иного и видѣть въ этомъ иномъ.

Въ объективномъ созерцаніи предмета искусства познающій разумъ открываетъ *смыслъ* даннаго явленія красоты. Этотъ смыслъ облеченъ въ чувственную форму прекраснаго образа, образуетъ вмѣстѣ съ нею конкретную цѣлостную сложность и, опредѣляя ее, самъ черезъ нее опредѣляется. Поскольку сознаніе фиксируетъ смыслъ красоты, ищетъ и находитъ для него понятія и слова, оно неизбѣжно разрываетъ цѣлостность прекраснаго образа, какъ бы обѣдняетъ, схематизируетъ его. Но это—судьба всякой мысли, которая, пусть будетъ она и необъятна, и глубока, все же упрощаетъ неисчерпаемую сложность предмета. Она должна принять эту судьбу уже потому, что только въ ея усилии понять до конца открывается во всемъ своемъ значеніи его безнадежность, а въ этой безнадежности—безграничность познаваемаго. Такъ, осознанная недостаточность чисто-разумнаго постиженія становится его силой; разлагающая работа мышленія приводитъ къ требованію новаго созерцательнаго синтеза, въ которомъ разумъ красоты раскрывается вмѣстѣ съ ирраціональною данностью прекраснаго образа. Дѣло философіи искусства состоитъ въ томъ, чтобы искать путь къ абсолютно адекватному красотѣ созерцанію, къ *созерцательному знанію* или интеллектуальной интуиціи. Въ опытѣ этого исканія станетъ явной недостойность и ненужность субъективнаго мнѣнія объ искусствѣ и будетъ найдено для него подлинное слово.

II.

Въ искусствѣ Боттичелли красота расцвѣтаетъ, какъ чудо, тамъ, гдѣ еще не уготовлено для нея мѣсто, гдѣ все враждебно ей и мѣшаетъ ея появленію. Прекрасное всегда причастно покою завершенности, въ которомъ обрѣтаютъ миръ противоборствующія начала и дается свобода отъ неразрѣшимости духовныхъ заданій. Между тѣмъ образы Боттичелли полны той смущенности духа, которая возникаетъ въ немъ тогда, когда онъ видитъ правду, но не знаетъ пути къ ней, когда онъ смѣетъ осудить до конца, но хочетъ и не хочетъ устранить уже приговоренное имъ изначально-злое. Здѣсь все—раздвоенность и борьба. И когда эта безнадежность озаряется красотой, то эта красота приходитъ не какъ осуществленная реальность, но какъ мечта о далекомъ послѣднемъ примиреніи, какъ предчувствіе блаженного конца.

Мечта—это торжество духа, раненаго смертью. Она родится тогда, когда сила запрета душитъ свободное проявленіе жизни и заставляетъ умирать то, что умереть не можетъ; въ ней надломленная жизнь заявляетъ о неисчерпаемости своей силы. И въ образахъ Боттичелли таятся повышенное жизнеощущеніе, которое претворяется въ боль, въ жертвенное преданіе индивидуальнаго хаосу живой стихіи; неудержимая сила жизни утверждаетъ себя и въ бурной радости, и въ безмѣрномъ страданіи, и въ стремительномъ самозабвенномъ движеніи, въ которое захвачены и люди, и волны, и цвѣты. Но надъ этой полной красочной жизнью лежитъ мертвенная тѣнь; не убивая жизни, не угашая ея силы, смерть набрасываетъ на живое тѣло краски коченѣющаго трупа и калѣчить его судорогой надломленности.

Такъ въ первоначальномъ воспріятіи образовъ Боттичелли уже обнаруживается основная особенность его духа. Мироощущеніе его диалектично по своему существу. Онъ не только видитъ въ мірѣ враждебныя и враждующія силы, но обостряетъ ихъ различія до противоположности, до взаимоотрицанія, до абсолютной несовмѣстимости ихъ бытія. Онъ видитъ зло, знаетъ его и знаетъ его изначально, и существованіе его является ему непреодолимой преградой къ святости и спасенію. Но въ то же время интенсивное жизнеощущеніе, въ которомъ жизнь пріемлетъ во всей полнотѣ своихъ проявленій, заставляетъ его признать всѣ антагонистическія стихіи жизни равно необходимыми элементами ея. Это жизнеощущеніе мѣшаетъ ему искать спасенія такъ, какъ искало его средневѣковое сознаніе, которое мирилось съ дуализмомъ тѣла и души, зла и добра, ада и рая. Душа не можетъ спастись, если осуждено тѣло, духъ не можетъ жить, если отвергнута и казнена матерія. Спасеніе не исключаетъ, но требуетъ полноты жизни и возможно лишь тогда, когда оправдано, когда свято въ ней все

и до конца. Такъ выдвигается непомѣрная задача абсолютнаго оправданія міра, въ которомъ зло не подлежитъ осужденію и изъятію, но въ которомъ оно должно претвориться въ благо.

При томъ обостренномъ ощущеніи грѣха въ его изначальности и неискушимости, при той интенсивности осужденія, въ которомъ живетъ духъ Боттичелли, трудности новаго морально-религіознаго пути оказываются непреодолимыми. Каждый образъ, созданный художникомъ, ставитъ проблему и рѣшаетъ ее, но въ самомъ рѣшеніи утверждаетъ вновь и вновь ея неразрѣшенность. Все творчество Боттичелли развертывается, какъ непрерывное, безнадежное *исканіе святости*, исканіе Бога, который есть лишь тамъ, гдѣ нѣтъ зла, и бытіе котораго есть знакъ того, что въ мірѣ все благо и все свято.

III.

Безысходно гнетущая *тоска* даетъ Боттичелли первое смутное сознание объ изначальной неблагости жизни, о томъ, что не все въ ней можетъ быть принято такъ, какъ оно есть.

Его раннія картины съ изображеніемъ Мадонны и Христа складываются подъ сильнымъ влияніемъ Фра Филиппо Липпи и Верроккю. Молодой художникъ воспринимаетъ отъ своихъ учителей не только особенности рисунка и красокъ, не только темы и общій характеръ композиціи, но отдѣльныя черты лицъ и фигуръ, детали костюма и украшеній. Однако, несмотря на эту несамостоятельность воплощенія, несмотря на общую техническую несвободу его, въ первыхъ попыткахъ художника уже живетъ субстанціальное начало его духа, которое сковываетъ ихъ отдѣльные элементы въ одно опредѣленное единство. Этимъ опредѣляющимъ началомъ и является тоска, смутная, неосознанная въ своемъ источникѣ и своихъ основаніяхъ, но непосредственно живая и непреодолимая. Гнетомъ тоски покорно сгибается голова Мадонны подъ аркой у цвѣтущихъ розъ, болѣзненно сжимается тѣльце младенца; тоска заставляетъ его спрашивать пытливо и робко.

Есть маленькія дѣти: они растутъ, осѣненные радостью ласки, но въ глазахъ ихъ смотритъ глубокая грусть. Они не знаютъ ея, другимъ она непонятна, а между тѣмъ тотъ, кто замѣтитъ ее, склоняется передъ нею, какъ передъ откровеніемъ невѣдомой правды.

Въ такой изначальной тихой скорби родилось искусство Боттичелли; оно родилось тогда, когда наступали дни Лоренцо Великолѣпнаго, — солнечный праздникъ Флоренціи.

Пробужденіе скорби есть пробужденіе *духовности*. Духъ въ творчествѣ Боттичелли опознаетъ себя, какъ скорбный духъ, и противопоставляетъ въ образѣ скорбящей Юдионъ недуховности тупо безразличной Абры.

Тоска гнететъ, давить духъ, сковываетъ его, дѣлаетъ несвободнымъ; въ ней, при всей ея смутной неопредѣленности, уже раскрывается злое начало, какъ нѣчто враждебное духовному самодовлѣнью, радости и духовной свободѣ. Эта тоска требуетъ отъ разума признанія *проблемы зла*, отъ воли—борьбы за его преодоленіе.

Наивное сознание объективируетъ зло и мыслить его противостоящимъ субъективному духу: это внѣшній врагъ, съ которымъ внутренне свободный духъ можетъ вступать въ противоборство. Для побѣды надъ врагомъ открыты два пути: одинъ путь воинствующій, агрессивный; мечта народа ведетъ такимъ путемъ своихъ героевъ въ тридешатое царство къ истребленію змѣеподобныхъ и иныхъ чудовищъ; національные герои избираютъ его для борьбы съ иноземнымъ или туземнымъ тираномъ. Другой путь—это пассивное подчиненіе, страдальческое пріятіе; торжество надъ зломъ достигается здѣсь обрѣтеніемъ блаженства въ самомъ страданіи—это путь мученичества.

При всемъ различіи этихъ двухъ формъ преодоленія зла обѣ онѣ предполагаютъ реальный дуализмъ добраго и злого начала, рѣзкую раздѣльность ихъ жизненныхъ проявленій. Въ „Юдиои“¹⁾ и „Св. Себастьянъ“²⁾ Боттичелли даетъ художественное выраженіе, тому духовному опыту, въ которомъ испытывается антагонизмъ грубой силы и благой духовности, разрѣшающійся побѣдой духа. Побѣда эта, однако, раскрываетъ изначальную безнадежность того пути, который привелъ къ ней. Неустраненность зла, оживающаго въ тоскѣ побѣдителя, оказывается не случайной; она не зависитъ отъ слабости воинствующаго духа—дѣло его доведено до конца,—но отъ того, что врагъ его живетъ не тамъ, куда были направлены его силы. Героическій подвигъ, въ которомъ духъ въ борьбѣ со зломъ приобщается къ нему и познаетъ его, получаетъ значеніе акта самопознанія, въ результатъ котораго герой долженъ и себя самого признать носителемъ злого начала и принять отвѣтственность за него.

Маленькая картинка, изображающая героическую побѣдительницу Олоферна, является однимъ изъ лучшихъ достижений Боттичелли. Ее создало то особенное дважды углубленное видѣніе, для котораго и линіи, и цвѣта не только исполнены силъ, слагающихъ движеніе жизни, но подчиненно слиты съ живою въ нихъ глубиной метафизическаго смысла. Во всемъ царственномъ образѣ Юдиои, въ ея сдержанномъ движеніи, въ облекающихъ ее тканяхъ утонченно благороднаго, почти прозрачнаго сине-лиловаго цвѣта, отбѣннаго желто-оранжевой одеждой рабыни, живетъ гордый одинокій духъ. Одиночество его безнадежно:

¹⁾ *Botticelli*. „Giuditta“. Firenze. Uffizi. № 1166.

²⁾ *Botticelli*. „Der heilige Sebastian“. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum. № 1128.

оно утверждается непосредственной навязчивой близостью изначального неисправимаго рабства; но онъ силенъ и одинъ, и пріемлетъ на одного себя и трудность борьбы, и тяжесть побѣды. Вся концепція картины, всѣ отдѣльные мотивы ея, начиная отъ мертвой головы Олоферна и кончая группами войскъ вдали, спѣшащихъ навстрѣчу вѣсти о побѣдѣ, утверждаютъ полноту, окончательность этой побѣды и внутреннюю красоту, неоспоримую праведность той, которая побѣдила въ борьбѣ за освобожденіе. И, однако, въ ней нѣтъ и тѣни торжества, которымъ такъ полна библейская исторія Юдиои. Духъ отказывается дать санкцію своей побѣдѣ, его скорбное сознание, оторванное отъ видимыхъ результатовъ совершеннаго, приковано къ самому акту насилия, смутно прозрѣвая въ немъ что-то мѣшающее полнотѣ достиженія. Въ насилии побѣды оно открываетъ зло и, страдая, утверждаетъ его непреодолимость.

Въ „Св. Себастьянѣ“ зло обезсиливается кроткой покорностью его пріятя. Пассивность духа передъ грубостью истязанія претворяетъ ее въ небытіе; израненное тѣло чуждо духу такъ же, какъ далека ему шумная жизнь, убѣгающая въ даль для того, чтобы угаснуть въ сумракѣ вечера. Духъ одинъ въ самосозерцаніи, ему близки лишь кристалльность воздуха и красота одинокаго дерева на фонѣ свѣтлаго неба. Но подобно тому, какъ побѣда въ борьбѣ не даетъ торжества, такъ и побѣда въ смиреніи не даетъ блаженства. Духъ, спасаясь въ глубину самого себя, не уходитъ отъ страданія, но снова находитъ его.

И побѣда Юдиои и подвигъ Себастьяна говорятъ одно: если внѣшнее объективное зло парализовано, а страданіе живетъ, то источникъ этого страданія долженъ быть въ предѣлахъ самого страдающаго духа. Актомъ самопознанія духъ открываетъ зло въ самомъ себѣ и беретъ на себя всю полноту отвѣтственности. Зло есть его *вина*.

IV.

Идея виновнаго духа есть центральный моментъ въ той системѣ идей, которая развертывается въ художественныхъ образахъ Боттичелли. Этой идеей опредѣляется отношеніе его и къ жизни, и къ Богу. Рожденное болѣзненно-мнительной, по глубокой и жестокой совѣстью, неустанно поддерживаемое ею, переживаніе вины вызываетъ тоску по совершенному, абсолютному оправданію и въ то же время создаетъ все новыя помѣхи для его осуществленія. Въ творествѣ Боттичелли раскрывается со всѣмъ обаяніемъ наивнаго глубокомыслія тотъ конфликтъ между совѣстью и Богомъ, въ которомъ сознание неунничтожимости зла запрещаетъ увидѣть Его и потопить въ очевидности Его бытія послѣднее сомнѣніе.

Живая, но не осознанная въ раннихъ твореніяхъ Боттичелли, идея виновности получаетъ полное выраженіе въ его зрѣлыхъ образахъ. Здѣсь раскрываются и общія особенности вины, какъ таковой, и специфическое ея содержаніе.

Та виновность, которую утверждаетъ художественная интуиція Боттичелли, имѣетъ прежде всего характеръ не личный, но *универсальный*; это не вина индивидуальной человѣческой души, но вина духа, проникающаго жизнь человѣка такъ же, какъ жизнь всего міра. Міроощущеніе Боттичелли какъ бы сосредоточено на всеобщемъ, оно метафизично въ самой своей основѣ. Несмотря на обиліе тщательно разработанныхъ деталей, отдѣльные образы его универсальны по своему существу: въ нихъ конкретный міръ вещей предстоить лишь какъ созерцаніе мірового реального, въ которомъ на-ряду съ рационализованными элементами присутствуютъ и иррациональные, смутно постигаемые, какъ міровыя стихіи.

Образы, созданные Боттичелли, говорятъ объ единствѣ духа и міра; они не только утверждаютъ бытіе внѣшняго эмпирическаго міра, которое открылось прозрѣвшему сознанію Возрожденія, они открываютъ въ немъ духовность и сближаютъ судьбу его съ судьбой самопознающаго себя духа. Боттичелли принимаетъ жизнь во всей неисчерпаемости ея эмпирическихъ проявленій. Для него равно важны и дороги и красота нагого тѣла, и праздничныя одежды семьи и друзей Медичи, и тонкіе узоры на женскомъ платѣ, и драгоценныя ожерелья молодыхъ флорентинокъ. Онъ молится у холмовъ Тосканы, у ихъ тонкихъ алтарныхъ вершинъ съ темными острыми кипарисовъ, легко пронзающихъ солнечное небо. Онъ любовно пишетъ цвѣты, не цвѣты вообще, а каждый отдѣльный цвѣтокъ такъ же, какъ любовно поютъ ихъ народныя итальянскія пѣсни и сонеты молодого флорентійскаго герцога; и цвѣты эти никнутъ вмѣстѣ съ склоненной головой Мадонны и мчатся съ нимфами въ вихрѣ весны. Искусство Боттичелли говоритъ „да“ живому міру, но потому, что въ немъ живетъ духъ, и когда этотъ духъ, познавая, открываетъ зло и страдаетъ, то весь міръ неизбежно дѣлитъ его судьбу.

Это субстанціальное единство міра дѣлаетъ невозможной индивидуальную виновность. Духъ, живой въ отдѣльномъ человѣкѣ, есть тотъ же духъ, который живетъ во всемъ человѣчествѣ и во всемъ бытіи. Каждая отдѣльная душа слишкомъ близка другой душѣ для того, чтобы она могла быть праведна тогда, когда эта другая виновна. Бытіе зла вызываетъ къ противодѣйствию, а между тѣмъ, гдѣ тотъ способъ отозваться на него, который не заставилъ бы приобщиться къ злему началу и не создалъ бы новой вины? Когда герой убиваетъ злое, то онъ творитъ зло въ актѣ насилія. Когда мученикъ терпитъ зло, то онъ пи-

таетъ его каждымъ мгновешемъ своего, вызваннаго имъ, страданія. Если же праведный, устранный отъ непосредственнаго участія въ проявленіяхъ зла, видитъ его и любовно сострадаетъ виновному, то самый актъ состраданія, въ которомъ даны и полнота пониманія, и сращенность до отождествленія съ чужою душою, утверждаетъ изначальную общность природы творящаго вину и ей сострадающаго и изначальную доступность ихъ дѣйствию силы злого.

Если вина всеобща, если ее несетъ и невинный, то злая воля не есть необходимое условіе виновности. Искусство Боттичелли говоритъ больше этого: оно утверждаетъ *невольность* вины, какъ таковой. Вина—это именно доступность злему началу, безсиліе передъ высшей силой, передъ *рокомъ*, тяготящимъ надъ внутренно единой жизнью міра.

Каждое проявленіе этой жизни несетъ въ себѣ необходимость, которая воспринимается не какъ внутренняя законѣрность его, но какъ чуждая, какъ бы извнѣ навязанная, непреодолимая власть. Идея рока находитъ у Боттичелли два противоположныхъ, на первый взглядъ исключających другъ друга воплощенія: одно изъ нихъ это—оцѣпенѣлый покой, другое—неудержимое движеніе. Стоящія и особенно сидящія фигуры Мадонны или святыхъ не просто неподвижны, онѣ внутренно скованы. Это дѣлаетъ ихъ тяжелыми, иногда неуклюжими или же покорно пассивными. Въ ихъ покоѣ нѣтъ воли къ покою, нѣтъ свободы и успокоенія, онѣ понижаютъ обезсиленыя. Та же несвобода присуща и большинству движущихся фигуръ Боттичелли: движеніе ихъ лишено внутренняго произвольнаго порыва, это не онѣ идутъ, не онѣ ведутъ хоробы,—ихъ гонитъ, ихъ несетъ безмѣрная сила, а онѣ только отдаются ей. И эта сила та же, что передъ тѣмъ ковала въ нихъ оцѣпенѣлую неподвижность.

Въ идеѣ рока Боттичелли устанавливаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ границы познающаго духа; надъ той сферой, гдѣ этотъ духъ знаетъ и владѣетъ, онъ раскрываетъ другую сферу, невѣдомую, но въ которой скрыта власть править движеніемъ жизни. Такъ расширяло сферу человѣческаго эллинское искусство: сознаніе рока осѣняетъ образы греческихъ боговъ тихой серьезностью скорби. Но духъ грековъ мыслить судьбу, какъ начало, далекое жизни; это—почти абстракція, законъ, который значить, не разрушая самодовлѣющей завершенности бытія, не сковывая свободнаго его хода. Идея рока у Боттичелли имѣетъ другое значеніе. Въ ней утверждается начало, которое чуждо лишь потому, что не опознано, но живетъ оно въ предѣлахъ самого духа, въ темной глубинѣ его. Это—стихи жизни, рожденныя ею самою; затаянныя, онѣ создаютъ оцѣпенѣніе; освобожденныя, онѣ уносятъ въ вихрѣ безумія. И не только міръ ночной души жадно внимаетъ пѣснѣ

хаоса; она звучитъ и въ зримой красотѣ дѣя и покоряетъ его: это—страшная власть безсознательнаго.

Роковая, непреоборимая сила, которая бѣжитъ отъ познанія и стихійно подчиняетъ и топить въ себѣ духъ, дѣлаетъ его вину несчастіемъ, а не преступленіемъ. Онъ въ самой виновности своей является страдающимъ, въ этомъ *страданіи* выражается природа его вины. Если страданіе всегда оказывается показателемъ виновности, то это потому, что сущность его и сущность вины совпадаютъ. „Никогда не страдала невинность, страданіе всегда есть вина“¹⁾.

Таковъ общій характеръ идеи вины у Боттичелли. Но въ чемъ же специфическій смыслъ ея, въ чемъ именно видитъ онъ виновность духа?

Погруженный въ живую субстанцію міра, растворенный въ ней духъ Боттичелли ищетъ вину не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ жизни, но въ самыхъ ея нѣдрахъ, въ самой природѣ ея. Онъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за зло самое жизнь, онъ осуждаетъ самые ея истоки. Зло—это любовь, вина—любовь къ любви. Влюбленный въ міръ Боттичелли казнить его и казнить въ немъ свою любовь. Онъ заставляетъ себя сказать „нѣтъ“ жизни и мститъ этимъ отрицаніемъ за ея власть надъ собой. Эта страдальческая мечь вырастаетъ изъ затаеннаго жизнеутвержденія; она скрываетъ въ себѣ тотъ вдохновенный восторгъ передъ красотой человѣка и міра, которымъ проникнуть духъ Возрожденія.

Осужденіе любви у Боттичелли не есть результатъ приложенія къ ней того или другаго нравственнаго или религіознаго мѣрила, оно не выводъ изъ установленныхъ заранѣ посылокъ. Любовь виновна не потому, что ею нарушается законъ совѣсти или Бога. Такого рода приговоръ предполагаетъ вѣрное знаніе того, что есть добро, что зло, что есть добродѣтель, что порокъ. Такъ могло судить и осуждать средневѣковое сознание, которому было хорошо извѣстно и то, въ чемъ спасеніе души, и то, что тѣло есть врагъ этого спасенія и источникъ всякаго грѣха. Свободное отъ догмы, панпсихически настроенное и метафизически углубленное сознание Боттичелли воспринимаетъ любовь не какъ функцію тѣлеснаго, не какъ влеченіе тѣла къ тѣлу, но какъ міровое начало, какъ стихію жизни, подобную той стихіи, которую въ образѣ Великой Матери чтитъ народы Востока. Эта любовь не можетъ нарушить законъ, потому что она выше, глубже, шире него и поглощаетъ его такъ, какъ поглощаетъ и топить въ себѣ великая безсознательная жизнь маленькую жизнь сознанія. Что любовь есть вина, Боттичелли открылъ въ непосредственномъ жизненномъ опытѣ. Она яви-

¹⁾ Hegels theologische Jugendschriften, herausgegeben von Dr. H. Nohl. Tübingen. 1907. Der Geist des Christenthums und sein Schicksal. S. 284.

лась ему, какъ безуміе души, какъ символъ ея изначальнаго рабства и слабости, какъ боль неудовлетвореннаго томленія. *Любовь есть вина, есть страданіе*—вотъ жизненная интуиція Боттичелли, на основѣ которой его художественный гений соткалъ свой прекрасный міръ.

Въ воспріятіи Боттичелли любовь это—судьба; она есть независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ ея разумный духъ; она приходитъ изъ той темной наполненной пустоты, въ которой когда-то родилось сознание, неблагодарно забывшее и часть своего рожденія, и ту стихію, которая вскормила его. И слѣпая стихія мститъ за это забвеніе; безсильное понять ее и овладѣть ею, судить ее и осудить или оправдать до конца, оно покоряется ей и несетъ вину рабства. Все изживаніе любви становится поэтому запретнымъ дѣланіемъ, тѣмъ внутренне раздвоеннымъ дѣланіемъ раба, который не въ силахъ сокрушить, но смѣетъ искалѣчить. Сознаніе вины не даетъ любви возможность свободно изживаться, претвориться въ активную творческую силу, оно ранитъ ее, обрекаетъ на недостижимость, дѣлаетъ ее кроткимъ страданіемъ.

Осужденіе любви и въ немъ осужденіе жизни вызываетъ у Боттичелли мечту объ отрѣшенности, въ которой духъ долженъ найти свободу отъ жизненной вины и страданія, долженъ найти святость и покой. Эта робкая грустная мечта расцвѣтаетъ въ тихомъ образѣ ангела ¹⁾, окутавшемъ тѣнью міра трагическую судьбу Маріи и Христа и блаженнаго близостью Бога. Религиозное сознаніе, зародившееся въ атмосферѣ осужденія жизни, увидѣло Божество далеко отъ нея и преградило длинный путь къ Нему преградой вины, которая явилась теперь, какъ вина передъ лицомъ Бога, и получила значеніе грѣха.

Это рѣзкое противоположеніе жизни, виновной и страдающей, и Божества разбило религиозное исканіе Боттичелли. Для того чтобы осуществитъ блаженство святости, надо преодолѣть грѣхъ, надо убить его. Но убить грѣхъ—значитъ убить жизнь и ввергнуть духъ въ пустоту, въ ничто, гдѣ нѣтъ ничего и не можетъ быть Бога; Онъ—лучшая блаженная жизнь и не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ никакой жизни. Но пощадить жизнь—значитъ пощадить грѣхъ, обречь эту жизнь на вину и страданіе и въ неискупимости грѣха вновь утратить Бога. Такова дилемма. Она вноситъ въ богоисканіе Боттичелли страдальческую безнадежность.

V.

Мечта о блаженной святости, въ силу противоположности своей реальному грѣховному существованію, должна была сдѣлать болѣе острымъ

¹⁾ См. *Botticelli. La vergine col bambino („Magnificat“)* и *La vergine col Bambino („Melagrana“)*. Firenze. Uffizi. № 1267 bis и № 1289. А также: *Maria mit dem Kinde und singende Knaben*. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum.

и болѣе непереносимымъ страданіе вины. Искусство Боттичелли являетъ въ себѣ непрерывную *борьбу съ грѣхомъ*, беспощадное гоненіе на зло жизни. Формы этой борьбы опредѣляются той первоначальной интуиціей, въ которой Боттичелли воспринимаетъ любовь, какъ вину и страданіе. Сознать вину и казнить ее есть уже путь къ ея преодолѣнію. Страдать за грѣхъ—значитъ искупать его. Въ раннихъ образахъ Боттичелли духъ, не осознавшій еще до конца свою причастность къ началу зла, противопоставляетъ своему врагу активную силу и пассивное страданіе. Обѣ эти формы реакціи возрождаются и въ борьбѣ духа со своимъ грѣхомъ. Но теперь онъ въ самомъ себѣ видитъ врага и на самого себя обращаетъ свою активную силу; въ неустанномъ *самообвиненіи* и самоказни онъ хочетъ истребить, искоренить самый источникъ грѣха. Походъ противъ тиранической власти ассирійскаго вождя превращается въ походъ противъ тиранической власти *инстинкта*; освободительный подвигъ Юдионъ смѣняется *аскетическимъ* подвигомъ Іоанна Крестителя. Точно такъ же въ страданіи къ моменту кроткаго непротивленія злу присоединяется моментъ *изживанія вины*, и идея мученичества претворяется въ идею *искупленія міра страданіемъ*, въ идею обреченнаго на смерть Христа.

Аскетическая идея, воплощенная въ искусствѣ Боттичелли, несмотря на видимую близость свою къ религіозному умонастроенію средневѣкового сознанія, имѣетъ уже новое содержаніе.

Духовный подвигъ аскезы, получившій такое большое значеніе въ практикѣ христіанской церкви, основанъ на рѣшительномъ различеніи между жизнью и судьбой эмпирическаго міра и жизнью и судьбой духа. Уродливость самоистязанія получаетъ оправданіе и смыслъ именно въ виду своей конечной цѣли: сдѣлать безразличной для духа преходящую радость общенія съ внѣшнимъ чувственнымъ міромъ и болѣе интенсивной непреходящую радость общенія съ Богомъ; убить тѣло для того, чтобы въ немъ ярче горѣлъ духъ. Сила аскезы лежитъ не въ отрицательной, но именно въ этой послѣдней положительной функціи его; парализуя всякое жизнеутвержденіе, проистекающее изъ интересовъ чувственнаго бытія, онъ не вноситъ въ жизнь никакого лишенія: вѣдь отрицаемое само по себѣ не имѣетъ цѣны, оно лишь препятствіе для осуществленія другой жизни, которая открывается или въ созерцаніи, или въ экстазѣ и есть самая подлинная и лучшая жизнь. Иными словами, аскезъ силенъ своимъ жизнеутвержденіемъ.

Новое сознаніе, смѣнившее это раздвоенное сознаніе среднихъ вѣковъ, связало воедино духъ и чувственное бытіе. Оно ощутило тождество духа и матеріи и противопоставило такимъ образомъ дуалистическому міропониманію строго монистическое. Это ощущеніе тождества не исключаетъ различія между духовнымъ и тѣлеснымъ, по объединя-

есть ихъ въ чемъ-то третьемъ, высшемъ, по отношенію къ которому они являются только формой его жизни. Оно подобно тому единству людей въ Богѣ, о которомъ возвѣстило христіанское учене и которое хотѣла осуществить ранняя христіанская община. Возрожденіе умѣло открыть Бога въ красотѣ матеріи и черезъ красоту приобщить ее духу. Рожденство духа и матеріи есть единство ихъ въ Богѣ, котораго *увидѣли* въ буквальномъ смыслѣ этого слова широко открытые глаза человека и которымъ исполнилась его художественная интуиція. Нѣтъ и не можетъ быть двухъ исключających одна другую жизней, двухъ радостей, нѣтъ и не можетъ быть чисто духовной жизни; лучшая высшая жизнь, гдѣ бы и когда бы она ни осуществлялась, есть неизбѣжно и духъ и матерія, т.-е. есть одна полная прекрасная жизнь. На какую бы живую часть ея ни обращалось аскетическое отрицаніе, оно ранитъ ее всю во всемъ ея цѣлостномъ единствѣ, оно становится *абсолютнымъ жизнестрижаніемъ*; это—реальная невозможность и логическій абсурдъ.

Духъ Боттичелли долженъ былъ трагически пережить эту невозможность. Когда онъ увидѣлъ зло и въ этомъ злѣ вину духа, онъ возложилъ отвѣтственность за нее на всю жизнь, какъ таковую, и уже этимъ однимъ сдѣлалъ невозможнымъ искорененіе грѣха частичнымъ отрицаніемъ жизни, т.-е. аскетическимъ усиленіемъ. Примѣненіе его именно въ силу своей безнадежности довело до крайняго напряженія его отрицательную функцію: ожесточенность борьбы увеличилась до крайнихъ предѣловъ. Въ аскезѣ Боттичелли, вслѣдствіе остроты ощущенія огромности и безобразія грѣха, воздержаніе получаетъ значеніе и силу наказанія. То рѣшительное вліяніе, которое оказала на художественное дѣло Боттичелли проповѣдь Савонаролы, питалось этой ненасытностью самоосужденія. Рѣзкій голосъ доминиканца, взывавшій къ покаянію, не только обличалъ грѣхъ, но заставлялъ испытывать его, какъ нѣчто безобразно чудовищное, и художникъ подъ темными сводами Santa Maria del Fiore находилъ себѣ союзника, сильнѣйшаго, чѣмъ былъ онъ самъ.

Это наказующее жизнестрижаніе, которое ждало оправданія въ осуществленіи мечты о высшей праведности духа, угашало эту мечту. Казнь, направленная противъ чувственнаго бытія, оказалась казнью духа, живого въ проявленіяхъ этого бытія, отождествленнаго съ нимъ. *Угасаніе тѣла стало угасаніемъ духа*. Въ Иоаннѣ Крестителѣ Боттичелли утверждаетъ духовную смерть, какъ результатъ аскетическаго подвига.

Боттичелли придавъ Иоанну ¹⁾ черты Олоферна, тѣ черты, въ которыхъ онъ видѣлъ жизненное зло. Духъ знаетъ это зло, какъ свой

¹⁾ *Botticelli*. „Maria mit dem Kinde und den beiden Johannes“. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum. № 106.

грѣхъ, и изступленно преслѣдуетъ и казнить его. Самоистязаніе Іоанна доведено до крайнихъ предѣловъ ¹⁾: его изнуренное тѣло недвижно и мертво, оно высохло и потемнѣло такъ, какъ темнѣетъ давній, сбереженный временемъ, трупъ. Но, убивая тѣло, Боттичелли убиваетъ и жизнь. Изъ глазъ Крестителя смотритъ эта раненая угасающая жизнь, подавленная тишиной душевной пустыни, смотритъ ужасъ передъ небытіемъ. Еще одно усиліе—и духъ становится трупомъ, совершается актъ духовнаго самоубійства, въ смерти тѣла раскрывается полное отсутствіе жизни, расцвѣтаетъ *ничто*.

Въ этомъ приближеніи къ небытію религиозный порывъ Боттичелли умираетъ, не завершенный побѣдой. Аскезъ—это цѣна святости, это путь къ Божественному откровенію. Іоаннъ теряетъ себя ради другого Грядущаго: „меня нѣтъ, но есть Онъ“, говоритъ движеніе его протянутой руки. Умереть для того, чтобы видѣть, въ смерти узнать Бога... Напряженность религиознаго исканія достигаетъ здѣсь одного изъ своихъ предѣловъ. И за этимъ предѣломъ не Онъ, но бѣдное маленькое дитя на колѣняхъ грустной матери, торжественная пышная обстановка и спокойные, чинные святые—пустое благолѣпіе внѣшнихъ церковныхъ формъ. На фонѣ ихъ образъ Іоанна есть потрясающій символъ религиозной безнадежности, выражение недостижимости при полной исчерпанности ищущаго духа.

VI.

Осужденіе и казнь вины не приводитъ къ святости. Для того чтобы найти выходъ изъ позора безсилія передъ зломъ, духъ долженъ принять на себя всю тяжесть виновнаго страданія и въ этомъ страданіи искупить вину міра.

Въ идеѣ искупленія Боттичелли вновь касается христіанской идеологии, сложившейся въ Средніе вѣка. Мысль о спасеніи міра страданіемъ невиннаго, страданіемъ Бога явилась ему въ найденномъ уже для нея образѣ обреченнаго на смерть младенца на рукахъ страдающей, но покорной Мадонны. Онъ принялъ, однако, въ этой мысли только общую основу ея—идею объ искупающей силѣ страданія—и создалъ на этой основѣ свою концепцію Христа, въ существѣ своемъ отличную отъ концепціи христіанскаго догмата.

Идея искупленія развивается, какъ духовное преодоленіе грѣховности міра, который, несмотря на эту грѣховность, долженъ быть спасенъ. Зло рассматривается при этомъ, какъ такая сила жизни, которая необходимо, органически связана съ нею и поэтому не можетъ быть

¹⁾ *Botticelli*. „La vergine col Figlio e santi“. Firenze. Accademia di Belle Arti. № 85.

устранена изъ нея, но должна быть изжита и въ этомъ изживаніи претворена въ иное, противоположное ей и отрицающее ее начало. Средствомъ для такого творческаго преодоленія зла и является страданіе. Съ одной стороны, страданіе есть слѣдствіе зла и постольку—одна изъ формъ участія въ немъ. Съ другой стороны, оно даетъ то знаніе злого начала, ту мудрость въ немъ, которая необходима для власти надъ нимъ и для его преодоленія. Въ страданіи того, кто совершаетъ зло, гасаетъ самая злая воля его, познавшая себя въ результатъ своего хотѣнія; въ страданіи пострадавшаго отъ чужой злой воли умираетъ тотъ протестъ противъ зла, въ которомъ утверждается его бытіе и его сила.

Страданіе грѣшнаго міра не можетъ, однако, само по себѣ спасти его; если въ этомъ страданіи можетъ умереть зло отдѣльныхъ дѣяній, то злая воля, какъ изначальное несовершенство природы человѣка, все же остается неискоренимой, а вмѣстѣ съ нею сохраняется и возможность новыхъ проявленій зла. Въ силѣ этой злой воли—слабость человѣка, которая дѣлаетъ необходимымъ участие въ дѣлѣ спасенія абсолютно чуждаго грѣху Божественнаго начала. Богъ преодолеваетъ грѣхъ міра, приобщаясь ему въ формѣ абсолютно невиннаго страданія: искупающая сила этого страданія можетъ быть направлена исключительно на зло въ человѣкѣ, потому что невинно страдающій не имѣетъ грѣха; безмѣрность, безграничность божественнаго страданія даетъ возможность искупить вину всего міра. Но, сливаясь съ міромъ въ страданіи и участвуя въ его злѣ, Богъ остается Богомъ и приобщаетъ міръ божественной благодати. Изъ этого неисчерпаемаго источника блага и радости прощенный, но опустошенный смертью Бога міръ приемлетъ новую жизнь.

Мироощущеніе Боттичелли заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, необходимые для признанія идеи спасенія силою искупающаго грѣхъ страданія, но оно чуждо идеѣ невинности въ страданіи, а, слѣдовательно, и Божественности его. Для сознанія, которое увидѣло абсолютный духъ въ человѣкѣ и природѣ, которое искало Бога не внѣ міра, но въ немъ самомъ,—искупленіе не могло быть даромъ Божества, но *творческимъ актомъ* самого грѣшника, не могло быть дано страданіемъ невиннаго за виновныхъ, но осуществлено страданіемъ *виновнаго* за самого себя. Зло для Боттичелли есть одна изъ основныхъ субстанціальныхъ основъ міра, въ предѣлахъ этого міра не можетъ быть невиннаго страданія, и искупленіе можетъ быть достигнуто лишь *виновнымъ страданіемъ* самой субстанции жизни. Христіанская идея искупленія падаетъ такимъ образомъ сама собой. Но Боттичелли не отказывается отъ нея до конца. Онъ утверждаетъ вину міра и вопреки ей ищетъ въ немъ Божество. Идея искупленія претворяется въ его искусствѣ въ безумную и незна-

дежную идею спасенія міра черезъ искупленіе грѣха *страданіемъ виновнаго Бога.*

Образы Христа и Марии-матери, созданные Боттичелли, утверждаютъ *неискупимость вины*, которая неизбежно погашаетъ вѣру въ божественную природу міра. Ею Мадонна, подобно многимъ другимъ воплощеніямъ Божіей Матери въ христіанскомъ искусствѣ, является символомъ материнской любви, жертвенно сжигаемой во исполненіе непреложной воли; въ ней утверждается святость смиренія. Но та любовь, которая, страдая, отдаетъ себя ради спасенія міра, есть въ міроощущеніи Боттичелли не только одно изъ проявленій жизни, но сама жизнь,—раненая, но не убитая. Боттичелли раскрываетъ въ материнствѣ основную стихію жизни, тотъ міровой Эросъ, въ которомъ живутъ и Мадонна и Афродита. Не только внѣшнія черты, но весь духовный обликъ Марии получаетъ непреодолимое сходство съ тѣмъ образомъ, въ которомъ Боттичелли видѣлъ стихію страсти и въ которомъ не одинъ разъ воплощала ее, и эта страсть страдаетъ, не умирая, въ горѣ матери Христа. Вина любви, изначальная и неустраняемая вина жизни не можетъ быть изжита, потому что вмѣстѣ съ нею гибнетъ жизнь. И когда въ „Magnificat“ ¹⁾ скорбный духъ Мадонны, преодолевая боль, ищетъ въ своей судьбѣ источникъ новой жизни, когда, просвѣтленный, онъ преклоняется передъ тайной грядущаго спасенія и славить Бога—на строгое лицо Марии ложится тѣнь безрадостной *пустоты*, а образъ маленькаго Христа утверждаетъ во всей ея силѣ тоску не оправданнаго исканія.

Христось Боттичелли въ виновномъ страданіи утрачиваетъ свою божественную природу и становится богоискателемъ. Онъ является всегда, какъ символъ обреченности на страданіе и смерть. Передъ лицомъ смерти онъ—побѣжденный; ея атрибуты—распятіе, гвозди, терновый вѣнецъ—непрестанно указываютъ ему на ея неизбежность. Страданіе владѣетъ имъ и въ немъ владѣетъ имъ зло: черты его лица, положенія или движенія его тѣла несчастны до конца; и когда Мать его, преодоливъ свою материнскую любовь въ служеніи Богу, смиренно хвалитъ Его, глаза Иисуса тоскливо и безнадежно ищутъ и не видятъ Его въ далекомъ небѣ.

Христось, въ которомъ жизнь, отдавшаяся порыву искупленія, надламываетъ себя судорогой боли, исходитъ въ смиренномъ пріятіи смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ неизмѣнно сущее въ себѣ божественное начало—этотъ Христось, это несчастное дитя не спасаетъ міра. Въ немъ скрытъ приговоръ жалкой невинной и все же виновно-страдающей жизни, пронизанной неискупимымъ грѣхомъ, обезсиливающимъ живого въ ней Бога. Въ немъ торжествуетъ зло, страданіе и безнадежность.

Въ маленькой флорентійской церкви Ognissanti, гдѣ въ семейной

¹⁾ *Botticelli. „La vergine col bambino“.* Firenze. Uffizi. № 1267 bis.

гробницѣ похороненъ Боттичелли, есть фреска, имѣ написанная, изображающая блаженнаго Августина. Сѣдой старикъ, мудрый жизнью и самопознаніемъ, искушенный творческой научной работой, приведенъ къ послѣднимъ ступенямъ познания, туда, гдѣ рождается порывъ къ послѣднему откровенію. Сильный всеобъемлющій духъ въ смиреніи недостойнаго раба цѣлостно, напряженно страдальчески отдается экзистенциальной устремленности въ непостижимое. Онъ молитъ открыть ему послѣднее тайное; онъ ждетъ отвѣта на послѣдній вопросъ, онъ вѣритъ и не вѣритъ въ возможность отвѣта.

Это—судьба Боттичелли.

VII.

Жизненная драма Боттичелли разворачивается изъ субстанціальной *раздвоенности* его духа, который мятется между святою жизнью въ Богѣ и грѣшною жизнью на землѣ. Эта раздвоенность должна стать непреодолимой, если именно съ грѣшной формой человѣческаго бытія оказываются связанными и интенсивность жизнеощущенія, и радость, и красота, если ее проникаетъ и облагораживаетъ пагосъ познания. Праведность, рѣзко противопологающая себя земной жизни, рѣшительно отрицаетъ все ея проявленія и въ результатѣ этого сама оскудѣваетъ, превращается въ пустую формальную идею, утверждение которой означаетъ духовную смерть. Въ моментъ такого глубокаго антагонизма между омертвѣвшимъ нравственно-религіознымъ постулатомъ и свободнымъ потокомъ жизни, эта освобожденная жизнь вноситъ свой коррективъ въ святые мечты грѣшника; она подсказываетъ ему новый идеаль святости, которая исходитъ изъ утверждения жизни, вырастаетъ изъ нея самой, сильна ея силой. Такъ открывается *новый путь* къ спасенію, прямой, но труднѣйшій. На этомъ пути нѣтъ насилия надъ зломъ, нѣтъ и не искупающаго его страданія; на немъ подрывается самое убѣжденіе въ изначальной необходимости злого начала; и не только это: возникаетъ сомнѣніе въ самомъ существованіи его, въ подлинномъ его бытіи. Не родится ли зло только въ самый моментъ его признанія, не крѣпнетъ ли оно отъ настойчивости осужденія, не костенѣетъ ли, не теряетъ ли оно способность измѣняться,—а, слѣдовательно, и возможность претвориться въ иное,—подъ гнетомъ безпощаднаго моральнаго приговора? Жизнь должна быть освобождена изъ плѣна осужденія, должна быть поставлена выше добра и зла. Пусть виновна она, но пусть свободно изживаетъ она свою вину и она сожжетъ ее въ пламени своего горѣнія. Зло открываетъ въ себѣ свою благую сущность и преобразится въ добро, тѣло—носитель грѣха,—увлеченное огненнымъ потокомъ жизни, преодолеетъ свою тѣлесность и утончится до нематеріальности огня. Живъ и подлиннъ

одинъ духъ; виновная страдающая жизнь откроетъ его въ самыхъ нѣдрахъ своихъ и, преисполненная имъ, узнаетъ полную святую радость.

Таково послѣднее упованіе Боттичелли. Движимый имъ, его духъ самозабвенно отдается жизни и погружается въ живую ея тайну. Она открывается ему въ образахъ древнихъ эллипскихъ боговъ, въ которыхъ новое сознаніе, познавшее и силу грѣха, и безнадежность борьбы, и ужасъ наказанія, хочетъ видѣть символы легкаго полного жизнелюбія.

Но если тягость разрыва между отдѣльными потенціями духа дѣлаетъ особенно необходимымъ, особенно желаннымъ примиреніе враждующихъ началъ, то рѣшительность ихъ противоположенія, сопровождаемая деградацией иррациональныхъ движеній души, несетъ въ себѣ серьезную преграду для его осуществленія. Примиреніе оказывается возможнымъ лишь въ результатѣ одухотворенія тѣла, которому надлежитъ, такимъ образомъ, претерпѣть полное преобразование для того, чтобы стать достойнымъ участникомъ цѣлостной оправданной жизни. Трудность этой задачи, обусловленная у Боттичелли упорнымъ недоверіемъ къ могущественнымъ и непросвѣтленнымъ элементамъ существованія, непрестаннымъ осужденіемъ ихъ, ведетъ къ тому, что онъ нерѣшительно, почти принужденно слѣдуетъ зову воскресшей въ немъ свободной жизни. Вотъ почему въ его новыхъ видѣніяхъ нѣтъ полного достиженія, они проникнуты лишь робкимъ и тоскующимъ предчувствіемъ его. Ихъ красота есть красота мечты, рожденной душевнымъ надрывомъ; она всегда безнадежно трагична.

Мифологическіе образы Боттичелли принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ образовъ искусства, въ которыхъ чисто-эстетическая задача чувственного воплощенія срастается съ духовной проблемой, въ нихъ поставленной, въ одно цѣлое. Результатомъ этого является то, что художественная сторона картины получаетъ полную свободу развитія, становится какъ бы самоцѣлью и вмѣстѣ съ тѣмъ вся она, взятая во всемъ объемѣ, и каждый ея элементъ въ самомъ подчиненіи своемъ автономной эстетической законмѣрности, оказываются полными духовнаго значенія. Здѣсь нѣтъ разрыва между формой выраженія и тѣмъ, что хочетъ быть выраженнымъ, въ нихъ нѣтъ слѣдовъ искаженія формы, какъ средства воплощенія: открывшееся художнику, духомъ увидѣнное имъ, открылось ему уже облеченнымъ въ чувственную оболочку, и исканіе эстетическихъ образовъ преобразилось въ постепенное раскрытіе и выявленіе самого полученнаго имъ откровенія.

Въ разсматриваемой группѣ картинъ получили особенно яркое выраженіе всѣ тѣ особенности художника, которыя въ своей совокупности образуютъ его стиль. Самымъ характернымъ моментомъ стиля Боттичелли является то исключительно интенсивное эстетическое бытіе, ко-

торымъ живетъ въ его картинахъ линия. Она не только даетъ подчеркнута рѣзкій контуръ фигурамъ и вещамъ, но творитъ и самую пластичность формы,—то, что при другой манерѣ рисовать достигается мягкими переходами свѣта и тѣни. Линія доминируетъ надъ всѣми другими формами воплощенія: композиціонный замыселъ какъ бы имѣетъ своей задачей оттѣнить повышенную жизнь линіи; краски смягчаются, свѣтлѣютъ и подчиняются власти рисунка.

Слѣдуя трудно опредѣлимымъ законамъ красоты, линія оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ носительницей психической или психокосмической силы; въ ней таится, играетъ, кипитъ сложная стихійная жизнь. Боттичелли не дѣлаетъ лицо или глаза исключительнымъ средоточіемъ духовнаго начала, онъ разливаетъ его по всему тѣлу, наполняетъ имъ каждое его движеніе, каждую прядь волосъ, каждую складку одежды. Оно вездѣ, гдѣ есть свободная игра линій, даже тамъ, гдѣ онѣ, маленькія и капризныя, ткутъ паутинные узоры украшеній.

Самая форма линіи и творямаго ею рисунка у Боттичелли слагается въ взаимодѣйствіемъ двухъ противоположныхъ силъ: одна изъ нихъ—сила легкаго, но стремительнаго, самого по себѣ неудержимаго и вполнѣ пассивнаго движенія; другая—направленная навстрѣчу первой, задерживающая сила, которая надламываетъ ее, не уменьшая ея стремительности. Угловатый изломъ, ярко выраженный какъ въ деталяхъ рисунка,—въ движеніи руки, въ наклонѣ головы, въ формахъ падающихъ цвѣтовъ,—такъ и въ общей концепціи человѣческаго образа, и составляетъ индивидуальную особенность Боттичелли, въ которой раскрывается глубинный слой его общаго міроощущенія. Для Боттичелли жизнь есть власть ирраціональныхъ стихійныхъ началъ, несокрушимыхъ, но удерживаемыхъ преградой запрета. Этотъ запретъ, посланный нравственнымъ сознаниемъ въ бессознательное, несетъ съ собою осужденіе и, безсильный измѣнить неизмѣнное, претворяется въ страдальческое пріятіе неискупимой вины.

VIII.

Основные особенности жизнеощущенія Боттичелли отразились съ особенной силой и полнотой въ созданномъ имъ образѣ Минервы, усмирившей Кентавра. ¹⁾ Въ сонмѣ эллинскихъ боговъ художникъ увидѣлъ прежде всего дѣвственную Аѳину, какъ символъ чистой творческой духовности, полярно противостоящей грубому плотскому началу. Минерва Боттичелли есть прежде всего носитель духа, сильнаго лишь своей ясностью, своей нѣжной отрѣшенной красотой. Она легка до невѣсомости

¹⁾ *Botticelli. „Pallade“.* Firenze. Palazzo Pitti.

и то, что относится къ матеріальному ея воплощенію, какъ бы подчинено ея духовной природѣ. Копье и щитъ — атрибуты воинственной дочери Зевса—низведены до внѣшнихъ знаковъ побѣдной силы духовнаго подвига. Она женственно пассивна и лишь легкимъ движеніемъ руки удерживаетъ Кентавра; ее облачаютъ легкія одежды, въ которыхъ красный цвѣтъ претворенъ въ дымчато-лиловый, оттѣненный затемненно-зеленымъ, подобнымъ цвѣту кипариса, цѣломудренно хранящаго свою тайну.

И рядомъ съ ней Кентавръ, взъерошенный, недовольный, но безсильный, едва дерзающій молить о пощадѣ. Боттичелли доводитъ здѣсь различіе духа и тѣла, добра и зла до крайнихъ предѣловъ. Онъ надѣляетъ высшую духовность всею полнотой жизненности съ ея побѣдной силой и ея мудрой красотой, низводя злое начало до состоянія удрученной, безобразно безпомощной полуживотности. Онъ какъ бы переливаетъ въ прекрасное чистаго духа всю жизненную энергію зла для того, чтобы затѣмъ отринуть его, не убивая, не разрушая цѣлостности жизни, не нанося ей смертельныхъ ранъ.

Боттичелли на своемъ новомъ жизнеутверждающемъ пути не хочетъ отказаться отъ безпощадно казнящаго аскеза, и черты обузданнаго Кентавра принимаютъ обликъ Іоанна Крестителя. Правда, теперь спасенъ духъ, который какъ бы оторванъ отъ казнамаго и уже не раздѣляетъ его судьбу. Но этотъ духъ роковымъ образомъ связанъ съ побѣжденнымъ началомъ. Кентавръ побѣжденъ, но онъ здѣсь рядомъ съ Минервой, она должна держать его, вести за собою. И не только это. Отринутое начало какъ бы органически входитъ въ цѣлое жизни, какъ будто жизнь въ самой полнотѣ духовности не цѣльна безъ начала зла. Безобразный Кентавръ не только не нарушаетъ общей красоты видѣнія Боттичелли, но становится необходимымъ моментомъ ея, и его грубыя формы, его всклокоченная коричневая шерсть сливаются съ нѣжными линиями и тонами одеждъ Минервы въ одну линейно-цвѣтовую гармонію. Въ откровеніи, создавшемъ „Минерву“, Боттичелли узналъ, что и въ самой *разорванности* своей жизнь прекрасна и *едина*, что она совершенна въ самомъ изначальномъ несовершенствѣ своемъ. И отдавшись этому откровенію, Боттичелли снялъ на мигъ гнетъ осужденія съ темнаго стихійнаго начала духа и на мигъ повѣрилъ въ возможность полной примиренности и радости достиженія.

IX.

Когда человѣческій духъ ищетъ въ дарованномъ ему мірѣ хотя бы одно подлинно-праведное, подлинно-благое мгновеніе жизни, то первую боль несетъ ему сознаніе, что *нѣтъ* такого мгновенія и не можетъ быть.

если гдѣ-нибудь и когда-нибудь, раньше или послѣ, совершалось или совершится злое. Нѣтъ такой минуты, которая не несла бы въ себѣ всю полноту жизни другихъ минутъ и не отвѣчала бы за ихъ грѣховность всей полнотой своей праведности. Но еще большее страданіе, больший ужасъ охватываетъ этотъ духъ въ его исканіи тогда, когда онъ вдругъ открываетъ, что то самое зло—да еще самое безобразное, самое несомнѣнное,—въ которомъ онъ видѣлъ неустранимую помѣху для торжествующаго бытія добра,—что это самое зло какими-то таинственными нитями близости связано съ добромъ, что не только полнота доброй жизни не осуществима безъ него, но невозможна и самая благодать и красота ея. Тогда надаютъ всѣ исканія, тогда разрушаются и выбрасываются за негодностью всѣ критеріи, всѣ лѣса оцѣнокъ, на которыхъ утверждался благородный духъ, строившій добрую жизнь. Тогда міръ теряетъ свой привычный образъ, все мѣшается въ немъ, и открывается хаосъ; духъ долженъ отказаться отъ всего прежняго себя и уйти въ него, въ это новое, непосредственное, самозабвенное приобщеніе жизни.

Когда исканіе Боттичелли достигло этого рокового мгновенія, когда въ самомъ послѣднемъ героическомъ усилии своей разумной доброй воли, онъ позналъ слабость и ненужность его, тогда ему открылась *любовь*, какъ свободное стихійно-царственное начало міра, которое по самой природѣ своей не осуждаетъ и не полагаетъ непреходимыхъ границъ, и силою объединенія, скрытою въ немъ, преодолеваетъ непримиримое. Онъ принялъ эту любовь, но въ новое видѣніе свое перенесъ безсильную тоску, отзвукъ былого крушенія.

Робко-цѣломудренному и универсальному духу Боттичелли любовь явилась, какъ общее безличное начало, какъ *стихія весны*.¹⁾ Венера, помѣщенная художникомъ въ качествѣ божественной повелительницы возрожденной жизни въ самомъ центрѣ картины, не имѣетъ опредѣляющаго значенія въ ней. Она сама еще не любовь, она какъ бы только позволяетъ любить и весь ея кроткій образъ проникнуть тѣмъ просвѣтленнымъ покоемъ, который наполняетъ жизнь Мадонны. Боттичелли какъ бы не рѣшается дать любви образъ женщины и слышитъ въ ней общую пѣсню природы: это—хороводы солнечныхъ лучей, бурный, ласкающій вѣтеръ, цвѣты и плоды, это—легкій ускоренный ритмъ жизни. Люди и природа здѣсь одно: проявленіе единой космической жизни, возрождающейся въ обреченности на любовь. И отдѣльныя группы въ общемъ шествіи весны выражаютъ лишь отдѣльныя стороны этой подлинно реальной, непосредственно воспринимаемой весенней тайны.

Весна для Боттичелли есть весна *духа*. Именно здѣсь, въ этихъ образахъ нимфъ, движимыхъ волною эроса, въ этомъ нѣжномъ, утончен-

¹⁾ *Botticelli. „La Primavera“.* Firenze. Accademia di Belle Arti. № 80.

номъ женскомъ тѣлѣ, впервые открывающемся изъ-за прозрачной дымки туникъ, художникъ утверждаетъ духовность жизни. Пространственное бытие тѣла цѣлостно подчиняется временному бытію и въ непрерывности ритмическаго движенія какъ бы растворяется, анулируется самая матеріальность, самая косность его. Хороводъ грацій—это дыханіе и пѣсня весны. Изломанная линия то вздымающихся, то опускаемыхъ сплетенныхъ рукъ, объединяющая три движущіяся фигуры является какъ бы пластическимъ выраженіемъ самой мелодіи этой пѣсни, расцвѣтающей на гармоническихъ, покорныхъ ритму аккордахъ.

Бесна—не радость жизни, но раненость ея, *раненость* духа. Въ ней духъ отдается стремленію къ чему-то недостижимому, онъ обреченъ на неутолимую жажду. Красота весны есть красота неудовлетворенности: развѣ не увядаетъ цвѣтокъ съ того мгновенія, когда ему уже нечего больше желать? Тоскою недостижимости и въ любви живетъ духъ Боттичелли; отсюда эта неустанность замкнутаго въ себѣ круговаго движенія, одиночество и покинутость въ немъ.

Въ танцѣ нимфъ, раненыхъ зажженной стрѣлой незрячаго Эроса, духъ Боттичелли принимаетъ любовь, какъ новую *судьбу* свою. Онъ становится такимъ образомъ въ новое отношеніе къ жизни, но и въ немъ жизнь является ему страдающей и невинно-виновной. Здѣсь обнаруживается съ особенной силой, что безнадежная скорбность, свойственная всѣмъ творческимъ проявленіямъ художника, остается внѣ зависимости отъ того, къ какому полюсу жизни направляется онъ въ своемъ исканіи спасенія. И въ аскетическомъ отрицаніи и въ эротическомъ пріятіи жизни сохраняетъ все значеніе конфликтъ между силами природы, силами инстинкта и задачами и тенденціями разума и разумной воли. Самая идея вины рождается, какъ симптомъ этого изначальнаго антагонизма. Въ ней суммируется состояніе духа, въ которомъ высшее разумное начало судить и осуждаетъ, но не можетъ сломить непокорство ирраціональной стихіи.

Пробужденіе весны смягчаетъ, однако, рѣзкость конфликта. Самая возможность этого пробужденія обусловлена тѣмъ, что разумъ отказывается осуждать до конца, и освобождая тѣмъ природу изъ давящаго ее плѣна, давая ей возможность жить и изживать себя, онъ уменьшаетъ тѣмъ самымъ силу ея враждебнаго сопротивленія.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ силы конфликта, начинаетъ ослабѣвать и гнетъ вины. Боттичелли, какъ бы изживая до конца новую судьбу, явившуюся ему въ приобщеніи къ хаосу, открываетъ въ ней возможность какого-то новаго, неизвѣданнаго до тѣхъ поръ, *взаимодѣйствія* враждебныхъ началъ, ихъ, убивающаго скорбь, примиренія. Онъ сбрасываетъ на одинъ мигъ всѣ цѣпи, сдерживающія игру стихіи: испуганная внезапностью весенняго вихря, который въ полетѣ гнетъ самое

стволы деревьевъ, робкая Флора не сопротивляется больше и увлекается его порывомъ. Весь образъ убѣгающей, преслѣдуемой Зефиромъ, нимфы проникнуть особенной *легкостью* изживанія, чуждой той скорбной надломленности обреченнаго духа, въ которой граци ведутъ свой вѣчный хороводъ. И эта пассивная робкая легкость превращается въ слѣдующее идейное мгновение въ *свободный* смѣлый бѣгъ разсыпающей розы Весны. Въ этомъ новомъ образѣ видѣнія Боттичелли духъ, самозабвенно погружаясь въ хаосъ бытія, въ отождествленіи съ нимъ осознаетъ себя вновь, обогащенный новымъ знаніемъ. Весна бѣжитъ, пьяная жизнью; она уже не отдается никакой внѣшней силѣ, потому что сила въ ней самой; она свободна и неудержна: растрепанныя космы волосъ падаютъ на ея лицо, глаза смотрятъ изъ глубины въ глубину мимо видимаго міра, ея ротъ полуоткрытъ. Но и въ этой оргіи развязанной весенней стихіи правитъ сдерживающая сила духа. Движеніе Весны при всей стремительности своей не чуждо сдержаннаго напряженія. Духъ Боттичелли, забывая себя въ опьяняющемъ туманѣ бессознательнаго, какъ бы спѣшитъ вернуться къ себѣ и обрѣсти въ опытѣ неразумія новую силу самоутвержденія; онъ не дерзаетъ за послѣдній предѣлъ. Нимфѣ весны чуждъ самосжигающій экстазъ античной Менады, и слабая улыбка ея полуоткрытыхъ губъ таитъ лишь предчувствіе той блаженной мудрости, изъ глубины которой улыбнулся наивному міру вѣдающій гений Леонардо.

X.

Весенній сонъ Боттичелли открылъ ему возможность увидѣть въ игрѣ непросвѣтленной, пугающей робкое сознаніе, стихіи ту духовную радость, которая бѣжала отъ его религіозной мечты. Слѣдуя за нею на пути все большаго жизнеутвержденія, онъ дерзнулъ на послѣднее полное *оправданіе жизни*. „Рожденіе Венеры“¹⁾ создано у предѣла этого свѣтлаго пути. Въ немъ торжествуетъ свободу любовь, преодолевающая въ себѣ зло грѣха, въ немъ открывается *святость страсти*.

„Рожденіемъ Венеры“ Боттичелли впервые утверждаетъ любовь, какъ непреодолимо могущественное царственное начало жизни. Міровой Эросъ является ему здѣсь уже не той бессознательной и безформенной стихіей природы, которая пробуждаетъ ее весной; онъ индивидуализируется въ осознанную страсть человѣка, наполняющую его разумный духъ. Въ образѣ Венеры Ураніи, рожденной изъ пѣны волнъ, сосредоточивается все духовное значеніе новаго видѣнія Боттичелли. Природа,

¹⁾ *Botticelli*. „Nascita di Venere“. Firenze. Uffizi. № 39.

окружающая богиню, не живетъ въ себѣ и для себя, какъ то было въ пѣснѣ „Весны“. Играющее море, разсыпанные вихремъ цвѣты, крылатый вѣтеръ, подгоняющій раковину богини, и Весна, готовая принять ее подъ зеленый шатеръ и окутать цвѣтущимъ покровомъ — все объединено въ одномъ созвучномъ откликѣ на ея солнечное явленіе, въ проникновенно серьезномъ служеніи ей.

Самый образъ Венеры раскрываетъ женственное начало любви, оправданное смиреніемъ Мадонны и одухотворенное сдерживающей силой аскетическаго сознанія. Боттичелли удается здѣсь создать *творческий синтезъ* изъ тѣхъ элементовъ бытія, утверждение которыхъ въ ихъ самодовлѣющей враждебности одинъ другому угашало въ немъ и самую жизнь, и надежду на спасеніе. Каждое изъ этихъ какъ будто до конца противоположныхъ началъ, нисколько не поступаясь своей самобытной силой, открываетъ свою изначальную близость другимъ, проникаетъ ихъ и сливается съ ними въ одно органическое единство.

Въ Венерѣ все—и свѣтлые бездонно-пустые глаза, и тонкое изогнутое нагое тѣло, и длинные золотые волосы, развитые по вѣтру, какъ змѣи огня, ищущіе и ненасытные,—въ ней все есть дыханіе эроса, единое желаніе, единая неудовлетворенная и неудовлетворимая страсть. Человѣческая любовь какъ бы сгораетъ, исходить въ сверхличномъ вселенскомъ началѣ эроса, покорно принимая свою обреченность, исполняя чью-то высшую волю. Пѣломудренный жестъ руки, прикрывающей грудь, обычный въ античной концепціи Афродиты, выражаетъ у Боттичелли въ его сочетаніи съ покорно склоненной головой полноту религіознаго смиренія. Онъ въ пламени любви ощутилъ близость Божества, ему открылось, что одна любовь горитъ и въ кротости Мадонны и въ красотѣ Венеры, и онъ слилъ ихъ черты въ одинъ прекрасный образъ.

Но эта расцвѣтающая жизнь въ самой святости своей хранитъ въ себѣ непрестанно преодолеваемое начало грѣха, она утверждается на упорномъ аскетическомъ отрицаніи, которое все болѣе и болѣе одухотворяетъ самую страсть, внося вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее мертвенный отблескъ аскеза. Хрупкое блѣдное тѣло Венеры, надломленное, какъ листья камыша у волнъ океана, вскрываетъ ту борьбу, въ которой Боттичелли такъ долго и безнадежно искалъ полноты и святости жизни. Въ тихую блаженную улыбку Венеры, въ радость внутренне объединенной жизни вошла, какъ необходимое въ ней начало, тихая скорбь, тѣнь отъ страданія борьбы, создавшей торжество побѣды.

Въ „Рожденіи Венеры“ Боттичелли подошелъ къ вершинѣ того пути, который долженъ былъ открыть ему Бога. Онъ достигъ здѣсь наибольшей полноты жизнеощущенія, наибольшей примиренности, свободы и радости въ немъ, другими словами, онъ достигъ наибольшей прео-

долѣнности того страданія въ грѣхѣ, которое преграждало ему путь къ святости и спасенію. Освобожденіе жизни въ любви и очищеніе ея отъ зла черезъ раскрытіе и укрѣпленіе въ немъ духовности и красоты сдѣлало возможнымъ то созерцаніе *Божества*, которое для сомнѣвающагося духа его осуществлялось на одинъ неувловимый мигъ, какъ неожиданное, незаслуженное, почти пугающее чудо. Образъ летящаго ангела ¹⁾ облекъ такой мигъ въ конкретно чувственную форму.

Ангель Боттичелли не довлѣетъ себѣ. Это—жизнь, рдѣющая одной печальной радостью, живая одной улыбкой Бога. Это—самоотрицаніе въ созерцаніи Божественнаго, въ буйной устремленности къ нему, какъ единому средоточію, какъ могучей покоряющей силѣ. Но эта сила уже не гнететъ, какъ та слѣпая стихія, которая увлекаетъ къ безумію зла. Она—свѣтъ, пронизавшій хаосъ, и влечетъ къ себѣ непреодолимо, претворяя необходимость подчиненія въ необходимость—свободу пріятія. Не надламываемая силой сопротивленія, свободно себя осуществляющая жизнь находитъ въ этомъ свѣтѣ свой единый центръ, и ея стремительное движеніе преобразуется въ стройное вращеніе, въ гармонию хоровода. Идея Бога, Который вноситъ порядокъ въ первоначальный хаосъ, идея Бога, который творитъ красоту тамъ, гдѣ не прозрѣвшій духъ видитъ непреодолимое зло,—открылась Боттичелли въ нѣжномъ видѣннн хоровода ангеловъ, рѣющихся вокругъ Божества и пронизанныхъ свѣтомъ его созерцанія.

XI.

Ангель Боттичелли, художественно прекрасный символъ близости духа къ Богу, разъ возникнувъ въ творчествѣ художника, уже не покидаетъ его, несмотря на то, что мгновеніе наибольшей достигнутости становится для него началомъ кризиса, началомъ религіозно-моральной растерянности и отчаянія. Сроднившійся со своимъ сомнѣніемъ духъ Боттичелли, узнавъ, наконецъ, послѣ долгаго пути преодоленій, радость,—заподозрилъ ее. То обостренное чувство противоположности, несовмѣстимости духа и инстинкта, которое вызвало послѣднее побѣдное усиленіе, создавшее „Рожденіе Венеры“, воскресло вновь въ самомъ торжествѣ побѣды. Въ радости своего достиженія онъ увидѣлъ наслажденіе праздникомъ земной любви, и весь трудный путь его, освященный святою цѣлью спасенія, явился передъ нимъ, какъ обманъ, какъ коварное наважденіе антихриста.

¹⁾ *Botticelli*. „Incoronazione della Vergine. Firenze“. Accademia di Belle Arti, № 73. См. также рисунки къ Божественной комедіи Данте: „*Zeichnungen von Sandro Botticelli zu Dantes Göttlicher Komodie*“. Berlin. Neues Museum. Kupferstichkabinett.

Въ этомъ критическомъ отношеніи къ себѣ Боттичелли потерялъ свою радость, потерялъ своего Бога. Онъ превратилъ въ ничто всю неутомимую работу духа, увидѣлъ въ себѣ великаго грѣшника, а передъ собой—безконечный путь къ новому раю. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ уже надорваннаго, угасающаго творчества жизнь вновь является ему, какъ великій грѣхъ, живой въ тысячахъ пороковъ, какъ великое страданіе. Онъ какъ бы возвращается назадъ къ пути самообвиненія, которое превращается порою въ казнь. Новое міроощущеніе Боттичелли исходитъ изъ рѣзкаго опредѣленнаго различенія между порокомъ и добродѣтелью; полагая между ними непреходимую грань, утверждая затѣмъ земную жизнь, какъ всецѣло преданную власти грѣха, онъ закрываетъ для духа всѣ пути спасенія, онъ объявляетъ себя духовнымъ банкротомъ. Спасеніе является ему теперь не конечной цѣлью, которую сознательно ставитъ себѣ виновный, страдающій, но сильный духъ, и достиженіе которой требуетъ борьбы и подвига. Нѣтъ, оно лишь мечта, рожденная вѣрой въ милость божію, вѣрой въ его благодать, которая одна можетъ сдѣлать то, что не по силамъ грѣховному духу. Въ послѣднихъ своихъ созданіяхъ Боттичелли утверждаетъ растерянное бессиліе духа передъ отрицающими другъ друга, полярными одна другой тенденціями жизни; тотъ самый духъ, который сумѣлъ познать міръ въ его добрѣ и злѣ, сумѣлъ коснуться его антиномій, признаетъ себя бессильнымъ ихъ снять и ищетъ убѣжища отъ послѣдняго отчаянія въ надеждѣ на внѣшнюю силу, на благодать, которая снизойдетъ для того, чтобы примирить и спасти.

Художественное творчество Боттичелли становится напряженнымъ морально-религіознымъ исканіемъ. Онъ избѣгаетъ такихъ темъ, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ овладѣвшей имъ религіозной идеѣ; и, воплощая ее, онъ удаляетъ изъ своихъ образовъ все, что могло бы уменьшить силу ея выраженія напоминаніемъ о земной красотѣ: въ картинахъ Боттичелли послѣдняго періода преобладаютъ темные, почти черные тона и простыя, почти монашескія одежды. Но именно въ этомъ послѣднемъ религіозномъ порывѣ, въ этомъ послѣднемъ обращеніи къ средневѣковому христіанскому ученію, тому ученію, на которомъ Данте построилъ свою „Божественную комедію“ и которое легло въ основу проповѣди Савонаролы—духъ Боттичелли осозналъ съ особенной силой свою безконечную далекость отъ Бога и спасенія.

Онъ хочетъ вѣрить въ Бога и уже не вѣрить въ себя. Его новый путь исходитъ изъ признанія бессилія и духовной истерпанности, изъ исканія внѣшней опоры. При созданіи своихъ художественныхъ образовъ онъ слѣдуетъ указаніямъ безпощаднаго доминиканца, онъ дѣлаетъ Данте своимъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія и становится иллю-

страторомъ его поэмы ¹⁾. Художественно отождествляя себя съ самимъ поэтомъ въ рисункахъ къ „Раю“, онъ пассивно, какъ ребенокъ матери, подчиняется указаніямъ сильной мужественной Беатриче.

Это духовное безсиліе является какъ бы моральнымъ результатомъ того непосильнаго гнета страданія, на которое обрекаетъ себя духъ Боттичелли ради искупленія грѣха. Идея Данте о томъ, что въ самой индивидуальной сущности совершаемаго грѣха скрытъ источникъ вѣчной за него муки—идея, на которой построена система наказаній грѣшниковъ въ „Аду“—воспринималась Боттичелли, какъ родная, близкая другой интуитивно пережитой имъ идеѣ о тождествѣ вины и страданія, о неискупимо страдающей въ своей виновности жизни. Рисунки къ „Аду“—это оргія самоистязанія. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того гордаго суда надъ міромъ, того строгаго осужденія другихъ, которымъ полна Божественная комедія несмотря на то, что самое путешествіе въ адъ и чистилище предприняты для самопознанія и самоочищенія. Боттичелли не знаетъ грѣха и не умѣетъ казнить его, если этотъ грѣхъ—не вина его духа. „Клевета“ ²⁾, гдѣ онъ, какъ моралистъ, ищетъ художественнаго воплощенія для цѣлаго сонма пророковъ, оказывается лишь слабой, нѣсколько дѣланно и театрально построенной аллегоріей.

Иллюстрируя адъ, художникъ отождествляетъ себя съ самими казнимыми. Онъ не щадитъ себя и обнажаетъ всѣ темные углы своей духовной жизни, жертвуя красотой и цѣльностью композиціи ради силы выраженія, онъ раскрываетъ весь ужасъ и безобразіе, весь сладострастный цинизмъ грѣха и нестерпимую боль, принятую на себя мучениками ада.

При этой беспощадности самоосужденія явленіе Христа, какъ вѣстника спасенія, кажется далекимъ и неосуществимымъ. Духъ Боттичелли, безпомощный безъ внѣшней опоры, нуждающійся въ испѣляющей силѣ благодати, сознаетъ себя неподготовленнымъ къ принятію ея. Въ „Поклоненіи волхвовъ“ ³⁾ маленький Христосъ въ пещерѣ виолемской является міру не какъ давно желанное, давно ожидаемое осуществленіе, но какъ страшная въ своей непонятности, потрясающая неожиданность, которая создаетъ растерянность и хаосъ. Всѣ уже видятъ его, но испуганно не вѣрятъ своему видѣнію; всѣ знаютъ, чувствуютъ его присутствие, но сознаютъ свою безконечную отъ него далекость; они бѣгутъ, спѣшатъ, боятся опоздать, гонимые страшнымъ призракомъ: слишкомъ поздно. Тамъ, гдѣ свѣтлый міръ долженъ увѣнчать исканія

¹⁾ Zeichnungen von Sandro Botticelli zu Dantes Göttlicher Komödie. Berlin. Neues Museum. Kupferstichkabinett. Восемь рисунковъ къ „Аду“ хранятся въ библиотекѣ Ватикана.

²⁾ Botticelli. „La Calunnia“. Firenze. Uffizi. № 1182.

³⁾ Botticelli. „L'Adorazione dei Magi“. Firenze. Uffizi. № 3436.

духа—рождается лишь беспокойный безумный порывъ къ далекому въ самой близости своей Богу, порывъ, исполненный сознаниемъ недостойности и тревогой сомнѣнія.

Удѣлъ Боттичелли—тоска по далекому раю; она питаетъ ту волю къ искупающему грѣхъ страданію, которая надолго удерживаетъ грѣшныя души въ Дантовомъ чистилищѣ, она же лелѣетъ мечту о спасеніи. Рай для Боттичелли—только мечта; въ его рисункахъ конкретно-реальны лишь поэтъ, благоговѣнно слѣдующій указаніямъ своей вѣры, и руководящая имъ Беатриче, тогда какъ то, что составляетъ цѣль ихъ долгаго пути—лишь свѣтлая тѣнь въ образѣ земныхъ цвѣтовъ, огней и рѣющихъ ангеловъ, нѣжный отблескъ когда-то близкой, но убитой радости. Когда въ „Клеветѣ“ Боттичелли противопоставляетъ пороку и лжи образъ „истины“, онъ даетъ ей образъ Венеры съ ея тонкимъ одухотвореннымъ тѣломъ и пламенемъ золотыхъ волосъ. Когда въ скитаніяхъ по раю его встрѣчаютъ добродѣтели, онъ видитъ ихъ въ образѣ танцующихъ нимфъ. И какъ бы сознавая, что тѣ посланники Бога, которые рѣютъ въ райскихъ кругахъ, рождены вмѣстѣ съ пробужденіемъ весны, и пѣсня ихъ лишь отзвукъ ея пѣсни—Боттичелли не смѣетъ повѣрить до конца ни въ полноту ихъ святости, ни въ подлинную осуществленность спасенія.

XII.

Когда Боттичелли подошелъ къ концу своего духовнаго пути, враждебныя силы его духа оказались вполнѣ опредѣлившимися, но и вполнѣ непримиренными между собой. Непреклонная совѣсть открывала въ мірѣ все новыя и новыя формы зла, утверждала его непреодолимую силу. Въ моральной неустойчивости человѣческой души, въ политической смутѣ человѣческаго общества Боттичелли видѣлъ дѣло дьявола и наивно-безобразный образъ его еще разъ явился въ его искусствѣ. Бунтъ противъ Бога, никогда не угасавшій въ немъ, вспыхнулъ съ новой силой и превратилъ его богоисканіе въ призывъ Его и стонъ о Немъ. Богъ долженъ былъ явиться въ борьбѣ съ дьяволомъ и побѣдить его, но это побѣдное явленіе могли увидѣть только грядущія времена; теперь же оно было лишь пророческимъ сномъ.

Въ „Рожденіи Христа“¹⁾ рассказанъ этотъ послѣдній сонъ Боттичелли. Иисусъ приходитъ на землю и его явленіе повергаетъ въ паническій ужасъ злую силу, которая убѣгаетъ съ лица земли. Ангелы поютъ побѣду Христа, изнемогая въ вихрѣ самозабвеннаго танца, и встрѣчаютъ праведныхъ привѣтомъ любви. Но эта мечта о побѣдѣ Бога и

¹⁾ *Botticelli*. „Nativity“. London. National Gallery. № 1034.

торжествѣ добра есть новое поражение для религиозно-ищущаго духа. Христосъ пришелъ не для того, чтобы бороться со зломъ и побѣдить его, но для того, чтобы сказать: зла нѣтъ. Когда духъ Боттичелли заставилъ умолкнуть въ себѣ стихію осужденія и для него открылся путь къ просвѣтленію зла, когда онъ въ грѣхѣ увидѣлъ святость и создалъ образъ Венеры, тогда онъ былъ ближе къ Богу и спасенію, чѣмъ въ „Рожденіи Христа“. Тотъ экстазъ, которымъ проникнуть его послѣдній прекрасный образъ, есть экстазъ религиознаго отчаянія.

Искусство Боттичелли угасаетъ, не успокоенное полнотою обрѣтенія. И только красота, которой неизмѣнно исполненъ увидѣнный имъ виновный и неутѣшенный міръ, утверждаетъ, что духъ и въ сомнѣніи своемъ стоитъ передъ лицомъ Божиимъ, что Богъ открывается ему вопреки смущенному разуму и бунтующей волѣ.

Наталія Воначъ.

Около войны.

Парижскія замѣтки.

— Читали?!..

— Что такое?

— А воть...

Мой собесѣдникъ энергично тычетъ пальцемъ въ газетный столбецъ, содержащій австрійскій ультиматумъ Сербіи.

Мы встрѣтились на улицѣ. Онъ—чехъ, офицеръ австрійской арміи.

— Ну что-жь, — говорю я, прочитавъ, — нѣмцы опять насъ застрашать хотятъ. Дѣло, вѣроятно, кончится какой-нибудь новой конференціей.

— Конференціей! — отчеканиваетъ онъ. — Вы правы. Да, именно конференціей, но которая состоится послѣ войны.

— А будетъ вамъ... Точно европейская война такая легкая вещь?!

— Очень хорошо знаю, что трудная, а для васъ, не военныхъ людей, почти невѣроятная; но она должна быть если не сегодня, такъ завтра, если не завтра, то послѣ завтра. Я же думаю, что она будетъ теперь.

Собесѣдникъ мой горячится, и я не спорю съ нимъ, потому что вижу, что онъ совсѣмъ разстроень. Въ случаѣ войны онъ получитъ приказъ явиться въ свой полкъ и долженъ будетъ сражаться или противъ Франціи, которая стала для него второй родиной, или же противъ Россіи, которую, хотъ никогда онъ въ ней не былъ, онъ любитъ той особенной, такъ сказать, „идеальной“ любовью, которая такъ обычна къ намъ у чеховъ. Теперь, конечно, мы привыкли и притерпѣлись ко многому, и война создала много положеній, еще болѣе сложныхъ, запутанныхъ и трагическихъ. Но тогда и это казалось ужаснымъ: не было еще теперешняго опыта.

Во всякомъ случаѣ, чтобы разсѣять нѣсколько моего знакомаго и отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей, я потащилъ его въ кафе, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить нашихъ общихъ пріятелей—людей, какъ и я,

„совсѣмъ не военныхъ“, и, вѣроятно, довольно легкомысленно относившихся къ ожидаемымъ событіямъ.

Такъ и вышло. Разговоръ хоть и шелъ о войнѣ, но въ совершенно „ненадлежащемъ“ тонѣ. Даже вопросъ о заработкѣ и вообще о средствахъ существованія—самый серьезный вопросъ во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ—и тотъ трактовался больше съ комической стороны. Особенно неистощимъ былъ на этотъ счетъ одинъ художникъ, полякъ, который и въ не военное время, благодаря слабому быту своихъ картинъ, постоянно перебивался, какъ говорятъ, „съ хлѣба на квасъ“, а въ случаѣ войны и вовсе долженъ былъ „закрыть лавочку“. Но духомъ не падалъ нисколько.

— Профессій, господа, послѣ объявленія войны,—утѣшалъ онъ себя и насъ,—откроется масса: только выбирай. Всюду понадобятся люди, потому что вся мужская половина населенія Франціи уйдетъ на войну. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день я буду имѣть удовольствіе прислуживать вамъ здѣсь въ качествѣ гарсона, или же вы увидите меня на трамваѣ кондукторомъ, или... впрочемъ, позвольте, можетъ, меня возьмутъ городовымъ и, свято исполняя свой долгъ, я долженъ буду защищать кого-нибудь изъ васъ въ участокъ... Что вы скажете, наконецъ, о ремеслѣ уличнаго музыканта? Я играю немного на гитарѣ, въ случаѣ необходимости смогу и пѣть, а патриотизмъ и доброе желаніе дополнять остальное. Итакъ, да здравствуетъ война! Вапе здоровье, господа!!

Все было обращено въ шутку и отчасти съ намѣреніемъ, чтобы „не задумываться серьезно“.

Но много было тогда людей, которые шутили „безъ намѣренія“, настолько сама идея европейской войны была еще невѣроятна.

Ярко выразилось это отношеніе въ репликѣ одного моего русскаго знакомаго, которому, кажется, не понравилась, или показалась неискренней нотка „гражданской скорби“, прокинувшаяся у кого-то въ разговорѣ. (Дѣло было уже совсѣмъ наканунѣ).

— Да *вамъ*-то какое дѣло! — воскликнулъ онъ. На войну васъ вѣдь не возьмутъ. Съ голоду тоже, слава Богу, не помрете... Чего вамъ!..

Странно теперь припоминать такія рѣчи. А онѣ были. И ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ: это не былъ какой-нибудь индифферентизмъ или безнадежная толстокожесть, а просто-на-просто *отсутствіе яснаго представленія о действительныхъ размѣрахъ бѣдствія*. Мой знакомый скептикъ скоро поступилъ волонтеромъ во французскую армию и, кто знаетъ, живъ ли еще.

Я много разъ думалъ и старался себѣ представить, что было бы во Франціи, еслибъ вмѣсто настоящихъ ея умныхъ, благородныхъ и энергичныхъ руководителей стояли бы, по несчастью, люди слабые,

малодушные и нерѣшительные, которые передъ угрозой Германіи сдались бы на ея требованіе и отказались поддержать союзницу Россію. Какъ реагировалъ бы на это народъ, парламентъ и, наконецъ, Парижъ? И всегда я приходилъ къ выводу, что такое правительство не просуществовало бы даже одного дня. Оно было бы низвергнуто, низвергнуто даже революціей, если бы это потребовалось. Настолько силенъ былъ тогда народный энтузіазмъ во Франціи.

Война перевернула все вверхъ дномъ и опрокинула сразу установившійся порядокъ жизни.

Прежде всего почувствовали это мы—иностранцы. До сихъ поръ мы были въ Парижѣ желанными гостями, и парижскія власти и публика, пожалуй, даже избаловали насъ своею любезностью. Теперь все пошло иначе. Я не говорю уже о германцахъ и австрійцахъ—было бы странно, если бы ихъ продолжали „ублажать“ попрежнему,—но и мы, подданные дружественныхъ державъ, тоже должны были покориться извѣстнымъ строгостямъ. Дѣло коснулось прежде всего нашего пребыванія въ Парижѣ. Намъ позволяли остаться, но мы должны были въ четырехдневный срокъ выхлопотать себѣ особые документы, *permis de séjour*, безъ которыхъ всѣ другія бумаги, хотя бы и выданныя ранѣе парижскою полиціей, оказывались недѣйствительны.

Нужно было видѣть, что творилось въ это время возлѣ полицейскихъ участковъ, гдѣ выдавались эти документы. „Хвосты“ ожидающихъ тянулись часто на протяженіи нѣсколькихъ кварталовъ. Многие приходили до разсвѣта, потому что иначе приходилось выстаивать по пяти-шести часовъ. Въ такихъ мѣстахъ создавалась даже особая, такъ сказать, бивуачная жизнь. Вдоль рядовъ сновали торговцы съѣстными продуктами и напитками. Много разъ въ день забѣгали сюда газетчики со свѣжими новостями, оглашая воздухъ неистовыми криками. Ожидали стоя, но многие не выдерживали и садились тутъ же на краю панели, или возлѣ стѣны. И такихъ „великихъ стояній“ нужно было продѣлать не одно, а два и даже больше. Я лично былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ по виду довольно крѣпкій и здоровый мужчина упалъ въ обморокъ. Что-жъ подѣлать? Вытащили, сдали его городовому, и ряды снова сомкнулись. „На войнѣ, какъ на войнѣ“.

Это скоро почувствовали и коренные парижане-французы. Прекратился кредитъ. Перестали платить многія семьи, лишившіяся заработка. Деньги вдругъ стали страшно рѣдки и, что удивительнѣе всего, казалось, потеряли вдругъ цѣну бумажныя деньги. Произошло это отчасти потому, что до войны въ обращеніи ходили лишь сотенныя и пятидесятифранковыя бумажки. Раньше, когда золото циркулировало, размѣнъ совершался легко. Золота было много и въ довольно мелкихъ

единицахъ: 10 и 20 франковъ. Но во время войны и даже много раньше золото исчезло совершенно, серебряной наличности нехватало для размѣна, а къ тому же на этой почвѣ создалась и паника, принявшая было довольно серьезные размѣры.

Передъ государственнымъ банкомъ (Banque de France), единственнымъ учрежденіемъ, производившимъ размѣнъ, толпа стояла весь день и почти всю ночь (чтобы не потерять мѣсть въ очереди), и безконечный „хвостъ“ тянулся за много кварталовъ, навѣрное на полверсты. Огромные наряды полиціи поддерживали порядокъ, который, впрочемъ, не нарушался ни разу, тѣмъ болѣе, что быстро и энергично проведенная мѣра выпуска мелкихъ билетовъ 5-ти и 20-ти франковаго достоинства, очень скоро поправила дѣло.

Денежная паника естественно вызвала панику продовольственную, не имѣвшую однако тоже никакихъ серьезныхъ послѣдствій, кромѣ развѣ порядочной усталости слишкомъ ужъ энергично запасавшихся семействъ. Толстая степенная хозяйка, обливаясь потомъ, тащила на себѣ „какъ можно больше“ сахару, сухихъ овощей и т. п.

Даже люди вполне просвѣщенные и культурные поддались общему настроенію.

Разумѣется, и продовольственный вопросъ (въ сущности даже и вопроса не было) разрѣшился самымъ счастливымъ образомъ. Цѣны на предметы первой необходимости не только не поднялись, но и упали, и даже въ позднѣйшіе дни, когда Парижу дѣйствительно угрожала опасность, онѣ остались на прежнемъ уровнѣ.

Все это вмѣстѣ взятое нервировало однако и безъ того достаточно взвинченное парижское населеніе.

Парижъ страдалъ. Несмотря на грандіозный энтузіазмъ, какимъ было встрѣчено объявленіе войны, всѣ связанныя съ нею бѣдствія и несчастія дали себя чувствовать уже въ самомъ началѣ. Эгоистическіе, избалованные и тонкіе цѣнители матеріальныхъ благъ и личнаго счастья, парижане не могли, конечно, съ легкимъ сердцемъ примириться съ разлукой съ близкими и лишеніями, особенно женщины, а онѣ составляли теперь преобладающій элементъ.

Основнымъ мотивомъ стало естественно озлобленіе противъ нѣмцевъ. Интересная вещь. Военные люди: солдаты, офицеры—словомъ, всѣ тѣ, кто принимаетъ непосредственное участіе въ борьбѣ съ врагомъ, не ненавидятъ его такъ сильно, какъ тѣ, кто удалены отъ него. И опять-таки въ особенности женщины. Озлобленіе это должно было найти себѣ выходъ, и оно нашло. Въ одинъ прекрасный день начался погромъ нѣмецкихъ магазиновъ. Разгромлено было нѣсколько крупныхъ фирмъ на большихъ бульварахъ, нѣкоторые магазины въ другихъ кварталахъ Парижа и рѣшительно повсюду отдѣленія швейцарской молочной фирмы

Maggi, которой справедливо или нѣтъ приписывали нѣмецкое происхождение. Погромъ не имѣлъ цѣлью грабежа, а только уничтоженіе, разрушеніе: многие продукты уничтожались тутъ же на мѣстѣ.

Событія между тѣмъ развивались. Французы сразу перешли въ наступленіе, и ихъ передовые отряды вскорѣ вступили въ Эльзасъ и Лотарингію; геройское сопротивленіе бельгійцевъ казалось гарантіей успѣха на сѣверѣ, и многие легковѣрные люди опредѣляли длительность войны въ мѣсяць и даже менѣе и уже мечтали о радости свиданія съ близкими, которые вернуться домой, покрытые славой. Официальныя сообщенія также проникнуты были духомъ надежды и увѣренности и, такъ сказать, шли въ унисонъ съ общимъ настроеніемъ.

Въ такой приподнятой и бодрящей атмосферѣ прошли почти всѣ 20 дней мобилизаціи регулярныхъ войскъ и затѣмъ наступила вербовка волонтеровъ.

„Ростъ—1 метръ 76 сантиметровъ; вѣсъ—63 килограмма; окружность груди—84 сантиметра“,—значилось на выданномъ мнѣ у входа клочкѣ бумажки.

Совершенно голый въ толпѣ такихъ же голыхъ, немного стѣсняющихся и немного сбитыхъ съ толку людей, переходилъ я отъ одного врача къ другому. Меня повертывали, выслушивали, ощупывали, испытывали мое зрѣніе.

- Служили въ Россіи?
- Нѣтъ; былъ совершенно освобожденъ по болѣзни.
- А именно?
- Неправильная дѣятельность сердца послѣ ревматизма.
- Вы хотите непременно записаться?
- Если это только возможно.
- Хорошо, вы придете черезъ мѣсяць. Отсрочка.

Дѣйствіе происходило въ зданіи „Дома Инвалидовъ“ 20 августа. Съ ранняго утра огромная „Площадь Инвалидовъ“ и прилегающій къ ней бульваръ того же имени были покрыты представителями національностей всего свѣта. Русскіе, поляки, чехи, итальянцы, бельгійцы иногда американцы и изрѣдка турки и венгерцы, выстроившись по-военному, въ колонны, терпѣливо ожидали своей очереди. Мѣстами можно было замѣтить даже негровъ, ослѣпительно поблескивавшихъ своими зубами и бѣлками глазъ, японцевъ и китайцевъ. Кого, кого толькѣ не было здѣсь, въ этой разношерстной и живописной арміи!.. Война перемѣшала всѣ классы, спутала всѣ общественныя отношенія. Наряду съ прилично и даже элегантно одѣтыми господами стояли настоящіе оборванцы, грязные, неряшливые и грубые—несомнѣнные подонки париж-

скаго населенія. Старйки съ сѣдыми или сѣдѣющими усами перемѣшались съ безусыми и безбородыми юношами.

Говорили на всѣхъ языкахъ. Преобладалъ, конечно, французскій, но часто долетала до уха и русская и родственная ей чешская и польская рѣчь, которую издали часто принимаешь за родную. Изрѣдка энергично звучали англійскія фразы, но онѣ покрывались шумными, хотя и мелодичными раскатами итальянскаго краснорѣчія, да рѣзкой трескотнею жаргона. И вся эта разношерстная, разнокалиберная и разноязычная публика шла на защиту страны, ставшей для многихъ второю родиной. Шла не подъ влияніемъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а движимая чувствомъ долга и желаніемъ принести и свою посильную лепту въ дѣло борьбы съ общимъ врагомъ.

Принимали однако съ большимъ разборомъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, около тридцати процентовъ всѣхъ явившихся было или совсѣмъ забраковано, или же получило мѣсячную отсрочку. Брали лишь молодыхъ и вполне здоровыхъ.

Въ число такихъ „отсроченныхъ“ попалъ и я. Было неприятно, конечно, но ждать намъ пришлось совсѣмъ не долго, значительно меньше, чѣмъ было назначено.

Обстоятельства войны въ скоромъ времени рѣзко измѣнились. Не успѣла еще замолкнуть лихорадочная сутолка первыхъ дней мобилизации, не успѣлъ улечься энтузіазмъ, вызванный извѣстіями о первыхъ побѣдахъ, какъ появились тревожные и даже грозные признаки. Прежде всего отчетливо вдругъ обозначилась нотка умолчанія въ официальныхъ правительственныхъ сообщеніяхъ. Бывшій военный министръ Мессими, обѣщавшій журналистамъ и публикѣ „говорить правду, хотя и не всю“, до такой степени оказался вѣренъ своимъ обѣщаніямъ, что французская публика, предполагавшая, что нѣмцы еще въ Бельгии, гдѣ-то возлѣ Брюсселя, въ одинъ прекрасный день должна была перенести линію фронта сразу черезъ всю сѣверную Францію и считаться съ пребываніемъ нѣмецкихъ войскъ въ 50-ти или 60-ти километрахъ отъ Парижа. Положеніе выяснилось еще болѣе, когда президентъ республики и правительство спѣшно выѣхали въ Бордо, а въ самомъ Парижѣ начались ежедневные визиты нѣмецкихъ авіаторовъ.

Теперь ужъ не было никакого сомнѣнія, и первая нѣмецкая бомба безусловно произвела немалый эффектъ. Началась паника, массовый выѣздъ изъ Парижа. Нехватало экипажей. Билеты нужно было брать задолго заранѣе. Вокзалы охранялись значительными нарядами полицейскихъ. Новый военный губернаторъ Парижа, генералъ Галліэни, даже поощрялъ это массовое бѣгство: неимущимъ былъ предоставленъ даровой проѣздъ въ нѣкоторые департаменты центра Франціи.

Мѣра эта имѣла благотѣльное значеніе: она очистила Парижъ

отъ слишкомъ нервныхъ элементовъ, заражавшихъ своимъ волненіемъ болѣе спокойныхъ и разсудительныхъ, и Парижъ, несмотря на всю неожиданность сразу надвинувшейся опасности, скоро пришелъ въ себя и успокоился.

Наполовину онъ опустѣлъ. Въ особенности обезлюдѣли богатые кварталы, прилегающіе къ площади Etoile и къ Булонскому лѣсу. Жизнь тамъ совсѣмъ замерла. На улицахъ ни души; окна домовъ наглухо закрыты ставнями; магазины заперты и даже заколочены, и на широкихъ бульварахъ, еще недавно запруженныхъ элегантными экипажами, учатся солдаты. Изрѣдка лишь пронесется автомобиль какой-нибудь почтенной пожилой дамы, которая считаетъ „бѣгство“ позорнымъ, и которая останется „на посту“ во что бы то ни стало, или проковыляетъ старый лакей, оставленный господами стеречь квартиру. А тутъ же въ двухъ шагахъ возводятъ новыя укрѣпленія. Вонъ поднимаются стѣнкой наложенные одинъ на другой мѣшки съ землею, между которыми оставлены отверстия—родъ бойницъ; тамъ натянута колючая проволока и вырыты канавы, а дальше лежатъ поваленныя деревья, обращенныя заостренной массой сучковъ въ сторону непріятеля.

Въ бѣдныхъ кварталахъ веселѣе. Они такъ же, какъ раньше и, пожалуй, даже болѣе оживлены, и милое парижское простонародіе попрежнему васъ трогаетъ и восхищаетъ. Безспорно, ударъ былъ великъ и разочарованіе ужасно. Но они горды, эти маленькіе, нервные, легко возбуждающіеся парижане. Они уже приготовились ко всему и съ спокойной серьезностью ждутъ развязки.

А пока... пока они развлекаются, чѣмъ только могутъ. Всѣ, кому пришлось проводить эти тревожные дни въ Парижѣ, не забудутъ, вѣроятно, никогда картины, какую представляли ежедневно часамъ къ 5-ти улицы, прилегающія къ площади Бастилии или Республики. Въ этотъ часъ появлялись обычно нѣмецкіе авиаторы. Ну какъ пропустить такое интересное зрѣлище! И вотъ все населеніе Парижа высыпало на улицу. Не говоря уже о молодежи, даже пожилыя толстыя, солидныя мамашы чинно располагались, сложивъ на животѣ руки, возлѣ дверей домовъ, или на скамейкахъ бульвара и съ спокойнымъ любопытствомъ завсегдатаевъ кинематографа ожидали обычнаго интереснаго зрѣлища.

— Мама, смотри, тобъ, тобъ ¹⁾,—пронзительно кричала какая-нибудь группа ребятишекъ, передъ тѣмъ игравшихъ „въ войну“, и дѣйствительно въ ясномъ вечернемъ воздухѣ, красиво позлащенный лучами склонившагося къ западу солнца, показывался нѣмецкій аэропланъ

¹⁾ Французское простонародье, да и не одно лишь простонародье, всѣ вообще иностранныя слова, въ томъ числѣ и нѣмецкія, произносятся такъ, какъ если бы это были французскія. Такимъ образомъ изъ *Taube* получается *тобъ*, изъ *Breslau*—*брало* и т. д.

съ характерными закруглениями на крыльяхъ, и все отчетливѣ слышалась трескотня мотора. Было немного страшно, но какое-то острое, болѣзненное любопытство непреодолимо влекло, и каждый стремился быть поближе, „чтобы лучше все видѣть“, чтобы самому испытать чувство близости врага и опасности. Затѣмъ раздавался, точно пушечный выстрѣлъ, звукъ взрыва упавшей бомбы, за нимъ второй, третій. И на другой день узнавали изъ газетъ, что доблестный авиаторъ сразилъ семидесятилѣтняго старика и двухъ маленькихъ дѣвочекъ.

А вечеромъ попрежнему бродили, обнявшись, въ тѣни бульвара молодыя парочки, слышались поцѣлуи, быть можетъ, уже прощальные, можетъ, послѣдніе, слышались и подавленные рыданія, и снова добрые старые каштаны сочувственно кивали своими верхушками и о чемъ-то тихо шептались.

Въ эти смутные, тревожные дни призывали и насъ—„отсроченныхъ“. На этотъ разъ медицинскій осмотръ былъ много короче. Оказалось, напримѣръ, потомъ (только въ нашей ротѣ), что одного приняли съ грыжей, у другого былъ отрубленъ указательный палецъ на правой рукѣ; вѣроятно, много и чего другого, что не было мнѣ извѣстно.

Что же касается лично меня, докторъ покачалъ головой.

— Бѣгать можете?

— Могу.

— Ну, хорошо. Тогда приняты.

На утро мы уже были въ казармахъ. Довольно долго посылали насъ „отъ Понтія къ Пилату“, и порядочно пришлось опять стоять въ очереди, пока, наконецъ, не занесли насъ всѣхъ въ соответственные роты, секціи и эскадры, и не распредѣлили по этажамъ и комнатамъ. Впрочемъ, перераспредѣляли и переселяли насъ еще не одинъ разъ. Народа было масса, а новые все прибывали и прибывали. Понятно поэтому, что вначалѣ все немного неладилось и скрипѣло, какъ немазаная телѣга. Во время обѣда, напримѣръ, нехватало мисокъ и ложекъ, а на ночь для многихъ нехватало ни коекъ, ни матрасовъ. И такъ длилось нѣсколько дней, пока не уменьшился нѣсколько потокъ вновь прибывавшихъ.

Впрочемъ, благодаря тому, что первое время очень легко давались позволенія ночевать и обѣдать въ городѣ, оставалось много свободныхъ мѣстъ, такъ что послѣ необходимыхъ предварительныхъ перебранокъ и объясненій всѣ, въ концѣ-концовъ, бывали и сыты, и находили себѣ мѣсто для ночлега.

Кормили недурно. Утромъ кофе черный, не перваго качества, конечно, но вполне сносный. Въ 11 часовъ завтракъ, пли, по-нашему, обѣдъ, состоявшій изъ супа съ большимъ кускомъ мяса и какіе-нибудь вареные овощи: картофель, бобы, чечевица. То же и вечеромъ. Спать

было похуже. Жесткіе соломенные тюфяки, такія же и подушки. Постельное бѣлье намъ выдали лишь въ концѣ второй недѣли. Но все это было плохо лишь для избалованныхъ. Люди непрехотливые спали отлично.

Что касается самыхъ военныхъ занятій, и здѣсь не обходилось безъ трудностей. Во-первыхъ, мы—волонтеры, по крайней мѣрѣ, 90%, оказались людьми, совершенно новыми въ военномъ дѣлѣ, никогда еще не служившими; инструкторы наши также оставляли желать лучшаго: это были пожарные сосѣдней съ нашими казармами команды и, несмотря на производство ихъ въ капралы и сержанты, не всегда хорошо справлялись съ своей задачей. Лишь постепенно все болѣе или менѣе наладилось.

Самыя упражненія начались въ первый же день нашего прибытія. Сначала къ намъ были довольно „снисходительны“ и „мучили“ мало. Но день ото дня требованія возрастали. Насъ гоняли съ 6—7 часовъ утра до 11 и съ половины перваго до пяти. Мы маршировали, бѣгали, разсыпались цѣпью, бросались ничкомъ на землю (въ дурную погоду прямо въ грязь), передвигались ползкомъ, учились манипулировать съ ружьями и производили маневры въ Венсенскомъ лѣсу. Однажды во время такихъ маневровъ наши передовые патрули арестовали въ шутку какого-то праздношатающагося. Надо было видѣть его испугъ!

Для меня самая выучка не была трудна. Я не былъ, правда, на военной службѣ, но въ средней школѣ, гдѣ я учился, гимнастика была поставлена на военную ногу, и многое я уже зналъ. Единственно странно было поворачиваться черезъ правое плечо, вмѣсто сдваиванія рядовъ заходить по четверо и класть ружье на плечо куркомъ внизъ и собакою кверху. Трудно же было потому, что упражненія эти съ каждымъ днемъ становились все длительнѣе и интенсивнѣе и требовали много силъ и здоровья. А кромѣ того, давали себя знать ранецъ и ружье, особенно ранецъ. Насъ заставляли его носить (очевидно, чтобы пріучить къ походу) постоянно и приказывали класть въ него всѣ необходимыя вещи.

— Все бы ничего, если бы не эта проклятая штука,—жаловался мнѣ мой сосѣдъ по койкѣ, здоровенный дѣтина, лѣтъ уже около пятидесяти.—Смотрите-ка!!...

И, дѣйствительно, было на что смотрѣть: вся холстинная сѣрая подкладка шинели была „хоть выжми“, черная отъ пота. У многихъ другихъ было не лучше, и большинство, возвращаясь съ занятій, не раздѣваясь, часто даже не отстегивая ранца, валились на койки, если только, конечно, ихъ не ожидала какая другая работа: уборка казармы, очередь идти за обѣдомъ и т. д.

Зато, начиная съ пяти часовъ, мы отдыхали. Отдыхали, впрочемъ, въ кавычкахъ. Большинство уходило, и уѣзжало въ городъ къ женамъ,

къ роднымъ, къ знакомымъ, а такъ какъ казармы находились на окраинѣ и на утро нужно было вернуться до шести часовъ, то вмѣсто отдыха выходило еще больше утомленія. Я, напримѣръ, жилъ какъ разъ въ противоположной части Парижа и потому долженъ былъ вставать въ 4 часа утра, чтобы даже на велосипедѣ успѣть къ сроку.

Отдыхали, дѣйствительно, только тѣ, кто оставался въ казармахъ. Во-первыхъ, имъ доставался такой обильный ужинъ, что они не знали, что съ нимъ дѣлать, доставалось также все полагавшееся намъ (по праздникамъ лишь, однако) вино. Потомъ они выходили немного погулять за ворота казармы и вскорѣ возвращались, чтобы уже устроиться на ночлегъ. Засыпали не сразу, а долго еще разговаривали, нѣкоторые играли въ шашки, въ маниллу. Время летѣло страшно быстро.

— Знаете,—говорилъ мнѣ одинъ очень симпатичный бельгонецъ, съ которымъ я познакомился еще на медицинскомъ осмотрѣ,—я теперь, по крайней мѣрѣ, сплю. До службы я такъ нервничалъ, и мнѣ было такъ плохо, что одно время я думалъ, что схожу съ ума. Дѣлать никакихъ нѣтъ, времени свободного пропасть. Да, какъ начитаешься газетъ... Я ихъ штукъ пять-шесть обязательно прочитывалъ. А здѣсь даже и одной просмотрѣть некогда...

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ казарма высокой стѣной отгородила насъ отъ внѣшняго мира, всѣ еще недавнія тревоги, нервничанье, опасенія улетѣли куда-то далеко. На сцену выступили ближайше интересы минуты,—интересы казарменной жизни, интересы службы. То, что нѣмцы были отъ Парижа всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ и великому городу все время угрожала опасность, это какъ-то забывалось, или, вѣрнѣе, ступшеывалось передъ сознаниемъ, что въ такомъ-то упражненіи при командѣ: „разъ“ нужно было поднять ружье такимъ-то образомъ, а при командѣ: „два“—инымъ. Кромѣ того, нужно было не забыть тысячи маленькихъ молочей, казавшихся туалета, слѣдить за чистотою оружия и т. п. Хотѣлось быть образцовымъ и бравымъ солдатомъ, и хотя многіе демонстративно заявляли товарищамъ о своемъ нежеланіи быть ни капраломъ, ни (Боже сохрани!) сержантомъ, но въ глубинѣ души каждый таилъ въ себѣ смутную надежду на повышение.

Кромѣ того, всегда имѣлся достаточный запасъ чисто казарменныхъ „событій“, казавшихся много занимательнѣе всего того, что происходило за стѣнами. Вчера, напримѣръ, вдругъ были сразу отмѣнены всѣ отпуска, и громадная толпа ожидающихъ должна была разбрестись по своимъ комнатамъ. Сегодня командовалъ новый поручикъ, пріѣхавшій изъ Марокко (тутъ же сообщалась и его „краткая достовѣрная біографія“), который гонялъ такъ, „что всѣ—безъ ногъ“, но въ общемъ „бравый и дѣльный малый“. Затѣмъ оказывалось—вторая рота за какую-то

провинность была назначена не въ очередь на черную работу: мыть лѣстницы и уборныя и т. д.

Но больше всего, конечно, было разговоръ, когда и куда мы выступаемъ, а также о начальствѣ.

Насчетъ выступленія ежедневно циркулировала какая-нибудь свѣжая новость, которая къ вечеру уже замѣнялась другой. Сначала говорили: „черезъ день“, потомъ „черезъ два“, затѣмъ черезъ недѣлю и т. д. Определенно утверждали сначала, что насъ шлютъ въ Авиньонъ или же въ Руанъ, нотомъ не менѣе определенно увѣряли, что мы сразу отправляемся на фронтъ. Источникомъ всѣхъ этихъ сплетенъ и слуховъ неизбѣжно являлась кухня—своего рода клубъ, гдѣ сходились персоны по тѣмъ или инымъ причинамъ привлеченныя и, такъ сказать, въ курсѣ событий.

Начальство занимало насъ не меньше, чѣмъ вопросъ о выступленіи. Естественно, что оно раздѣлялось на „симпатичныхъ“ и „несимпатичныхъ“. „Симпатичнымъ“ безусловно былъ капитанъ, дѣйствительно, необыкновенно милый и культурный человѣкъ, доброту котораго, надо признаться, временами порядочно эксплуатировали. Онъ требовалъ знанія службы, но не придирался къ частностямъ и мелочамъ, охотно выслушивалъ всѣ заявленія и просьбы и входилъ въ положеніе своихъ солдатъ. Типомъ „несимпатичнаго“ начальства былъ одинъ изъ поручиковъ въ нашей же ротѣ, служившій до тѣхъ поръ въ пожарной командѣ, маленький, коренастый человѣчекъ, съ тупымъ выраженіемъ лица и страшнымъ самоувереніемъ. Насъ, волонтеровъ, онъ глубоко презиралъ, никогда не снисходилъ до разговора или личныхъ указаній, а лишь кричалъ и командовалъ черезъ сержанта.

— Эй, сержантъ, смотрите, что это они тамъ фабрикують. Смотрите, какъ вонъ тотъ держитъ ружье. Подтяните-ка ихъ хорошенько.

И сержантъ, въ общемъ милый и добродушный малый, со звѣрскимъ лицомъ, легѣлъ къ провинившимся, точно хотѣлъ ихъ съѣсть, и пускалъ въ дѣло весь свой запасъ смѣшныхъ французскихъ проклятій.

Впрочемъ, и то сказать, на лѣвомъ флангѣ, дѣйствительно, попадались такіе мѣшки (а многіе еще языка хорошенько не понимали), что и святого могли вывести изъ терпѣнія.

Совсѣмъ особенное мѣсто въ ряду другого начальства занималъ другой поручикъ, старенькій уже, немного какъ будто робкій, одѣтый въ старый поношенный мундирчикъ и старое кепи, который вначалѣ всегда скромно держался въ сторонкѣ, и котораго мы какъ-то не замѣчали.

Но въ одинъ прекрасный день (это было въ праздникъ) мы увидѣли, какъ его выпѣтшій потертый мундирчикъ украсился массою орденовъ и притомъ такихъ, какихъ не было даже у капитановъ. Это насъ заставило взглянуть на старенькаго поручика иначе.

Въ другой разъ, когда немножко глупый, но весьма краснорѣчивый сержантъ (румынъ, изъ насъ же, волонтеровъ) весьма пространно объяснялъ обязанности часовыхъ, никто и не замѣтилъ, какъ тихо подошелъ къ нашей группѣ старенькій поручикъ.

— Вы мнѣ позволите, сержантъ,—очень мило остановилъ онъ нашего слишкомъ краснорѣчиваго профессора,—вы мнѣ позволите маленькое поясненіе, почерпнутое изъ опыта. Почерпнутое изъ опыта, говорю я, потому что мнѣ уже пришлось имѣть этотъ опытъ въ прошлую войну съ нѣмцами,—пояснилъ онъ.—Этотъ поношенный мундиръ и это выпѣтшее кепи знаютъ уже немного, что такое нѣмецкій штыкъ и нѣмецкая пуля. Все, что объяснилъ сержантъ, все очень хорошо и правильно, но на дѣлѣ всегда выходитъ немного иначе.

И онъ рассказалъ намъ, какъ важно для часового, помимо всего остального, запомнить всѣ предметы, находящиеся въ полѣ его зрѣнія. Случалось много разъ, что какой-нибудь странной формы камень, пень, или просто брошенный на полѣ плугъ въ сумерки давали иллюзию приближающагося врага, и въ результатѣ—напрасная тревога и, что особенно вредно, стрѣльба...

И затѣмъ далѣе еще двумя-тремя мѣткими замѣчаніями и удачными примѣрами—и все это въ необыкновенно миломъ, дружескомъ тонѣ—онъ сразу далъ намъ ясное представленіе о дѣлѣ.

Зато и съ нашей стороны отношеніе къ старенькому поручику было совершенно исключительнымъ. Дисциплина обязывала насъ, конечно, къ чрезвычайной почтительности ко всѣмъ начальникамъ, и никто не имѣлъ причинъ на насъ жаловаться въ этомъ отношеніи, но нужно было слышать, съ какимъ особымъ выраженіемъ произносилось: *bien, mon lieutenant, entendu mon lieutenant* и т. п., когда обращались именно къ нему. Нечего говорить, съ какой молниеносной быстротой исполнялись также его разныя мелкія просьбы и порученія.

Таковы были наши впечатлѣнія и наши чувства въ отношеніи отдѣльныхъ офицеровъ. Какъ же они относились къ намъ, и что вообще думало о насъ начальство?

Отношеніе это было двойственнымъ, въ зависимости отъ двойственности нашего положенія. Мы не были солдатами регулярныхъ войскъ и не были въ то же время французами. Мы составили совершенно отдѣльную часть общаго военного цѣлаго—иностранныя легіона (*légion étrangère*). Т.-е., вѣрнѣе, не составили, а пополнили: иностранный легіонъ существовалъ и до войны, но пополнялся совершенно исключительными элементами и имѣлъ специальное назначеніе. До сихъ поръ онъ являлся частью колониальныхъ войскъ и дѣйствовалъ въ Марокко. Пополнялся онъ иностранцами и, само собой разумѣется, большею частью такими, которымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ приходилось покидать

родину и вообще не оставалось ничего лучшаго, какъ „наипматься“ въ солдаты. Французская печать въ свое время съ достаточной опредѣленностью опровергла нѣмецкія басни о пыткахъ и мученіяхъ, какимъ подвергаются будто бы легіонеры, но несомнѣнно всетаки одно: часть войскъ, составлявшаяся изъ такого рода авантюристскихъ и даже подзрительныхъ элементовъ, должна была находиться въ условіяхъ болѣе суровыхъ, чѣмъ другія.

Такъ фактически и было до войны. Война создала иное положеніе. Огромная масса волонтеровъ-иностранцевъ не представляла тѣхъ авантюристскихъ, антиобщественныхъ элементовъ, какими комплектовался легіонъ до сихъ поръ. Все это были теперь люди, въ нормальныхъ условіяхъ честнымъ трудомъ зарабатывавшіе свой кусокъ хлѣба и ничѣмъ не скомпрометированные. Кромѣ того, формула ихъ обязательствъ была: „лишь на время войны“. Все это измѣняло обычныя представленія о легіонѣ. Но, съ другой стороны, легіонеры все же были иностранцы, которымъ (предполагалось) интересы Франціи не могли быть такими родными, какъ настоящимъ французамъ, притомъ, быть можетъ, люди, которыхъ лишь отсутствіе средствъ къ существованію толкало въ ряды французской арміи и, наконецъ, они могли слишкомъ тенденціозно понимать *добровольческий* характеръ своей службы. И эти соображенія, несомнѣнно, также имѣли значеніе.

Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ колебалось и отношеніе къ намъ начальства. Такъ, напримѣръ, тотъ самый нашъ добрякъ-капитанъ, который рѣдко кому въ чемъ отказывалъ, собралъ насъ въ одинъ прекрасный день для преподанія намъ нѣкоторыхъ статей французскаго военнаго кодекса и къ великому нашему изумленію началъ свою рѣчь такъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы подписали ваши обязательства, вы считаетесь солдатами и подчиняетесь французскимъ военнымъ законамъ. Помните, что васъ собрали сюда не для того, чтобы пить, ѣсть и спать, а чтобы нести извѣстныя обязанности. Если вы ихъ не будете выполнять какъ слѣдуетъ, вамъ грозить слѣдующія наказанія.

И затѣмъ былъ прочитанъ рядъ пунктовъ, неизбѣжно оканчивавшихся словами: „...полагается смертная казнь“, или „лишеніе воинскаго званія и смертная казнь“.

Очевидно, указаніе насчетъ того, что легіонеры могутъ воспользоваться въ рядахъ французской арміи лишь возможностью „пить, ѣсть и спать“, являлось своего рода формулой, которая считалась неизбѣжной въ дѣлѣ воспитанія иностраннаго легіона. И хотя непріятно и обидно было выслушивать такого рода „поясненія“, но нельзя не сознаться, что для извѣстной части легіонеровъ они имѣли свое значеніе.

Для очень небольшой лишь части, впрочемъ, по моимъ наблюде-

нямъ. Хотя и достаточно было волонтеровъ, лишившихся во время войны всякихъ средствъ къ существованію, но рѣдко кто смотрѣлъ на военную службу исключительно какъ на возможность прокормиться. Во всякомъ случаѣ, такого рода элементы были не въ авантажѣ у товарищей, и имъ волей-неволей приходилось все же приспособляться къ общему тону и помалкивать.

Не скажу, чтобы и остальные волонтеры руководились исключительно общественными или идейными мотивами. Одни, какъ я сказалъ, оказались безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ особенности австрійскіе славяне: чехи, поляки т. д. Другіе предполагали натурализоваться во Франціи („если, Богъ дастъ, вернемся“). Третьи, наконецъ, (это—русскіе эмигранты) рассчитывали получить, такимъ образомъ, прощенье своихъ давнишнихъ или недавнихъ грѣховъ и по окончаніи войны вернуться въ Россію.

По всѣ эти личные эгоистическіе мотивы и расчеты лишь *совпадали* съ главнымъ основнымъ—принять посильное участие въ борьбѣ съ общимъ врагомъ и принести посильную долю пользы.

Я упомянулъ объ эмигрантахъ; здѣсь можно кое-что добавить. Всякому извѣстно, что въ ихъ средѣ всегда было достаточное количество революционеровъ и часто очень крайнихъ и непримиримыхъ. Война для большинства изъ нихъ была такою же неожиданностью, какъ и для мирныхъ обывателей. Она, пожалуй, застигла ихъ врасплохъ даже болѣе, чѣмъ кого-либо, потому что хотя въ программахъ ихъ и имѣлись на этотъ счетъ „пункты“, но непосредственное чувство диктовало иное. О томъ, какъ сбиты были съ толку, въ частности, социаль-демократы, мнѣ приходилось слышать слѣдующее:

— Еще за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій мы начали выяснять наше отношеніе къ войнѣ и вопросъ о нашемъ въ ней участіи. Собранія слѣдовали за собраніями. Устали всѣ страшно, въ концѣ-концовъ переругались и чуть даже не передрались, а всетаки вопроса не рѣшили. И вотъ тогда-то и выдѣлилась довольно сборная группа волонтеровъ—„революционеровъ-республиканцевъ“, которая представилась въ рекрутское бюро независимо отъ группы при русскомъ консульствѣ“.

Мнѣ лично не пришлось быть вмѣстѣ съ этой группой благодаря данной мнѣ отсрочкѣ. И вообще въ этотъ болѣе поздній періодъ, когда я былъ принятъ, русскихъ было уже немного. Они ушли въ первую очередь. Зато много было поляковъ. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго побѣдило въ нихъ послѣднюю нерѣшительность, особенно послѣ того, какъ видные члены польской колоніи въ Парижѣ горячо выразили въ печати свою радость и признательность.

Много было также эльзасцевъ, лотарингцевъ, итальянцевъ и бель-

гийцевъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди давнымъ давно поселившіеся во Франціи и совершенно офранцузившіеся. Но, случалось, прорывались все же національныя нотки: при мнѣ случилось однажды, что серьезно повздорили одинъ итальянецъ и эльзасецъ по поводу нейтралитета Италіи. Но въ этихъ случаяхъ вмѣшивались другіе и всегда говорили:

— Мы здѣсь теперь всѣ—французы. Мы боремся за Францію и долгой всякіе національныя споры!...

Вообще долженъ сказать, что и всякія другія тренія и недоразумѣнія, происходившія иногда не только между отдѣльными лицами, но и цѣлыми группами, разрѣшались всегда съ удивительнымъ тактомъ, и грубоватое солдатское „ты“, такъ дико звучавшее вначалѣ, потомъ постепенно становилось все болѣе и болѣе естественнымъ и понятнымъ, какъ нѣкоторый символъ дружбы и солидарности. Я не знаю, каковъ былъ составъ другихъ ротъ и казармъ, но что касается того, куда былъ я зачисленъ, могу лишь сказать, что пребываніе мое среди волонтеровъ оставило во мнѣ самыя лучшія воспоминанія. Товарищи мои, въ громадной своей части, люди простые, люди ручного труда, помимо добросовѣстности, съ какою они отнеслись къ исполненію своихъ обязанностей, сумѣли создать въ казармѣ такую пріятную, дѣйствительно, товарищескую и даже дружескую атмосферу, что прямо-таки жаль было оставлять ихъ семью. Въ особенности о нѣкоторыхъ изъ нихъ я еще долго буду вспоминать съ самыми лучшими чувствами.

Мнѣ пришлось пробыть въ ихъ средѣ очень мало, всего двѣ недѣли. За это время генераль Жоффръ отгѣснилъ нѣмцевъ на востокъ; опасность наступленія на Парижъ миновала, и нашъ полкъ постепенно сталъ очищаться отъ физически слабыхъ и непригодныхъ элементовъ. Къ этому времени въ числѣ многихъ другихъ заболѣлъ и я, и очень скоро былъ уволенъ въ отставку.

А. Щепетевъ.

Нейтралитетъ независимой Бельгіи.

1.

— „Всѣ мы до нѣкоторой степени являемся всемірными гражданами. Для всѣхъ насъ, кромѣ собственной родины, есть еще и общее идеальное отечество, а въ этомъ отечествѣ не послѣднее мѣсто занимаетъ Бельгія“, — такъ говорилъ въ октябрѣ 1883 года, на парадномъ завтракѣ во время торжествъ по случаю открытія въ Брюсселѣ дворца судебныхъ установлений, покойный В. Д. Спасовичъ. О мѣстѣ, принадлежащемъ Бельгіи въ этомъ „идеальномъ“ всемірномъ отечествѣ, у насъ съ тѣхъ поръ основательно забыли. Только теперь, подѣ впечатлѣніемъ трагическихъ подробностей германскаго нашествія на Бельгію, о ней снова вспомнили и начали искать въ историческихъ книгахъ и въ справочныхъ изданіяхъ указаній на заслуги бельгійскаго народа предѣ европейской культурой и европейской политической исторіей. Это можно сказать съ полною откровенностью, — мы всѣ слишкомъ привыкли видѣть въ бельгійцахъ просто предприимчивыхъ и подвижныхъ промышленниковъ и торговцевъ, которые изъ своей маленькой страны распространили нити своего экономическаго вліянія на самые отдаленные уголки земного шара. За этими оборотливыми „французами второго ранга“ мы давно уже не замѣчали бельгійцевъ, вѣками отстаивавшихъ свою національную самобытность и на протяженіи восьмидесяти лѣтъ независимаго государственнаго существованія давшихъ Европѣ блестящіе образцы свободныхъ политическихъ учреждений и разумнаго устроенія отношеній социальныхъ.

Национальный конгрессъ, созванный въ Брюсселѣ послѣ провозглашенія независимости Бельгіи для того, чтобы оформить существованіе независимаго бельгійскаго королевства, декретировалъ 7 февраля 1831 года бельгійскую конституцію, явившуюся образцомъ для цѣлаго ряда конституционныхъ актовъ послѣдующей эпохи и сыгравшую видную роль въ развитіи современныхъ государственно-правовыхъ понятій. Было бы, конечно, преувеличеніемъ утверждать, что

бельгийская конституція была продуктомъ совершенно оригинальнаго творчества національнаго конгресса. Само собою разумѣется, авторы этой конституціи находились подъ вліяніемъ и ученій англійскаго парламентаризма, какъ разъ тогда получавшаго свою законченную форму, и государственно-правовыхъ ученій, выработавшихся во Франціи въ процессѣ борьбы либеральной оппозиціи съ Людовикомъ XVIII и Карломъ X и нашедшихъ свое отраженіе въ пересмотрѣнной французской хартіи 1830 года. Но при всемъ томъ бельгийская конституція остается памятникомъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ и далеко превзошедшимъ многія предшествовавшія ей конституціонныя хартіи. По ясности и отчетливости формулировки основныхъ принциповъ свободнаго государственнаго строя, искусно сочетающаго устойчивость монархической власти съ чуткостью парламентарскаго механизма къ колебаніямъ общественнаго мнѣнія, она не имѣетъ себѣ равныхъ. Отдѣльныя ея формулы относительно порядка осуществленія законодательной власти, бюджетныхъ полномочій парламента, взаимодѣйствія между короной и народнымъ представительствомъ заимствованы многими нынѣ дѣйствующими конституціями самыхъ разнообразныхъ государствъ. А общая связь ея постановленій до сихъ поръ служитъ предметомъ поучительныхъ наблюденій и размышленій ученыхъ государствовѣдovъ и профессиональныхъ политиковъ.

Будучи самобытнымъ бельгийскимъ государственнымъ документомъ, конституція 1831 года естественно носить на себѣ слѣды всѣхъ тѣхъ наслоеній, изъ которыхъ въ теченіе столѣтій сложилось своеобразное *бельгийское* государственно-правовое міросозерпаніе. Мѣстныя вольности, которыя бельгийцы ревниво оберегали еще тогда, когда они находились подъ властью испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ; французскія идеи свободы и равенства, занесенныя въ Бельгію за двадцать лѣтъ пребыванія ея подъ властью Франціи; наконецъ, практическіе уроки конституціонной политики, полученные бельгийцами въ суровой школѣ нидерландскаго королевства—все это вмѣстѣ привело Бельгію къ той „самой свободной“, „самой республиканской“ монархіи, о которой мечтали въ 1830 году бельгийскіе революціонеры и основы которой имъ удалось заложить въ конституціи 7 февраля. Рамки этого свободнаго государственнаго строя оказались настолько широкими и гибкими, что бельгийская конституція, если не считать реформы избирательнаго права и реорганизации сената, почти безъ измѣненій просуществовала до нашихъ дней и создала самую благопріятную обстановку для мощнаго культурнаго развитія дѣятельнаго и энергичнаго народа.

Это развитіе, конечно, не было безболѣзненнымъ и идиллическимъ. Въ теченіе всего XIX вѣка, какъ и въ началѣ XX-го, въ Бельгіи шла ожесточенная борьба между обѣими ея „историческими“ партіями—кле-

рикальной и либеральной, къ которымъ въ восьмидесятихъ годахъ присоединилась еще партія рабочая. Чрезвычайно интенсивный ростъ бельгийской промышленности и торговли тоже не могъ не вызывать острыхъ социальныхъ конфликтовъ и кризисовъ. Маленькая Бельгія занимаетъ очень видное мѣсто въ мировомъ хозяйствѣ. Ея промышленность достигла самаго пышнаго расцвѣта. Ея торговля ставитъ ее на одинъ уровень съ самыми старыми и мощными торговыми странами. Внешняя торговля Бельгии превышаетъ торговлю Россіи, Итали и Австро-Венгрии, уступая лишь торговлѣ Англи, Соединенныхъ Штатовъ, Германии, Франціи и Голландіи. Такая гигантская экономическая эволюція должна была наложить свой отпечатокъ на всю бельгийскую культуру, на весь бельгийскій „бытъ“. Соціальная борьба часто достигала въ Бельгии большого напряженія. Соціальныя противорѣчія давали себя знать въ ней съ большою остротой. Но та же самая соціальная борьба породила и бельгийское рабочее движеніе, трезвое и дѣловитое и съ чрезвычайной чуткостью относящееся и къ материальнымъ, и къ духовнымъ запросамъ и нуждамъ бельгийской демократіи.

Иными словами, современная бельгийская культура — это типичная „городская“, торгово-промышленная культура, со всѣми ея неизбѣжными мрачными сторонами. Но эта культура и въ наши дни блещетъ тѣми же свѣтлыми чертами, которыми справедливо гордились вольнолюбивые бельгийскіе горожане еще въ средніе вѣка. Бельгийцы-капиталисты и бельгийцы-рабочіе, бельгийцы-коммерсанты и бельгийцы-промышленники остались прежде всего смѣлыми и мужественными гражданами свободной страны, вѣрными своимъ историческимъ традиціямъ и готовыми до послѣдней капли крови защищать свою родину. Въ 1830 году всѣ бельгийцы сплотились вокругъ временнаго правительства, ведшаго ихъ къ государственной независимости. Такъ, на нашихъ глазахъ потомки бельгийскихъ революціонеровъ всѣ до послѣдняго человѣка пошли за королемъ Альбертомъ I, которому Европа единодушно присудила имя короля-героя, но который не меньше заслужилъ и почетный титулъ короля-гражданина.

Сорокъ четыре года тому назадъ, когда воспоминанія перваго „героическаго“ періода бельгийской независимости были еще живы у всѣхъ въ памяти, Гладстонъ посвятилъ Бельгии слѣдующія восторженные и прочувствованныя слова:

— „Что такое Бельгія?—восклицалъ великій старецъ въ засѣданіи палаты общинъ 10 августа 1870 года.— Это страна съ пятью милліонами жителей, имѣющихъ великое историческое прошлое и обладающихъ такимъ же пылкимъ и чистымъ національнымъ чувствомъ, какое заставляетъ биться сердца самыхъ могущественныхъ народовъ. Среди революціонныхъ потрясеній и кризисовъ нашей эпохи Бельгія всегда такъ

устраивала свои внутреннія дѣла, что дала всей Европѣ примѣръ добраго и прочнаго правительства, совмѣщаемаго съ самыми широкими политическими свободами. Въ виду такихъ особенностей этой страны, среди моихъ слушателей не найдется, конечно, никого, кто не понималъ бы, что вѣсть объ уничтоженіи Бельгіи въ угоду чьимъ-либо аппетитамъ прозвучала бы на всю Европу погребальнымъ звономъ всякому публичному праву и всѣмъ международнымъ законамъ“.

Такъ какъ тогда, въ 1870 году, какъ и лѣтомъ прошлаго года, шла рѣчь объ угрозѣ независимости Бельгіи со стороны ея сосѣдей, англійскій первый министръ заключалъ:

— „Въ независимости Бельгіи Англія заинтересована больше, чѣмъ въ буквальномъ исполненіи договора, въ которомъ она принимала участіе. Эта заинтересованность основывается на слѣдующемъ соображеніи. Можетъ ли сильная и вліятельная Англія присутствовать въ качествѣ безразличнаго свидѣтеля или даже сообщника при совершеніи самаго жестокаго преступленія, какое когда-либо оскверняло страницы исторіи?!“

2.

— „Съ полнымъ основаніемъ всѣ видятъ въ Бельгіи мощную индивидуальность. Такъ же, какъ перешеекъ, отдѣляющій Эгейское море отъ моря Ионическаго, препятствуетъ столкновенію и смѣшенію ихъ волнъ, такъ и наша маленькая Бельгія сдерживаетъ сосѣднія великія имперіи, которыя безъ нея раздвинулись бы во всѣ стороны и захватили бы все“. — Это изреченіе профессора лейденскаго университета Юстуса Липсіуса, умершаго въ Лувенѣ въ 1606 году, часто приводится въ сочиненіяхъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ, какъ доказательство того, что нейтрализація Бельгіи была „предопредѣлена“ всей ея исторіей, что Бельгіи было „на роду написано“ стать „постоянно нейтральнымъ“ государствомъ. Противъ такого взгляда на историческія основы нейтралитета Бельгіи можно спорить. Можно утверждать, что исторія бельгійскихъ провинцій могла бы привести ихъ и къ порабощенію, частичному или полному, одному изъ сосѣдей или къ раздѣлу между сосѣдями. Но нельзя отрицать того, что изреченіе лейденскаго профессора очень просто и очень правильно характеризуетъ особенности географическаго положенія Бельгіи, благодаря которымъ независимость Бельгіи, съ точки зрѣнія и собственно бельгійскихъ и обще-европейскихъ интересовъ, требовала своеобразныхъ международно-правовыхъ гарантій. Независимой Бельгіи могло и не быть. Но разъ возникло независимое бельгійское государство, ему естественнѣе всего было стать и государствомъ „постоянно нейтральнымъ“ ¹⁾.

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе исторіи бельгійскаго нейтралитета основано главнымъ образомъ на книгѣ бар. В. Э. Нольде. „Постоянно нейтральное государство“, 1905,

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1581 году семь сѣверныхъ провинцій Нидерландовъ образовали независимую республику, южныя бельгійскія провинціи были нѣсколько столѣтій подъ-рядъ театромъ ожесточенныхъ военныхъ столкновений между Франціей, Испаніей, Австріей и Нидерландами. Въ рядѣ войнъ, которыя велись этими государствами, Бельгія всегда принимала на себя первые и самые чувствительные удары. Бельгіей крайне интересовались поэтому и Франція, которая склонна была включить ее въ свои границы, и противники Франціи, которые пытались создать изъ Бельгіи „барьеръ“ противъ завоевательныхъ замысловъ французскихъ правительствъ. Уже въ XVII вѣкѣ Ришелье думалъ выйти изъ этихъ вѣчныхъ затруднений путемъ осуществленія проекта, весьма близкаго къ проекту нейтрализаціи Бельгіи. По предположеніямъ Ришелье, Бельгія должна была стать независимой и находиться въ „постоянномъ союзѣ“ со всѣми сосѣдними государствами. Проектъ Ришелье потерпѣлъ неудачу, и дальнѣйшее развитіе бельгійскаго вопроса получило на долгое время направленіе одностороннее, анти-французское. Усиліями Нидерландовъ и Австріи, на основаніи Утрехтскаго трактата 1713 года, и Антверпенскаго договора 1715 года, на территории Бельгіи былъ фактически воздвигнутъ „барьеръ“ изъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей и городовъ, гарнизоны въ которыхъ, по уполномочію императора, должны были держать голландцы. Система „барьера“ рухнула въ 1795 году, когда великая французская революція включила Бельгію въ составъ французской республики и положила конецъ самостоятельности Нидерландовъ. Въ 1803 году Наполеонъ, тогда еще первый консулъ, для того чтобы окончательно ликвидировать систему „барьера“, распорядился „деклассировать“ бельгійскія крѣпости. Но въ 1815 году, по инициативѣ Англій, руководившей дѣйствіями анти-французской коалиціи, „барьеръ“ былъ восстановленъ. Для этого бельгійскія провинціи были присоединены къ Голландіи и, такимъ образомъ, Франціи противопоставлено новое „*état d'équilibre*“ — королевство Нидерландовъ.

Таково было положеніе вещей, когда въ 1830 году Бельгія отложила отъ Голландіи и провозгласила свою независимость. Система „барьера“ рушилась еще разъ, и восстановить ее въ прежней формѣ

представляющей наиболѣе полное и точное изслѣдованіе вопроса. Кромѣ того, были приняты во вниманіе: *Dollot*. „*Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la Barrière*“, 1902. *Sorel*. „*Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande*“, 1875. *Rolin-Jaequemyns*. „*La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international*“, 1870—1871. При изложеніи событій минувшаго лѣта были использованы матеріалы англійской „Синей книги“, вмѣстѣ съ дополнительно пзданнымъ донесеніемъ сэра Эдуарда Гошена, бельгійской „Сѣрой книги“ и французской „Желтой книги“. Для послѣдующаго періода приходилось прибѣгать къ газетному и журнальному матеріалу.

было уже, очевидно, немислимо. Европѣ приходилось считаться съ совершившимся фактомъ и найти такую международно-правовую характеристику Бельгии, которая, по возможности, примирила бы всѣ скрещивавшіяся на бельгійской территоріи противорѣчивые интересы. Послѣ продолжительныхъ усилій такая характеристика и была найдена на лондонской конференціи представителей пяти великихъ державъ, которые 4 ноября 1830 года предложили Бельгии и Голландіи прекратить военныя дѣйствія и вывести войска за предѣлы линіи, раздѣлявшей Голландію и Бельгію до 1814 года, принимая на себя заботы о дальнѣйшемъ ходѣ событий.

Это, конечно, совершенно случайное, но очень любопытное совпаденіе, что первый проектъ нейтрализаціи Бельгии исходилъ отъ графа Матушевича, представлявшаго Россію на лондонской конференціи.

— „Меня спросятъ,—писалъ онъ графу Пессельроде 3 (15) ноября 1830 года,—что слѣдуетъ дѣлать... Средство для спасенія Бельгии отъ Франціи и Голландіи, и Голландіи отъ Бельгии было бы слѣдующее. Пять державъ гарантируютъ сообща, посредствомъ протокола или трактата, существованіе бельгійскаго королевства и объявляютъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни нападать на него, ни занимать его безъ согласія четырехъ другихъ державъ, и что, кромѣ того, онѣ гарантируютъ равнымъ образомъ Голландію отъ всякаго нападенія со стороны Бельгии“. Идея постояннаго нейтралитета Бельгии, очевидно, настолько всетаки подсказывалась ходомъ исторіи, настолько, можно сказать, носилась въ воздухѣ, что ее тотчасъ же подхватили и делегаты Франціи, Талейранъ, и делегатъ Пруссіи, Бюловъ.

Въ одиннадцатомъ протоколѣ лондонской конференціи отъ 20 января 1831 года имѣются уже статьи 5-я и 6-я, которыя представляютъ собою первоначальный набросокъ формулы постояннаго бельгійскаго нейтралитета, гарантируемаго пятью великими державами. Этой формулѣ не сразу суждено было стать международно-правовой нормой, и послѣ долгихъ усилій только 14 октября 1831 года въ сорокъ девятомъ протоколѣ конференціи изложила окончательныя условія бельгійско-голландскаго мира. Послѣ того какъ Бельгія приняла эти условія, а Голландія ихъ отвергла, 15 ноября между пятью великими державами и Бельгіей былъ подписанъ договоръ, въ статьѣ 7 котораго былъ охарактеризованъ бельгійскій нейтралитетъ, а въ статьѣ 25 дана ему гарантія пяти великихъ державъ.

Прошло семь съ половиною лѣтъ, прежде чѣмъ Голландія примирилась съ независимостью Бельгии и признала ея своеобразное международное положеніе. 14 апрѣля 1839 года между Бельгіей и Голландіей былъ, наконецъ, подписанъ въ Лондонѣ мирный договоръ, состоявшій изъ исправленныхъ двадцати четырехъ статей договора 15 ноября.

Статья 7-я этого договора, повторившая дословно статью 7-ю договора 15 ноября, гласила:

„Бельгія въ предѣлахъ, означенныхъ въ статьяхъ 1-й, 2-й и 4-й, образуетъ независимое и постоянно нейтральное государство; она обязуется соблюдать нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ государствамъ“.

Въ тотъ же день между пятью великими державами и Бельгіей былъ подписанъ другой договоръ, отмѣнявшій договоръ 1831 года и въ статьѣ 1-й постановлявшій:

„Е. И. В. Императоръ Всероссійскій, е. в. императоръ Австрійскій, король Венгріи и Богеміи, е. в. императоръ Французовъ, е. в. королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и е. в. король Пруссійскій заявляютъ, что приложенныя къ сему статьи, воспроизводящія содержаніе договора, заключеннаго въ этотъ же день между е. в. королемъ Бельгійцевъ и е. в. королемъ Нидерландовъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ, признаются имѣющими ту же самую силу и значеніе, какъ если бы онѣ были дословно внесены въ настоящій актъ, и что онѣ, такимъ образомъ, ставятся подъ гарантію Ихъ Величествъ“.

Такъ началось существованіе формально признаннаго и гарантированнаго Англійей, Австріей, Пруссіей, Франціей и Россіей постоянного нейтралитета независимой Бельгіи. Этотъ нейтралитетъ представлялъ собой наилучшій возможный компромиссъ между заинтересованными въ бельгійскомъ вопросѣ сторонами. Нейтральная Бельгія сохранила свое значеніе „барьера“, локализующаго и смягчающаго столкновенія раздѣленныхъ ею другъ отъ друга государствъ. Но это былъ „барьеръ“ не анти-французскій, не анти-германскій и не анти-англійскій. Это былъ „барьеръ“ *европейскій*, воздвигнутый въ интересахъ обще-европейскаго равновѣсія и спокойствія.

3.

Первому серьезному испытанію постоянный нейтралитетъ Бельгіи подвергся во время франко-прусской войны. Конечно, и до 1870 года вокругъ Бельгіи не было абсолютнаго покоя. Такъ, февральская революція 1848 года доставила во Франціи преобладающее вліяніе партіи, внѣшняя политика которой покоилась на идеѣ „естественныхъ границъ“, и могла поэтому представлять угрозу для европейскаго равновѣсія, установившагося въ періодъ между 1831 и 1839 годами. Дѣйствительные или только предполагаемые завоевательные планы Франціи тотчасъ же вызвали соотвѣтствующую реакцію въ средѣ другихъ участвовавшихъ въ договорѣ 1839 года державъ, и между Англійей и Пруссіей было достигнуто неформальное соглашеніе о совмѣстной защитѣ нейтралитета

Бельгии отъ посягательствъ со стороны Франціи. Но только въ 1870 году, когда вспыхнувшій между Франціей и Пруссіей вооруженный конфликтъ подвергъ уже вполне реальной опасности неприкосновенность бельгійской территории, всѣ заинтересованныя державы получили возможность еще разъ повѣрить свое отношеніе къ нейтральной Бельгии, и изъ этой повѣрки постоянный нейтралитетъ бельгійскаго королевства вышелъ не поколебленнымъ, а вновь признаннымъ и укрѣпленнымъ.

Тотчасъ же по возникновеніи войны правительства обѣихъ воюющихъ сторонъ поспѣшили сдѣлать Бельгии самыя успокоительныя заявленія насчетъ ея нейтралитета. 16 іюля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ бельгійскому посланнику въ Парижѣ: „Правительство императора рѣшило уважать нейтралитетъ бельгійскихъ территорій подъ условіемъ, что онъ будетъ уважаемъ Пруссіей и ея союзниками“. Аналогичныя обѣщанія были даны бельгійскому посланнику въ Берлинѣ и канцлеромъ унаслѣдовавшаго международныя права и обязанности Пруссіи Сѣверо-Германскаго союза. При этомъ Бисмаркъ, съ извѣстнымъ кокетствомъ особо подчеркнулъ ненужность какихъ-либо дополнительныхъ гарантій при наличности договора 1839 года.—„Имѣю честь дать письменное завѣреніе,—говорилъ онъ,—хотя и излишнее въ виду существующихъ договоровъ, что Сѣверо-Германскій союзъ и его союзники будутъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, если этотъ нейтралитетъ будетъ уважаться и другой воюющей стороной“.

Но кромѣ Франціи и Пруссіи, въ бельгійскомъ нейтралитетѣ была заинтересована Англія, и тогда уже въ своей бельгійской политикѣ руководившаяся двоякаго рода мотивами—чисто политическимъ расчетомъ, заставлявшимъ ее ревниво оберегать бельгійское побережье отъ овладѣнія какою-либо великой державой, и началами моральнаго порядка, побуждавшими ее охранять созданное при ея помощи маленькое цвѣтущее государство. Въ словахъ лорда Джона Росселя, сказанныхъ въ палатѣ лордовъ 2 августа, громко звучитъ именно эта нота не только юридической, но и моральной связанности Англіи по отношенію къ Бельгии.—„Наши обязательства по отношенію къ Бельгии,—говорилъ лордъ Джонъ,—принадлежать къ числу наиболѣе для насъ священныхъ. Мы приняли эти обязательства отдѣльно за себя и совмѣстно съ другими державами. Намъ нечего выбирать между нѣсколькими открывающимися передъ нами путями. Мы должны слѣдовать однимъ путемъ, и этотъ единственный путь есть путь чести. Мы обязаны защищать Бельгию“.

Свою рѣшимость отстаивать во что бы то ни стало независимость и нейтралитетъ бельгійскаго королевства Англія сочла нужнымъ зафиксировать въ опредѣленныхъ международно-правовыхъ документахъ. Она потребовала, прежде всего, соответствующихъ обѣщаній отъ Сѣ-

веро-Германскаго союза и Франціи. Оба правительства повторили ей заявленія, только что сдѣланныя Бельгіи. Но поощряемая Бельгіей, которая научилась видѣть въ ней свою самую вѣрную и послѣдовательную защитницу, Англія продолжала дипломатическія сношенія съ Берлиномъ и Парижемъ до тѣхъ поръ, пока ей не удалось въ двухъ договорахъ, заключенныхъ 9 августа съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и 11 августа съ Франціей, получить отъ воюющихъ государствъ новое торжественное подтвержденіе ихъ вѣрности соглашенію 1839 года.

Существенное содержаніе этихъ двухъ тождественныхъ соглашеній сводилось къ тому, что Англія обязывалась оказать вооруженную помощь Франціи или Сѣверо-Германскому союзу въ дѣлѣ охраны бельгійскаго нейтралитета, въ случаѣ нарушенія его противной стороной. Соглашенія эти должны были сохранять силу до окончанія войны между Сѣверо-Германскимъ союзомъ и Франціей, и въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ по ратификаціи мирнаго договора. Съ истеченіемъ же этого срока независимость и нейтралитетъ Бельгіи должны были попрежнему основываться на статьѣ первой пятернаго договора 19 апрѣля 1839 г.

Смыслъ этихъ договоровъ не нуждается, повидимому, въ комментаріяхъ. Но значеніе ихъ было еще болѣе рѣзко подчеркнута бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ д'Анетаномъ.—„Эти тождественныя сепаратныя соглашенія,—говорилъ онъ въ палатѣ представителей 16 августа,—не создаютъ и не измѣняютъ обязательствъ, вытекающихъ изъ договора 1839 года. Они только нормируютъ для опредѣленнаго случая практическій порядокъ осуществленія этихъ обязательствъ. Они ни въ чемъ не умаляютъ обязанностей, принятыхъ прочими державами, участвовавшими въ договорѣ 1839 года, и, какъ явствуетъ изъ ихъ текста, они сохраняютъ въ неприкосновенности на будущее время договоръ 1839 года и всѣ вытекающіе изъ него выводы“.

Окруженная такой двойной цѣлью международныхъ соглашеній, нейтральная Бельгія благополучно пережила кризисъ 1870 — 1871 года. Бельгійское правительство очень точно понимало обязанности, возлагаемыя на него нейтралитетомъ, и обнаруживало въ соблюденіи ихъ щепетильность, доходившую даже до нѣсколько утрированнаго педантизма.

19 юля была объявлена война. Уже 21 юля бельгійское правительство циркулярно сообщило своимъ дипломатическимъ представителямъ за границей: „Мы охраняемъ всѣми нашими силами дороги, ведущія на нашу территорию, полагая долгомъ чести не допускать на нихъ вооруженныхъ силъ воюющихъ“. Соответствующія инструкціи были даны мѣстнымъ властямъ и въ точности исполнялись ими всякій разъ, когда солдаты воюющихъ государствъ, группами или поодиночкѣ, вооруженные или безоружные, приближались къ бельгійской границѣ. Бельгійскіе отряды выходили имъ навстрѣчу и выкидывали, рядомъ съ національнымъ фла-

гомъ, бѣлый парламентарскій флагъ. Согласно сообщенію, опубликованному въ официальной бельгійской газетѣ, „пограничнымъ властямъ было указано, что онѣ могутъ допускать солдатъ воюющихъ армій на бельгійскую территорию только при условіи: для офицеровъ—дачи письменнаго обязательства не покидать Бельгии до окончанія войны, а для солдатъ—личнаго задержанія“. Столь же суровый режимъ бельгійское правительство примѣняло и по отношенію къ раненымъ. Въ концѣ августа Сѣверо-Американское правительство обратилось къ нему съ просьбой допустить провозъ черезъ территорию Бельгии раненыхъ французскихъ и прусскихъ солдатъ. Бельгійское правительство раньше, чѣмъ дать отвѣтъ, запросило французское правительство о его мнѣніи. Такъ какъ французское правительство отвѣтило, что оно усмотрѣло бы въ пропускѣ раненыхъ пруссаковъ нарушеніе нейтралитета Бельгии, бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отклонилъ просьбу Сѣверо-Германскаго союза. Только однажды территория Бельгии подверглась серьезному нарушенію со стороны французскихъ „вольныхъ стрѣлковъ“. 6 декабря отрядомъ „вольныхъ стрѣлковъ“ былъ захваченъ на бельгійской территоріи прусскій мальпостъ, перевозившій официальные депеши изъ Германии и направлявшійся черезъ Бельгію къ Седану. Въ свое оправданіе французы указывали на то, что мальпостъ сопровождалъ отрядъ прусскихъ улановъ, и что, такимъ образомъ, пруссаки первые нарушили бельгійскій нейтралитетъ. Какъ бы то ни было, благодаря энергичному вмѣшательству бельгійскихъ военныхъ и гражданскихъ властей, уже 7 декабря почта была въ полной неприкосновенности возвращена Пруссіи и отправлена по назначенію.

Лучшимъ доказательствомъ корректности бельгійскаго правительства служить, впрочемъ, отношеніе къ нему правительства Сѣверо-Германскаго союза. Зорко слѣдившій за тѣмъ, чтобы нейтральные государства ни на югу не уклонялись отъ своихъ обязанностей и очень энергично воздѣйствовавшій въ этомъ смыслѣ на Люксембургъ, Бисмаркъ ни разу не имѣлъ повода сдѣлать сколько-нибудь серьезныя представленія брюссельскому кабинету. Только однажды, 8 октября, посланникъ Сѣверо-Германскаго союза сдѣлалъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя указанія на „враждебное отношеніе“ бельгійской прессы къ Германии,—указанія, носившія вполне дружественный характеръ и не имѣвшія дальнѣйшихъ послѣдствій.

Когда франко-прусская война была окончена Франкфуртскимъ мирнымъ трактатомъ и черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ того истекъ срокъ соглашеній, заключенныхъ въ августѣ 1870 года между Англійей, Франціей и Сѣверо-Германскимъ союзомъ, Бельгія могла съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ оглянуться на пережитое ею тревожное время. При щепетильной вѣрности ея правительства договору 1839 года и ве-

ликодушной и проникательной помощи Англи, Бельгія съ успѣхомъ сыграла свою роль нейтральнаго „перешейка“, о который разбивались и благодаря которому не разлились въ безбрежное море волны франко-прусскаго вооруженнаго столкновения.

4.

Въ теченіе тридцати лѣтъ относительно прочнаго мира въ Европѣ Бельгія наслаждалась почти полнымъ спокойствіемъ, и понемногу у нея создавалась репутація страны, безмятежно пользующейся щедрыми дарами великодушно гарантированнаго ей великими державами безопаснаго существованія.

Однако, какъ только притязанія Германіи на гегемонію въ міровой политикѣ вызвали обостреніе международныхъ отношеній, Бельгія начала дрожать за свой нейтралитетъ. Дважды, въ 1905 году, послѣ поѣздки императора Вильгельма въ Танжеръ, и въ 1911 году, въ моментъ начавшагося Агадирскимъ инцидентомъ политическаго кризиса, Бельгія вынуждена была спѣшно принимать мѣры по приведенію въ боевую готовность своихъ укрѣпленій и своей арміи, въ чемъ она видѣла долгъ чести не только передъ своею собственною исторіей, но и передъ великодержавной Европой. Подъ впечатлѣніемъ событій 1905 года въ Бельгии усилилась агитація за введеніе всеобщей воинской повинности, которая привела къ „военной реформѣ“ 1909 года. Въ 1911 году положеніе было еще болѣе тревожно. Въ концѣ августа, когда франко-германскій конфликтъ началъ принимать критическій оборотъ, бельгійское правительство распорядилось ускорить работы по укрѣпленію линіи Мааса. Контингентъ призыва 1909 года былъ оставленъ подъ знаменами. Гарнизоны въ пограничныхъ городахъ были значительно усилены. По соображеніямъ все той же международной корректности, военныя мѣры принимались одинаково и на германской и на французской границѣ. Въ 1913 году въ Бельгии опять была на очереди „военная реформа“. Защищая проектъ ея, клерикальное министерство де-Броквилля совершенно недвусмысленно указывало парламенту на тѣ грозныя опасности, которыя ожидали бы Бельгію въ случаѣ новой франко-германской войны. Событія не замедлили показать, что бельгійское правительство правильно оцѣнивало международное положеніе, и что мѣры по усилению боевой готовности Бельгии были болѣе чѣмъ своевременны.

Лѣтомъ 1914 года бельгійское правительство зорко слѣдило за всѣми перипетіями международнаго кризиса, съ самаго момента врученія Сербіи австрійскаго ультиматума. Австрійскій ультиматумъ былъ врученъ въ Бѣлградѣ 10 юля. Уже 11 юля бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Давиньонъ циркулярно далъ посланникамъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Петроградѣ инструкціи относительно шаговъ, которые должны

были бы предприняты, если бы франко-германская война стала неизбежной. Дипломатические представители Бельгии при державахъ, подписавшихъ договоръ 1839 года, должны были вручить министрамъ иностранныхъ дѣлъ заблаговременно доставленное имъ письмо, въ которомъ излагалась точка зрѣнія Бельгии на текущія событія.

„Бельгія,—говорилось въ этомъ письмѣ—соблюдала съ величайшей добросовѣстностью и точностью обязанности нейтральнаго государства, возложенныя на нее договоромъ 19 апрѣля 1839 года. Эти обязанности она будетъ непоколебимо исполнять, какъ бы ни сложились обстоятельства. Державы такъ часто свидѣтельствовали Бельгии свое расположеніе, что она съ довѣріемъ ожидаетъ, что ея территорія останется неприкосновенной, даже если военныя дѣйствія будутъ происходить вблизи ея границъ. Тѣмъ не менѣе королевскимъ правительствомъ приняты всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія нейтралитета Бельгии. Бельгійская армія мобилизована и находится на стратегическихъ позиціяхъ, избранныхъ для наилучшей обороны неприкосновенности страны и ея нейтралитета. Форты Антверпена и Мааса приведены въ состояніе боевой готовности. Едва ли необходимо объяснять характеръ этихъ мѣръ. Онѣ преслѣдуютъ только одну цѣль—дать Бельгии возможность исполнить ея международныя обязательства. Само собой разумѣется, онѣ не внушены и не могли быть внушены ни желаніемъ принять непосредственное участіе въ вооруженной борьбѣ державъ, ни недовѣріемъ къ какой-либо изъ нихъ“.

16 іюля бельгійское правительство привело армію на положеніе усиленнаго мирнаго состава. Два дня спустя былъ изданъ указъ о мобилизаціи.

Въ то время какъ Бельгія на всякій случай готовилась къ оборонѣ своихъ границъ, въ Лондонѣ сэръ Эдуардъ Грэй слѣдовалъ возвышеннымъ примѣрамъ политики Гладстона и Джона Росселя. 18 іюля онъ телеграфировалъ въ Берлинъ сэру Эдуарду Гошену и въ Парижъ сэру Френсису Берти: „Я продолжаю считать положеніе не безнадежнымъ, но, въ виду германской мобилизаціи, правительство Е. В., основываясь на существующихъ договорахъ, признаетъ необходимымъ освѣдомиться, готово ли германское (французское) правительство обязаться уважать нейтралитетъ Бельгии до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ другою стороною“. Въ тотъ же день онъ извѣстилъ англійскаго посланника въ Брюссель о содержаніи депешъ, посланныхъ въ Берлинъ и въ Парижъ, и поручилъ выразить бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ увѣренность Англии, что „бельгійское правительство до послѣднихъ предѣловъ возможности будетъ отстаивать нейтралитетъ Бельгии“. Бельгійскій министръ поблагодарилъ сэра Френсиса Вильерса за это „особо цѣнное сообщеніе“ и прибавилъ, что „Великобританія и прочія державы, гарантировавшія независимость Бельгии, могутъ быть увѣрены, что

Бельгія употребить всѣ усилія для охраны своего нейтралитета, но что бельгійское правительство убѣждено, что, при наличности у Бельгіи самыхъ дружественныхъ и довѣрчивыхъ отношеній со всѣми великими державами, эти державы сами будутъ уважать и охранять ея нейтралитетъ“. Министръ сказалъ еще, что вооруженныя силы Бельгіи, значительно увеличенныя за послѣдніе годы, даютъ ей возможность энергично противодѣйствовать всякому покушенію на неприкосновенность ея территоріи.

Того же 18 іюля, утромъ, генеральный секретарь бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ имѣлъ бесѣду съ германскимъ посланникомъ фонъ-Беловымъ, которому выяснилъ значеніе принятыхъ Бельгіей военныхъ мѣръ. Генеральный секретарь спросилъ при этомъ германскаго посланника, извѣстно ли ему заявленіе германскаго канцлера по вопросу о нейтралитетѣ Бельгіи, переданное въ Брюсселѣ въ 1911 году предшественникомъ фонъ-Белова, фонъ-Флотовымъ. Имперскій канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ поручилъ тогда германскому посланнику заявить, что онъ серьезно задѣтъ подозрительностью бельгійскаго правительства и что Германія не имѣетъ никакого намѣренія нарушать нейтралитетъ Бельгіи. Германскій канцлеръ находилъ, однако, что Германія не могла бы сдѣлать на этотъ счетъ какое-либо официальное сообщеніе, не ослабляя себя въ военномъ отношеніи со стороны Франціи. Но нѣсколько времени спустя, 29 апрѣля 1913 года, въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага, соответствующія заявленія всетаки были сдѣланы германскимъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ и прусскимъ военнымъ министромъ. Отвѣчая на вопросъ депутата социаль-демократической партіи, фонъ-Яговъ сказалъ, что нейтралитетъ Бельгіи закрѣпленъ международнымъ договоромъ и что Германія твердо намѣрена уважать этотъ договоръ. Дальнѣйшіе вопросы социаль-демократическаго депутата побудили и военнаго министра заявить, что Германія не упускаетъ изъ виду, что нейтралитетъ Бельгіи гарантированъ международнымъ соглашеніемъ. Фонъ-Беловъ завѣрилъ 18 іюля генеральнаго секретаря бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что содержаніе разговора съ фонъ-Флотовымъ ему извѣстно, и что онъ убѣжденъ, что выраженныя отъ имени Германіи чувства съ тѣхъ поръ не измѣнились.

Пока въ Брюсселѣ происходилъ этотъ дружественный обмѣнъ мнѣній между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и германскимъ посланникомъ, въ Лондонѣ были получены отвѣты Германіи и Франціи по поводу бельгійскаго нейтралитета. Отвѣтъ французскаго правительства былъ вполне удовлетворителенъ. Сообщеніе, официально сдѣланное англійскому послу въ Парижѣ и переданное въ Брюсселѣ французскимъ посланникомъ Клобуковскимъ, гласило, что „правительство республики твердо намѣрено уважать нейтралитетъ Бельгіи, и что только въ слу-

чаѣ, если этотъ нейтралитетъ будетъ нарушенъ другою державою, Франція можетъ оказаться вынужденной, для обезпеченія своей безопасности, измѣнить свое поведеніе“. Напротивъ, отвѣтъ Германіи убѣдительно свидѣтельствовалъ о томъ, что правительство Вильгельма II, по ображеніямъ цѣлесообразности, предпочитало уклониться отъ категорическаго обѣщанія уважать международный договоръ, который въ 1870 году казался Бисмарку ненуждающимся въ какихъ-либо гарантіяхъ. Англійскій посолъ въ Берлинѣ телеграфировалъ сэру Эдуарду Грэю, что имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ не далъ опредѣленнаго отвѣта на его запросъ, сославшись на необходимость посовѣтоваться предварительно съ императоромъ и канцлеромъ. Кромѣ того, изъ разговоровъ съ фонъ-Яговымъ сэръ Эдуардъ Гошешъ вынесъ впечатлѣніе, что германское правительство полагаетъ, что Бельгіей были уже допущены нѣкоторые враждебные акты по отношенію къ Германіи. Въ частности, фонъ-Яговъ указалъ, что Бельгія наложила эмбарго на транспортъ зерна, предназначавшійся для Германіи. При личномъ свиданіи съ германскимъ посломъ княземъ Лихновскимъ сэръ Эдуардъ Грэй не преминулъ выразить свое глубочайшее сожалѣніе по поводу такого отвѣта германскаго правительства.—„Вопросъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ,—говорилъ онъ 19 іюля,—чувствительно затрогиваетъ общественное мнѣніе Англии. Если бы Германія рѣшила дать по этому вопросу такое же завѣреніе, какое только что было дано Франціей, она содѣйствовала бы этимъ устраненію царящей въ Англии тревоги. Напротивъ, если бы нейтралитетъ Бельгіи былъ нарушенъ одною изъ воюющихъ сторонъ въ то время, какъ другая продолжала бы уважать его, то было бы чрезвычайно трудно сдержать общественное негодованіе въ Англии“.

Между тѣмъ событія продолжали развиваться, принимая все болѣе и болѣе критическій оборотъ. 19 іюля Германія объявила войну Россіи. 20 іюля германскія войска вторглись въ предѣлы Люксембурга, направляясь къ французской границѣ. Огромныя массы войскъ были сосредоточены въ Эльзасѣ-Лотарингіи и у бельгійской границы. Въ Лондонѣ и въ Берлинѣ германская дипломатія напрягала послѣднія усилія для того, чтобы добиться сохраненія Англійей нейтралитета. Несмотря на такое положеніе вещей, сэръ Эдуардъ Грэй все еще воздерживался отъ дачи Бельгіи какихъ-либо опредѣленныхъ обѣщаній. Утромъ 20 іюля французскій посолъ въ Лондонѣ посѣтилъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ и спросилъ его о взглядахъ англійскаго правительства на нарушеніе нейтралитета великаго герцогства Люксембургскаго. Сэръ Эдуардъ Грэй, ссылаясь на прецеденты 1867 года, замѣтилъ, что англійское правительство не считаетъ себя обязаннымъ защищать люксембургскій нейтралитетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Французскій посолъ спросилъ затѣмъ, какъ отнесется Англія къ нарушенію нейтралитета

Бельгии. Сэръ Эдуардъ сказалъ, что это совсѣмъ другое дѣло, и что „англійское правительство какъ разъ обсуждаетъ текстъ сообщенія, которое ему предстоитъ прочесть въ парламентѣ по вопросу о томъ, считать ли нарушеніе бельгійскаго нейтралитета за *casus belli* для Англии“.

Германскій посланникъ въ Брюсселѣ, видимо, былъ также настроенъ еще очень оптимистически. Бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ поставилъ фонъ-Белова въ извѣстность о сообщеніи, сдѣланномъ французскимъ посланникомъ Клобуковскимъ. 20 іюля въ личной бесѣдѣ съ министромъ фонъ-Беловъ поблагодарилъ бельгійское правительство за любезность и добавилъ, что онъ еще не получилъ порученія официально сдѣлать аналогичное заявленіе, но что бельгійскому правительству должно быть извѣстно его личное убѣжденіе, что Бельгія можетъ съ полнымъ довѣріемъ взирать на своихъ восточныхъ сосѣдей. Бельгійскій министръ, со своей стороны, подтвердилъ, что никакихъ сомнѣній насчетъ корректности Германіи у него нѣтъ, по всетаки высказался въ томъ смыслѣ, что формальное заявленіе германскаго правительства, которое всей Бельгіей было бы принято съ величайшею радостью и благодарностью, было бы чрезвычайно цѣнно.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора фонъ-Беловъ привезъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто ожидавшагося заявленія объ уваженіи бельгійскаго нейтралитета, ультимативную ноту слѣдующаго содержанія:

„Императорское правительство получило достовѣрныя свѣдѣнія о предстоящемъ движеніи французскихъ войскъ по линіи Мааса между Живе и Намюромъ. Эти свѣдѣнія не оставляютъ никакихъ сомнѣній насчетъ намѣренія Франціи вторгнуться въ Германію черезъ бельгійскую территорію. Императорское правительство не можетъ не опасаться, что Бельгія при всемъ своемъ желаніи не будетъ въ силахъ безъ посторонней помощи успѣшно отразить французское нашествіе и, такимъ образомъ, предотвратить угрожающую Германіи опасность. Долгъ самосохраненія повелѣваетъ Германіи предупредить нападеніе непріятели. Поэтому германское правительство будетъ чрезвычайно сожалѣть, если Бельгія усмотритъ враждебный противъ нея актъ въ томъ, что Германія для противодѣйствія своимъ противникамъ окажется вынужденной, со своей стороны, вступить на бельгійскую территорію.“

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, императорское правительство заявляетъ нижеслѣдующее:

1. Германія не имѣетъ въ виду никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Если Бельгія въ предстоящей войнѣ будетъ держаться дружественнаго Германіи нейтралитета, то германское правительство обязуется, по заключеніи мира, гарантировать въ полномъ объемѣ цѣлость и независимость королевства.

2. Германия обязуется, при соблюдении вышеуказанного условия, немедленно по заключении мира очистить территорию королевства.

3. В случае дружелюбного поведения Бельгии, Германия изъявляет готовность по соглашению с королевскими бельгийскими властями покупать за наличные деньги все необходимое для ее войск и возместити все убытки, которые будут причинены этими войсками.

4. Если же Бельгия отнесется к германским войскам враждебно и, в частности, будет создавать их движению препятствия сопротивлением маасских укреплений, а равно разрушением железнодорожных линий, дорог, туннелей и других сооружений, то Германия, к своему сожалению, окажется вынужденной отнестись к бельгийскому королевству, как к неприятельской стране. В этом случае Германия откажется от всяких обязательств по отношению к королевству и предоставит позднейшее урегулирование отношений между обоими государствами силе оружия.

Императорское правительство питает твердую надежду, что этот случай не будет иметь места и что королевское бельгийское правительство примет необходимые меры для предотвращения вышеупомянутых враждебных действий. При таких условиях, связывающих оба соседних государства дружественными узами еще более окрепнуть и упрочатся“.

Германский ультиматум был вручен министру иностранных дел 20 июля, в 7 часов вечера. Германия назначила Бельгии для ответа двенадцатичасовой срок. Не дожидаясь истечения этого срока и, видимо, желая как-нибудь подкрепить аргументацию германской ноты, фон-Белов в половине второго часа ночи с 20 на 21 июля пожелал видеть генерального секретаря бельгийского министерства иностранных дел и сообщил ему, что с „французских дирижаблей были сброшены бомбы и что, в нарушение международного права, до объявления войны, французский кавалерийский патруль перешел границу“. Генеральный секретарь естественно заинтересовался узнать, где собственно имели место эти факты. Фон-Белов ответил, что в „Германии“. Генеральный секретарь сказал, что в таком случае для него неясен смысл сообщения германского посланника, но фон-Белов возразил, что „действия Франции настолько противоречат международному праву, что дают повод предполагать возможность со стороны Франции и дальнейших правонарушений“.

В 7 часов утра 21 июля бельгийский министр иностранных дел передал германскому посланнику ответ на ультиматум.

„Посягнув на независимость Бельгии,—говорилось в этом ответе,—германское правительство допустило бы тягчайшее нарушение международного права. Никакие стратегические расчеты не могут оправдать такое правонарушение. Бельгийское же правительство, приняв сдѣ-

ланное ему предложеніе и тѣмъ самымъ измѣнивъ своимъ обязательствамъ по отношенію къ Европѣ, принесло бы въ жертву честь и достоинство Бельгии. Въ сознаниіи роли, которую уже болѣе восьмидесяти лѣтъ Бельгія играетъ въ цивилизованномъ мірѣ, бельгійское правительство отказывается вѣрить, что независимость Бельгіи можетъ быть спасена только цѣною поправа ея нейтралитета. Но если эта увѣренность окажется обманутой, то королевское правительство всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами отразитъ всякое покушеніе на права Бельгіи“.

О содержаніи своего отвѣта бельгійское правительство тотчасъ же увѣдомило Россію, Англию, Австрію и Голландію.

Несмотря на категорическій тонъ германскаго ультиматума, въ Бельгии, кажется, не совсѣмъ еще разувѣрились въ средствахъ дипломатическаго воздѣйствія на берлинскій кабинетъ. 21 іюля французскій военный агентъ въ Брюсселѣ предложилъ Бельгіи военную помощь Франціи въ размѣрѣ пяти армейскихъ корпусовъ. Бельгійское правительство отвѣтило благодарностью, но добавило, что оно не считаетъ своевременнымъ взывать къ защитѣ державъ и оставляетъ за собою право рѣшить позднѣе, какого поведенія ему слѣдуетъ держаться. Не прибѣгая пока къ коллективной помощи всѣхъ участвовавшихъ въ договорѣ 1839 года державъ, Бельгія, какъ и въ 1870 году, обратилась къ содѣйствію Англии. 21 іюля король Альбертъ телеграфировалъ королю Георгу: „Помня многочисленныя доказательства дружбы Вашего Величества и Вашихъ Предшественниковъ, дружественное отношеніе Англии къ Бельгіи въ 1870 году и новые знаки сочувствія, только что данныя намъ, я обращаюсь съ послѣднимъ призывомъ къ правительству Вашего Величества, прося его дипломатическаго вмѣшательства на защиту неприкосновенности Бельгіи“.

Ссылаясь на эту телеграмму и на германскій ультиматумъ, сэръ Эдуардъ Грэй послалъ въ Берлинъ новыя энергичныя инструкціи. „Правительство Е. В.,—телеграфировалъ онъ сэру Эдуарду Гошену 22 іюля,—считаетъ своимъ долгомъ протестовать противъ нарушенія договора, въ подписаніи котораго Германія участвовала наравнѣ съ нами, и требуетъ обѣщанія, что предъявленный Бельгіи ультиматумъ не будетъ имѣть послѣдствій, и что ея нейтралитетъ не будетъ нарушенъ Германіей. Вы имѣете потребовать немедленнаго отвѣта“.

Тѣмъ временемъ дипломатическія сношенія между Бельгіей и Германіей были уже прерваны. 22 іюля утромъ фонъ-Беловъ сообщилъ бельгійскому министру Давиньону, что, въ виду отказа Бельгіи принять „сдѣланныя съ добрыми намѣреніями предложенія императорскаго правительства“, Германія „приметъ необходимыя мѣры предосторожности“. Бельгійское правительство тотчасъ же вернуло фонъ-Белову его паспор-

та и предписало бельгийскому посланнику въ Германии покинуть Берлинъ. По сообщенію бельгийскаго главнаго штаба, германскія войска перешли границу при Гемменихъ. Одновременно Бельгія апеллировала къ помощи державъ-поручительницъ—Англи, Франціи и Россіи.

Освѣдомленный объ этихъ обстоятельствахъ, сэръ Эдуардъ Грэй поручилъ англійскому посланнику въ Бельгіи передать бельгийскому правительству, что „правительство Е. В. ожидаетъ, что Бельгія будетъ всѣми доступными ей средствами сопротивляться попыткамъ Германии нарушить ея нейтралитетъ, что правительство Е. В. окажетъ въ этомъ Бельгіи поддержку, и что оно готово, совмѣстно съ Россіей и Франціей, съ согласія Бельгіи, оказать бельгийскому правительству помощь для противодѣйствія германскому насилию и обезпеченія на будущія времена цѣлости и независимости бельгийскаго королевства“.

Со своей стороны, и германское правительство встревожилось, наконецъ, угрозой вмѣшательства Англи въ его споръ съ Бельгіей. 22 іюля статсъ-секретарь фонъ-Яговъ телеграфировалъ князю Лихновскому: „Благоволите разсѣять возможныя подозрѣнія британскаго правительства насчетъ нашихъ намѣреній. Повторите въ самой категорической формѣ наше заявленіе, что даже въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Бельгіей Германия ни въ коемъ случаѣ не аннектируетъ бельгийскую территорію. Искренность этого заявленія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы дали слово Голландіи уважать ея нейтралитетъ; между тѣмъ, очевидно, что мы не могли бы съ пользою для себя аннектировать бельгийскую территорію, не дѣлая въ то же время территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Голландіи. Германия вынуждена пренебречь бельгийскимъ нейтралитетомъ, такъ какъ для нея является вопросомъ жизни и смерти предупредить нападеніе Франціи“.

Но сильной поддержкой общественнаго мнѣнія и парламента и вѣрный исконнымъ морально-политическимъ традиціямъ Англи въ бельгийскомъ вопросѣ, сэръ Эдуардъ Грэй былъ непоколебимъ.—„Такъ какъ Германия отказывается дать относительно Бельгіи обѣщаніе, аналогичное тому, какое Франція дала на прошлой недѣлѣ на нашъ запросъ, сдѣланный одновременно въ Берлинѣ и въ Парижѣ,—телеграфировалъ онъ сэру Эдуарду Гошену,—то мы вынуждены повторить этотъ запросъ и потребовать удовлетворительнаго отвѣта, который долженъ быть полученъ здѣсь сегодня до 12 часовъ ночи. Если такого отвѣта не послѣдуетъ, вы имѣете потребовать ваши паспорта и сказать, что правительство Е. В. считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все находящееся въ его власти для охраны нейтралитета Бельгіи и осуществленія договора, который подписанъ наравнѣ съ нами и Германией“.

Двѣ послѣднія депеши сэра Эдуарда Грэя были получены въ Берлинѣ днемъ 22 іюля. Въ состоявшемся въ этотъ день засѣданіи рейхстага

имперскій канцлеръ съ полною откровенностью призналъ, что своимъ вторженіемъ въ Бельгію Германія грубо нарушила международное право.

— „Господа,—говорилъ онъ съ трибуны имперскаго парламента,—мы находимся въ состояніи необходимой обороны. Нужда не знаетъ запретовъ. Наши войска заняли Люксембургъ и, быть можетъ, вступили уже на территорію Бельгіи. Это противорѣчитъ международному праву. Правда, французское правительство заявило въ Брюсселѣ, что оно будетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи при условіи взаимности. Но мы знали, что у французовъ все готово къ нападенію. Франція могла ждать, а мы ждать не могли. Нападеніе французовъ на нашъ флангъ на нижнемъ Рейнѣ могло бы оказаться для насъ роковымъ. Поэтому мы вынуждены были игнорировать справедливые протесты правительствъ Люксембурга и Бельгіи. Правонарушеніе,—я открыто признаю это,—правонарушеніе, совершенное нами, будетъ нами исправлено, какъ только будетъ достигнута преслѣдуемая нами военная цѣль. Кто, какъ мы въ настоящую минуту, подвергается величайшей опасности и борется за свои высшія блага, тотъ можетъ думать только о томъ, какъ бы ему достичь своей цѣли“.

Засѣданіе рейхстага еще продолжалось, когда въ зданіе имперскаго парламента прибылъ сэръ Эдуардъ Гошенъ, чтобы поговорить со статс-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. На категорически поставленный ему англійскимъ посломъ вопросъ, намѣрена ли Германія уважать нейтралитетъ Бельгіи, фонъ-Яговъ отвѣтилъ отрицательно, сославшись на то, что германскія войска уже перешли бельгійскую границу. „Это нарушеніе бельгійскаго нейтралитета,—сказалъ германскій министръ,—было неизбѣжно, такъ какъ германцамъ совершенно необходимо проникнуть во Францію наиболѣе короткимъ и удобнымъ путемъ, чтобы предупредить французовъ и какъ можно скорѣе нанести имъ рѣшительный ударъ. Для Германіи это вопросъ жизни и смерти. Въ то время какъ главное преимущество Россіи заключается въ ея неисчерпаемыхъ запасахъ человѣческаго матеріала, главный козырь Германіи—это быстрота дѣйствій“. Сэръ Эдуардъ замѣтилъ, что дѣло чрезвычайно серьезно, и спросилъ, нельзя ли еще успѣть вывести германскія войска изъ Бельгіи. Фонъ-Яговъ возразилъ, что это абсолютно невозможно.

Было около семи часовъ вечера, когда сэръ Эдуардъ Гошенъ вновь посѣтилъ фонъ-Ягова въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и передалъ ему ультимативное требованіе англійскаго правительства до 12 часовъ ночи обязаться уважать нейтралитетъ Бельгіи. Фонъ-Яговъ повторилъ свой предыдущій отвѣтъ, еще разъ добавивъ, что соображенія безопасности германской имперіи безусловно требовали движенія германскихъ войскъ черезъ Бельгію. Англійскій посолъ настаивалъ и сказалъ, что, быть можетъ, до полуночи германское правительство измѣнитъ еще

свое мнѣніе. Но статсъ-секретарь сказалъ, что какой бы срокъ ни былъ ей данъ, Германия останется при своемъ рѣшеніи. „Въ такомъ случаѣ,— закончилъ разговоръ англійскій посоль,—я буду вынужденъ потребовать мой паспорт“.

Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Гошенъ отправился къ имперскому канцлеру. По свидѣтельству англійскаго дипломата, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ былъ очень взволнованъ и произнесъ цѣлый монологъ, длившійся почти 20 минутъ.

„Какъ,—воскликнулъ онъ,—изъ-за одного слова, изъ-за слова „нейтралитетъ“, которымъ такъ часто пренебрегаютъ въ военное время, изъ-за простого клочка бумаги великобританское правительство собирается объявить войну родственной націи, которая только и мечтала о томъ, чтобы быть другомъ Англии. Всѣ мои попытки въ этомъ направленіи уничтожены этимъ ужаснымъ рѣшеніемъ; вся политика, которой я слѣдовалъ на канцлерскомъ посту, рушится, какъ карточный домъ. Поведеніе Великобританіи непостижимо. То, что она дѣлаетъ—это ударъ въ спину человѣку, защищающему свою жизнь отъ двухъ враговъ“.

Англійскій посоль энергично протестовалъ и указалъ, что если нарушеніе бельгійскаго нейтралитета является для Германии, по соображеніямъ стратегическимъ, „вопросомъ жизни и смерти“, то для достоинства Великобританіи тоже является „вопросомъ жизни и смерти“ соблюдение торжественно даннаго обѣщанія и защита всѣми возможными силами нейтралитета Бельгіи. „Это торжественное обѣщаніе должно быть исполнено, ибо иначе, какое довѣріе можно было бы имѣть впредь къ обѣщаніямъ Великобританіи?“

24 іюля сэръ Эдуардъ Гошенъ покинулъ Берлинъ со всѣмъ составомъ посольства. Наканунѣ сэръ Френсисъ Вильерсъ довелъ до свѣдѣнія бельгійскаго правительства, что англійское правительство считаетъ отнынѣ вошедшимъ въ силу соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Германи, каковыя дѣйствія, по его мнѣнію, находятся въ полномъ согласіи съ договоромъ 1839 г. Аналогичныя заявленія сдѣлали бельгійскому правительству отъ имени своихъ кабинетовъ посланники французскій и русскій. 15 августа околнымъ путемъ черезъ Гаагу Австро-Венгрія послала Бельгіи ноту съ объявленіемъ войны. „Барьеръ“, въ теченіе 75 лѣтъ служившій опорой мира и равновѣсія Западной Европы, былъ, такимъ образомъ, „снятъ“. Борьба между германо-австрійскою коалиціей и франко-русскимъ союзомъ превратилась въ общеевропейскую, а затѣмъ и въ мировую войну.

5.

Первое время послѣ начала войны въ Германи по вопросу о нарушеніи нейтралитета Бельгіи всѣми поддерживалась та самая версія,

которая была изложена ф.-Бетманъ-Гольвегомъ въ засѣданіи рейхстага 22 юля. Такъ, опубликованное тогда же сообщеніе агентства Вольфа констатировало, что „имперскій канцлеръ откровенно призналъ, что Германія, вступая на бельгійскую территорию, нарушила начала международнаго права; онъ заявилъ также, что Германія намѣрена возмѣстить причиненный ею ущербъ“. Еще въ концѣ августа, въ бесѣдѣ съ представителемъ бюро датской печати, имперскій канцлеръ категорически высказывался въ этомъ же смыслѣ. „Совершенно вѣрно,—говорилъ онъ,—что мы нарушили нейтралитетъ Бельгии, будучи вынуждены къ тому горькою необходимостью. Но мы обѣщали Бельгии полную неприкосновенность и вознагражденіе за убытки въ случаѣ, если бы она согласилась считаться съ нашимъ положеніемъ. Если бы Бельгія поступила такъ, она пострадала бы столь же мало, какъ, напримѣръ, Люксембургъ“.

Но черезъ нѣсколько недѣль въ Германіи стало намѣчаться новое теченіе, возникновеніе котораго нужно, очевидно, объяснять негодованиемъ, вызваннымъ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета во всемъ культурномъ мірѣ, и которое поставило себѣ задачей „историко-юридическими“ аргументами доказать „правомѣрность“ германскаго вторженія въ Бельгію.

Если не считать явно нелѣпыхъ ссылокъ фонъ-Белова на правонарушенія, допущенныя французскими авіаторами и кавалеристами на германской территоріи, о которыхъ германскій посланникъ говорилъ во время своего ночнаго посѣщенія бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, единственный упрекъ, сдѣланный Германіей Бельгии до начала войны, заключался въ указаніи на задержаніе бельгійскими таможенными властями въ Антверпенѣ груза зерна, предназначавшагося для отправки въ Германію. Еще 18 іюля статсъ-секретарь фонъ-Яговъ упоминалъ объ этомъ „недружелюбномъ актѣ“ со стороны Бельгии въ бесѣдѣ съ сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ. Германскій посланникъ въ Брюсселѣ также протестовалъ по этому поводу передъ бельгійскимъ правительствомъ. Бельгійское правительство отнеслось къ этому протесту съ полной предупредительностью, и 20 іюля германскій грузъ былъ освобожденъ.

Въ октябрѣ германское правительство выдвинуло новые аргументы. Офиціозъ имперскаго канцлера *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* началъ печатаніе документовъ, найденныхъ германскими властями въ Брюсселѣ, въ архивахъ бельгійскаго генеральнаго штаба, и будто бы доказывающихъ, что уже въ 1906 г. Бельгія перестала быть нейтральной и заключила съ Англійей союзъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи.

На основаніи бумагъ, хранившихся въ Брюсселѣ въ папкѣ съ надписью „*Intervention anglaise en Belgique*“, офиціозная германская газета

утверждала, что въ апрѣлѣ 1906 г. начальникъ бельгійскаго генеральнаго штаба подробно разработалъ съ тогдашнимъ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Брюсселѣ, подполковникомъ Бернардистономъ, планъ совместныхъ операций англійскаго экспедиціоннаго корпуса, численностью въ 100 тысячъ человѣкъ, и бельгійской арміи противъ Германии. Планъ этотъ былъ затѣмъ одобренъ генераль-майоромъ англійскаго генеральнаго штаба Грейерсономъ. Бельгійскій генеральный штабъ былъ осведомленъ о составѣ и организаціи англійскихъ войскъ и о пунктахъ, намѣченныхъ для высадки войскъ. Десантъ предполагалось произвести во Франціи, въ Дюнкирхенѣ, Калэ и Булони, а затѣмъ въ бельгійскихъ вагонахъ англичане должны были быть направлены на театръ военныхъ дѣйствій. Въ виду предполагаемаго, такимъ образомъ, участія Франціи въ этомъ военномъ „заговорѣ“, англо-бельгійскій планъ былъ переданъ и во французскій генеральный штабъ.

Продолжая свои сенсационныя разоблаченія, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* воспроизвела въ ноябрѣ еще одинъ документъ, найденный опять-таки въ Брюсселѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ пакетѣ съ надписью „Convention anglo-belge“ и съ помѣткою на поляхъ: „Англичане вступаютъ въ Бельгію только послѣ нарушенія Германіей нашего нейтралитета“. Самый же документъ представляетъ собою запись разговора, имѣвшаго мѣсто 23 апрѣля 1912 г. между англійскимъ военнымъ агентомъ, подполковникомъ Бриджесъ и начальникомъ бельгійскаго главнаго штаба, генераломъ Юнгблутомъ. Подполковникъ Бриджесъ заявилъ своему собесѣднику, что у Англии совершенно готова армія въ 160 тысячъ человѣкъ въ составѣ шести пѣхотныхъ дивизій и восьми кавалерійскихъ бригадъ, которая можетъ быть въ любой моментъ послана на континентъ. Генераль Юнгблутъ возразилъ, что для этого было бы необходимо предварительно испросить согласіе Бельгіи. Англійскій агентъ сказалъ, что онъ это знаетъ, но что, въ виду явной невозможности для Бельгіи остановить вторженіе германской арміи, англичане высадили бы свои войска во всякомъ случаѣ. О мѣстѣ высадки англійскій военный агентъ не далъ точныхъ указаній, но генералу Юнгблуту было извѣстно, что его собесѣдникъ имѣлъ при этомъ въ виду Остенде и Зеебрюгге. Разговоръ закончился замѣчаніемъ генерала Юнгблута, что, по его мнѣнію, Бельгія имѣетъ полную возможность собственными силами остановить германское нашествіе.

Находки, столь удачно сдѣланныя германскими властями въ Брюсселѣ, дали возможность германской печати объявить непрерываемо установленнымъ, что культурный міръ былъ коварно обманутъ англичанами и бельгійцами. Въ своей повой рѣчи въ засѣданіи рейхстага 19 ноября фонъ-Бетманъ-Гольвегъ официально санкціонировалъ эту версію „самонарушенія бельгійскаго нейтралитета“, заявивъ, что въ тотъ моментъ,

когда германскія войска вступили въ Бельгю, Бельгія не была нейтральной, и что, собственно, Германіи нарушать было нечего.

„22 іюля,—говорилъ онъ,—были только подозрѣнія насчетъ виновности Бельгіи. Безспорныхъ письменныхъ доказательствъ не было, но англійскимъ государственнымъ людямъ эти доказательства были извѣстны. Теперь же, когда при помощи найденныхъ въ Брюсселѣ и опубликованныхъ документовъ установлено, какъ и въ какой степени Бельгія отеклась отъ своего нейтралитета въ пользу Англии, два факта ясны для всѣхъ. Когда наши войска вступили въ Бельгю въ ночь съ 21 на 22 іюля, они очутились въ странѣ, которая сама уже нарушила свой нейтралитетъ въ интересахъ Англии. Англія объявила намъ войну не изъ-за бельгійскаго нейтралитета, который она сама нарушила, а потому, что она хотѣла раздавить насъ съ помощью двухъ самыхъ могущественныхъ военныхъ державъ континента“.

Въ извѣстномъ воззваніи 93 германскихъ профессоровъ тоже было громко сказано „всѣмъ цивилизованнымъ народамъ“:

„— *Неправда*, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Имѣются доказательства тому, что Франція и Англія еще раньше приняли рѣшеніе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгія согласилась на это. Для насъ было бы равносильно самоубійству не предупредить ихъ“.

Достоинно вниманія, что подъ этимъ воззваніемъ значатся подписи не только химиковъ и зоологовъ, капельмейстеровъ и художниковъ, но и юристовъ, и даже профессоровъ международнаго права.

Между тѣмъ, даже если признать, что офиціозъ фонъ-Бетманъ-Гольвега вполне добросовѣстно передалъ содержаніе документовъ, хранившихся въ Брюсселѣ, и почему-то неосторожно забытыхъ тамъ бельгійскими министрами, все же дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое дѣлается въ Германіи, очевидно, невозможно. Максимумъ того, что вытекаетъ изъ документовъ, найденныхъ въ брюссельскихъ архивахъ, это въ „худшемъ“ для Бельгіи и въ „лучшемъ“ для Германіи случаѣ, что въ 1906 г. Бельгія заключила съ Англійей *оборонительный* союзъ, имѣвшій цѣлью *охрану* ея нейтралитета отъ чьего-либо *нарушенія*. Германскимъ юристамъ должно быть хорошо извѣстно,—потому что все это значитъ въ ихъ же ученыхъ изслѣдованіяхъ,—что съ природою постоянно нейтральнаго государства несовмѣстимъ союзъ, предполагающій возможность участія такого государства въ какой-либо *агрессивной* войнѣ, но что природѣ постояннаго нейтралитета вполне отвѣчаетъ *оборонительный* союзъ, имѣющій цѣлью именно и только охрану нейтральнымъ, съ чьей-либо благожелательной помощью, своего нейтралитета. Къ сожалѣнію, для Бельгіи и, несмотря на всѣ разоблаченія германскаго офиціоза, въ 1906 году никакого англо-бельгійскаго оборони-

тельного союза, очевидно, заключено не было. Это доказывается хотя бы тѣмъ простымъ и неопровержимымъ соображеніемъ, что при наличности такого союза англійскому военному агенту незначѣмъ было бы вести въ 1912 г. съ генераломъ Юнгблутомъ разговоръ, который фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и его юристы тоже пытаются эксплуатировать въ своихъ интересахъ. Что же касается собственно этого разговора, то изъ него уже съ полной очевидностью слѣдуетъ, что Бельгія англійской военной помощи не просила и на англійскія войска не рассчитывала, и что Англія со своей стороны въ 1912 г. думала не о вовлеченіи Бельгіи въ наступательную войну противъ Германіи, а объ охранѣ бельгійскаго нейтралитета, недостаточно, по мнѣнію англійскихъ властей, обеспеченнаго собственными вооруженными силами Бельгіи.

Въ сообщеніи англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 14 октября допускается возможность, что въ виду торжественной гарантіи, данной Великобританіей нейтралитету Бельгіи отъ нарушенія его какой-либо державой, между бельгійскимъ правительствомъ и генераломъ Грейерсономъ, при посредствѣ подполковника Бернардитона, имѣли мѣсто переговоры „строго академическаго характера“ по поводу той помощи, которую британская армія была бы въ состояніи оказать Бельгіи въ случаѣ нарушенія ея нейтралитета. Дѣйствительно, такіе переговоры были бы болѣе чѣмъ естественны, особенно, какъ правильно указывается въ англійскомъ сообщеніи, въ 1906 году, т.-е. въ разгаръ мароккискаго кризиса. Но то же самое, конечно, примѣнимо и къ переговорамъ 1912 г., въ виду обострившагося тогда международнаго положенія опять-таки въ связи съ мароккискимъ вопросомъ. Впрочемъ, международно-правовыя „теоріи“ берлинскихъ офицеровъ и берлинскихъ юристовъ въ корнѣ подрываются обстоятельствами, обнаружившимися послѣ начала войны и достаточно хорошо извѣстными. Въ двадцатыхъ числахъ іюля, когда бельгійскій нейтралитетъ былъ уже нарушенъ Германіей, Англія формально предложила Бельгіи высадить на ея территорію свою армію, дѣйствительно, какъ предполагалъ подполковникъ Бриджесъ, силою въ 160 тысячъ человѣкъ. Эта высадка оказалась, однако, физически неосуществимой, такъ какъ порты Остенде и Зеебрюгге не обладали достаточной глубиной и крупныя транспортныя суда не могли войти въ нихъ.

Среди бельгійскихъ политическихъ партій не всегда господствовало полное единодушіе по вопросу о „выгодности“ или „невыгодности“ для Бельгіи предписаннаго ей Европой постояннаго нейтралитета и о размѣрахъ вооруженій, которыя Бельгія должна была бы предпринимать въ интересахъ собственной безопасности и европейскаго равновѣсія. Когда окончится война и въ разрушенныхъ и разграбленныхъ германскими полчищами городахъ старой Бельгіи возродится нормальная по-

литическая жизнь, бельгийцы сами будутъ имѣть время разобратъся, все ли было сдѣлано ими въ этой области, что нужно было сдѣлать, и на кого должна лечь отвѣтственность за то, что было сдѣлано недостаточно или неправильно. Но если бы пришлось допустить, что убаюканная увѣренностью въ незыблемости въ культурной Европѣ началъ международнаго права, и въ полной своей безопасности подъ сѣнью гарантированнаго пятью великими державами договора 1839 г., Бельгія оказалась не на высотѣ требованій „вооруженнаго мира“, то это говорило бы, очевидно, не въ пользу, а противъ германской доктрины „самонарушенія“ бельгийскаго нейтралитета. Зато Германія, конечно, не можетъ упрекнуть себя ни въ непредусмотрительности, ни въ излишнемъ уваженіи къ написаннымъ на „клочкахъ бумаги“ словамъ, „которыми такъ часто пренебрегаютъ въ военное время“. Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ указывало уже, что Германія съ 1906 г. провела густую сѣть стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ отъ береговъ Рейна къ бельгийской границѣ черезъ пустынные и слабо населенныя мѣстности. Эти дороги были построены съ явную цѣлью сдѣлать технически возможнымъ внезапное нападеніе на Бельгію. Было бы трудно сказать, когда именно Германіей былъ предрѣшенъ и подготовленъ планъ вторженія во Францію черезъ территорию нейтральной Бельгіи. Но само собою ясно, что такіе стратегическіе планы не импровизируются въ нѣсколько дней, и недаромъ еще въ ноябрѣ 1913 г. французскій посолъ въ Берлинѣ сообщалъ въ Парижъ министру иностранныхъ дѣлъ содержаніе разговора, происходившаго между королемъ Альбертомъ и императоромъ Вильгельмомъ въ присутствіи начальника главнаго штаба Мольтке, когда и императоръ, и начальникъ штаба весьма недвусмысленно дали понять бельгийскому монарху, что Германія имѣетъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ „разъ навсегда покончить“ съ Франціей и что Бельгіи придется при этомъ „посторониться“.

„Жестокое преступленіе“, которымъ въ іюль 1914 года Германія „осквернила страницы исторіи“, было, такимъ образомъ, совершено ею „съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ“. Позднѣйшія же разсужденія о нарушеніи самой Бельгіей своего нейтралитета, которыми думаютъ теперь оправдаться передъ судомъ культурнаго человѣчества фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и его сообщники, представляютъ собой типичный образецъ того, что на судейскомъ жаргонѣ называется „арестантскими объясненіями“. Убийственную для германскаго самолюбія оцѣнку этихъ оправданій далъ уже одинъ „дружественный Германіи“ голландскій профессоръ. Въ письмѣ, обошедшемъ недавно всю германскую печать, онъ откровенно высказался въ томъ смыслѣ, что первоначальное честное признаніе Германіей совершеннаго правонарушенія своею мужественною прямою не могло не произвести на всякаго безпристраст-

паго наблюдателя неизмѣримо болѣе выгоднаго впечатлѣнія, чѣмъ новѣйшія жалкія и мелочныя попытки оправдать и объяснить то, чему нѣтъ ни объясненія, ни оправданія.

Послѣ паденія Льежа, германское правительство сдѣлало опять попытку, при посредствѣ голландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, соблазнить Бельгію на заключеніе сепаратнаго мира, увѣряя ее въ своей готовности подписать съ ней всякое соглашеніе, совмѣстимое съ франко-германскимъ вооруженнымъ конфликтомъ, и еще разъ обѣщая ей полную неприкосновенность ея территоріи. Бельгійское правительство отвергло и это предложеніе съ тѣмъ же достоинствомъ и съ тою же твердостью, какими былъ проникнуть первый его отвѣтъ на германскій ультиматумъ. Но раньше, чѣмъ отвѣтить на новую германскую ноту, бельгійское правительство сообщило текстъ своего отвѣта на усмотрѣніе Англіи, Франціи и Россіи. Англія и Франція, черезъ своихъ посланниковъ въ Брюссель, и Россія устами С. Д. Сазонова выразили свое полное удовлетвореніе по поводу „непреклоннаго и достойнаго поведенія“ Бельгіи. Такимъ образомъ, судьба Бельгіи оказалась прочно связанной съ судьбою державъ тройственнаго согласія. 19 августа Россія, Англія и Франція подписали союзный договоръ, по которому ни одна изъ этихъ державъ не можетъ до окончанія настоящей войны заключить съ Германіей или Австріей сепаратный миръ, а общій миръ долженъ быть заключенъ ими не иначе, какъ всѣми совмѣстно и на солидарно установленныхъ условіяхъ. Какое мѣсто въ этихъ условіяхъ будущаго европейскаго мира будетъ удѣлено Бельгіи,—это извѣстно изъ рѣчи Асквита на банкетѣ лондонскаго лордъ-мэра, и изъ деклараціи министерства Вивіани въ засѣданіи французскихъ палатъ. Союзники сложатъ оружіе только послѣ того, какъ „возстановятъ героическую Бельгію въ ея матеріальной жизни и политической независимости“. До достиженія этой конечной цѣли бельгійскій народъ прольетъ еще цѣлыя рѣки крови и слезъ. Но его страданія будутъ сторицею вознаграждены сознаніемъ, что „матеріальная жизнь“, благодаря счастливымъ особенностямъ бельгійскаго характера, возстановится въ Бельгіи легко и скоро, что „политическая независимость“ бельгійскаго королевства послѣ войны будетъ прочной, какъ никогда, и что въ исторію навѣки вѣковъ перейдетъ рассказъ о томъ, какое славное участіе принимала маленькая Бельгія въ великой борьбѣ „за преобразование обновленной Европы на началахъ права“.

К. Соколовъ.

П а р а л л е л и.

О германцахъ.

„Weltmacht oder Niedergang“.
(Frdr. v. Bernhadi. „Deutschland und der
nächste Krieg“.)

Чѣмъ дольше затягивается война, чѣмъ ярче сказывается ея роковой мировой характеръ, тѣмъ острѣе дѣлается интересъ къ ея инициаторамъ, къ германскому „національному лицу“. На разные лады обсуждается нѣмецкая жестокость, ея источники и природа, сравниваются прежніе корректные гѣмцы-идеалисты съ теперешними неистовыми завоевателями.

Вопросу о германизмѣ посвящено много статей въ журпалахъ: въ *Русской Мысли*, *Русскихъ Запискахъ*, *Вѣстн. Евр.*, *Сѣверн. Записк.* и др. Авторы ихъ, располагая обильнымъ матеріаломъ, высказываютъ много интересныхъ соображеній и мыслей, но повторяютъ обыкновенно одну и ту же ошибку: впадаютъ въ нѣкоторый субъективизмъ—уклоняются отъ исторической точки зрѣнія или даже совсѣмъ игнорируютъ исторію, жертвуя ея стройности своей схемѣ.

Возможность подобныхъ ошибокъ психологически понятна. Слишкомъ ошеломляющи впечатлѣнія дѣйствительности, для того чтобы возможна была ся безпристрастная оцѣнка. Слова, которыя чаще всего приходится слышать при характеристикѣ современныхъ событій: „несопоставимо“, „безпримѣрно“ и т. п., совершенно естественны. Естественны они и въ сужденіи о природѣ нѣмецкой жестокости, проявившейся будто бы только въ нынѣшнюю войну.

Такую „историческую“ ошибку дѣлаетъ, напримѣръ, Гершензонъ въ своихъ интересныхъ комментаріяхъ къ письмамъ Тургенева, относящимся къ франко-прусской войнѣ¹⁾. Онъ отмѣчаетъ „сходство поведенія тогдашнихъ французовъ съ нынѣшними пруссаками“. Когда онъ читаетъ турге-

¹⁾ *Русская Мысль*, № 9—10.

невскія письма-корреспонденціи, ему мѣстами кажется, что рѣчь идетъ о нынѣшней войнѣ — стоитъ лишь слово французы замѣнить словомъ „нѣмцы“. Между нѣмцами того времени и нынѣшними, по Гершензону, цѣлая бездна... Однако, ясна ошибочность этихъ сопоставленій. Ни о какомъ сходствѣ между „тогдашними французами и нынѣшними нѣмцами“ не можетъ быть и рѣчи. Деморализованные наполеоновскимъ режимомъ, разслабленные французы не могли проявлять планомѣрной, систематической жестокости „нынѣшнихъ нѣмцевъ“, а въ нѣмцахъ теперь нѣтъ никакихъ признаковъ того „декаданса“, который отличалъ тогдашнихъ французовъ. Напрашивается совсѣмъ иное сопоставленіе тогдашнихъ и нынѣшнихъ нѣмцевъ. Не только сходство, а тождественность ихъ прежняго и теперешняго облика бросается въ глаза. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ обширная, теперь ожившая литература прошлаго: мемуары Сарсе („Осада Парижа“), картина Лермина („La France Martyre“), Дневникъ Гонкуровъ, „Границы сердца“ В. Маргерита, „Разгромъ“ Золя, рассказы Мопассана и пр. Каждое изъ этихъ произведеній рисуетъ завоевателя-пруссакка такимъ, какимъ мы его видимъ въ наши дни: самовлюбленнымъ и самоувѣреннымъ, хладнокровнымъ въ своей безпредѣльной жестокости, совершенно стихійной, не знающей колебаній и рефлексій. Особенно яркъ этотъ образъ у Мопассана („М-Ше Фифи“, „Два пріятели“ и др. рассказы и въ романѣ В. Маргерита, нынѣ переведенномъ въ послѣднихъ книжкахъ *Русскихъ Записокъ*).

Пугающее настоящее чаще всего обращаетъ мысль къ недавнему прошлому — ко времени перваго „мирового“ выступленія объединенной Германіи. Прочная генетическая связь событій франко-прусской войны съ теперешними неопровержима и весьма знаменательна. Настроение европейскаго политическаго концерта тогда было инымъ, чѣмъ теперь, нѣсколько инымъ былъ и обликъ состязающихся на европейской аренѣ державъ, но современное распредѣленіе ролей было намѣчено уже тогда, не только намѣчено, а отчасти и предрѣшено. Это сознавалось многими очевидцами тогдашнихъ событій, даже тѣми, отъ кого менѣе всего можно было ждать дара предвидѣнія. Флоберъ, внезапно, подъ влияніемъ „ужасовъ войны“, превратившійся изъ кабинетнаго человѣка въ пламеннаго патриота, неистовствуетъ въ своихъ письмахъ по поводу „равнодушія Европы“ къ судьбѣ Франціи. Онъ предсказываетъ, что она, Европа, „раскается“, „она упадетъ къ нашимъ ногамъ и будетъ умолять насъ о выступленіи въ союзъ съ нею противъ Пруссіи“... Флоберъ предвидитъ пламя, которое черезъ нѣсколько лѣтъ освѣтитъ Европу. Онъ мечтаетъ о томъ, что „Пруссіи данъ будетъ хорошій урокъ, заранѣе предназначенный Провидѣніемъ, чтобы возстановить европейское равновѣсіе: „Эта страна склонна гипертрофироваться“... Еще конкретнѣе предвидѣніе наполеоновскаго министра Оливье въ его письмѣ къ императору Виль-

гельму I: „Если вы будете безкорыстны, вы приготовите союзъ латинскихъ и германскихъ расъ. Если вы станете завоевателемъ, вы приготовите союзъ славянскихъ и латинскихъ расъ противъ Пруссiи“¹⁾.

К. К. Арсеневъ, въ воспоминанiяхъ котораго помѣщена эта выдержка изъ письма французскаго министра, прибавляетъ отъ себя: „Оливье не предвидѣлъ только одного: въ славяно-латинскiй союзъ вступила англо-саксонская раса. Для того, чтобы это сдѣлалось возможнымъ и неизбежнымъ, нужны были такiя проявленiя самоувѣреннаго и ни передъ чѣмъ не останавливающагося милитаризма, какiя не снились даже триумвирату Бисмаркъ-Мольтке-Роонъ: нужна была рѣшимость Германии и Австрiи воевать во что бы то ни стало, нужны были неслыханно дерзкiе ультиматуты, нужно было, наконецъ, безпримѣрное въ новѣйшей исторiи нарушенiе нейтралитета“.

Дѣловито-сдержанныя воспоминанiя К. К. Арсенева написаны горячо и искренно, но безъ той искусственной приподнятости, которая свойственна почти всей теперешней литературѣ о войнѣ,—напротивъ, съ осторожной вдумчивостью и рыцарской умѣренностью тона. Это дѣлаетъ ихъ цѣннымъ свидѣтельствомъ о той эпохѣ, когда Россiя хотя и не была участницей кипучихъ европейскихъ событiй, но слѣдила за ними съ напряженнымъ вниманiемъ. По словамъ К. К. Арсенева, „въ русскомъ обществѣ существовало тогда два противоположныя теченiя. Традиционное сочувствiе къ французамъ и столь же традиционное, хотя и менѣе ярко выраженное, нерасположенiе къ нѣмцамъ склоняли многихъ въ сторону Францiи, несмотря на всѣ отталкивающiя черты наполеоновскаго режима. Въ другихъ отвращенiе къ этому режиму было настолько сильно, что заставляло забывать о недавнемъ прошломъ Бисмарка, о быстромъ ростѣ германскаго милитаризма“. Прогрессивная часть русскаго общества почти вся была на сторонѣ Германiи. Къ ней принадлежалъ и К. К. Арсеневъ. Особенно сильно и явно симпатизировалъ Германiи „другъ французовъ“ Тургеневъ. Въ его письмахъ проглядываетъ та идеализацiя Германiи, которая въ сильной степени обуславливала его крайнее германофильство. Такъ, напримѣръ, гадая о „почетномъ“ для Францiи мирѣ, Тургеневъ пишетъ: ...„Было бы достойно нѣмцевъ—нѣмцевъ побѣдителей—отказаться отъ Лотарингiи и Эльзаса“... Германофильство передового русскаго общества потому и оказалось непрочнымъ, что въ основѣ его было явное недоразумѣнiе: Германiи приписывалась та освободительная миссiя—борьба съ развращающимъ наполеоновскимъ режимомъ,—которой она не задавалась. И какъ только это выяснилось, русскiе прогрессисты, подавлявшiе въ себѣ, ради общественныхъ идеаловъ, „традиционное нерасположенiе къ нѣмцамъ“, безповоротно отвер-

1) В. Е., № 9, стр. 289.

нулись отъ Германіи. „Наивной,—пишетъ К. К. Арсеневъ,—при свѣтѣ опыта, кажется теперь мысль, что для германцевъ, не разъ называвшихъ себя врагами не страны, а императорскаго правительства, не было причины отказать республикѣ въ почетномъ мирѣ; но тогда цѣль войны казалась достигнутою, продолженіе ея казалось ненужнымъ и невѣроятнымъ. Чудовищная тяжесть условій, предложенныхъ правительству національной обороны, возмутила недавнихъ друзей Германіи, и это возмущеніе росло по мѣрѣ того, какъ становилась извѣстной жестокость германцевъ въ самомъ способѣ веденія войны“.

У насъ для сужденія объ этой „жестокости“ есть чужой и собственный „опытъ“, есть теперь новое мѣрило, новый сравнительный критерій. Намъ она можетъ казаться „миниатюрной“. У тогдашнихъ же очевидцевъ не было материала для сравненія, и она поражала ихъ неожиданностью. Всѣ эти безцеремонные захваты чужихъ земель, „бомбардировки безъ предупрежденія“, разстрѣлы мирныхъ гражданъ, разрушеніе памятниковъ искусства и т. п. волновали Европу, какъ чудовищное новшество.

Передавая, съ сочувствіемъ, содержаніе одного фельетона, развѣчивающаго Германію, Гонкуръ говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Il faut nous mettre en garde contre cette race, éveillant en nous l'idée de la canceur de nos enfans: leur blondeur à eux, c'est l'hypocrisie et l'implacabilité sournois des races flaves“¹⁾.

Та же опасливая настороженность передъ надвигающейся на Европу чуждой, страшной силой чувствуется и у сдержаннаго, эпическаго Золя въ его „Разгромѣ“ при описаніи германскаго „вандализма“. Въ психологическомъ романѣ Маргерита, на фонѣ трагическихъ семейныхъ конфликтовъ, эта настороженность превращается въ яростную ненависть.—„Вашъ Богъ—Богъ грабежа, пожара и убійствъ!...“ „Отнынѣ мы съ вами не только чужіе... Въ моихъ глазахъ вы—врагъ, вы—Германія, вашъ разбойнический, насильнический духъ мнѣ ненавистен!...“ Эти слова, брошенные въ одну изъ ссоръ женой-француженкой мужу-нѣмцу, могутъ служить выраженіемъ чувствъ всей тогдашней Европы къ надменной побѣдительницѣ Германіи. Съ большою непосредственностью переданъ вопль современности у Ф. Сарса въ „Осадѣ Парижа“. „Que de devastations! Que de ruines!“—воскликаетъ онъ въ эпилогѣ своей книги и къ описаніямъ нѣмецкаго варварства, съ чисто французской прошею, добавляетъ: „Все, что можно было и что того стоило, они, какъ люди бережливые, уложили и увезли, а остальное, какъ пьяные дикари, уничтожили“... Какъ эта тонкая характеристика подходитъ къ тѣмъ „хозяйственнымъ“ нѣмкамъ, которыя недавно распоряжались у

¹⁾ Journal des Goncourt, IV, p. 149.

насъ въ Западномъ краѣ, упаковывая посуду и мебель, удѣлѣвшую послѣ разгрома! Особенно жуткое, почти мистическое впечатлѣніе оставляетъ описанная у Сарсэ сцена аудіенціи у Бисмарка, переговоры о мирѣ, когда французскій уполномоченный, извиняясь въ своей слабости, плакалъ передъ „желѣзнымъ“ канцлеромъ. Эти безсильныя рыданія словно пророчествуютъ о будущихъ стонахъ всей Европы. А непреклонный Бисмаркъ съ его твердымъ принципомъ, что душевныя движенія неумѣстны въ политикѣ, развѣ не напоминаетъ современнаго генерала Гинденбурга и его слова, сказанныя въ недавней бесѣдѣ о войнѣ?

— Сантиментальность на войнѣ, — сказалъ онъ, — не къ мѣсту... Война съ Россіей сейчасъ—больше всего вопросъ о выносливости нервовъ. Если у Германіи съ Австріей нервы окажутся крѣпче и больше будутъ выдерживать и напряженіе,—а это такъ и будетъ,—то онъ побѣдятъ“...

По поводу этого знаменитаго интервью авторъ статьи „Германскій терроръ“ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* ¹⁾ вспоминаетъ слова другого нѣмецкаго генерала, сказанныя еще передъ войной: „Коалицію Франціи и Россіи можно будетъ одолѣть однѣми нашими силами, если безъ всякихъ колебаній и угрызений совѣсти мы поднимемся на войнѣ до болѣе насильственныхъ способовъ ея веденія“.

„Безъ колебаній и угрызений совѣсти...“—въ этомъ, болѣе чѣмъ въ жестокостяхъ, сущность нѣмецкихъ военныхъ приемовъ. Они практиковались, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, и тогда, въ франко-прусскую войну. По словамъ Сарсэ, они вызывали протестъ всей Европы; но „робкія увѣщанія дипломатіи“ были голосомъ въ пустынѣ, они не оказывали никакого вліянія на „дерзкаго побѣдителя, опьяеннаго побѣдами“.

Матеріаль для историческихъ параллелей у насъ съ каждымъ днемъ растетъ. Недавно В. Брюсовъ въ интересной статьѣ: „Страданіе и величіе Бельгіи“ ²⁾ приводитъ краснорѣчивые официальные документы, свидѣтельствующіе о современномъ нѣмецкомъ неистовствѣ. Это докладъ бельгійской „комиссіи для разслѣдованія нарушеній международнаго права, законовъ и обычаевъ войны“. Доклады опираются только на строго проверенные факты. Эти неопровержимые факты, оставляющіе въ душѣ впечатлѣніе кошмарнаго ужаса, способны вызвать опасеніе за судьбы Европы, если нѣмецкимъ притязаніямъ не будетъ положенъ предѣлъ... Той же темѣ посвященъ фельетонъ г. Рысса о Бельгіи ³⁾.

Интенсивной военной практикѣ нѣмцевъ соответствуетъ идеология, разработанная ген. Бернгарди въ послѣднихъ его сочиненіяхъ: „Deutschland

¹⁾ *Русскія Вѣдомости*, № 271.

²⁾ *Русскія Вѣдомости*, № 9.

³⁾ *Речь*, № 14.

und der nächste Krieg“ и „Unsere Zukunft. Mahnwort an das deutsche Volk“. На его идеяхъ, между прочимъ, останавливается Донео въ своей интересной корреспонденціи изъ Англии. Фр. ф.-Бернгарди—ярко выраженный, типичный философъ-мыслитель современной насквозь милитаристской и націоналистической Германіи. Въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ онъ, просто, хороший специалистъ, освѣдомленный и талантливый тактикъ и стратегикъ. Но постепенно, въ работѣ надъ техникой любимаго дѣла, въ немъ выросъ военный философъ и мессіанистъ. Въ упомянутой книжкѣ о Германіи и о ближайшей войнѣ онъ, какъ всѣ пангерманисты, уже немножко сумасшедшій. Патріотизмъ замѣнилъ для него мораль и вытѣснилъ здравый смыслъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что германцы—высшая раса, избранный народъ, которому предстоитъ міровая задача—насажденіе своей культуры; на всѣ государства великій нѣмецкій народъ долженъ наложить „печать своего гения“. Лучшее средство для этого—война, единственное средство, достойное сильныхъ и мужественныхъ... Война, по Бернгарди,—біологическая необходимость, тотъ важный факторъ въ жизни человѣчества, безъ котораго остановилось бы его развитіе, начался бы распадъ и гніеніе. Стремленіе государствъ къ миру означаетъ „упадокъ духа и народнаго мужества“. Мечта о вѣчномъ мирѣ не только безумна, но и преступна, такъ какъ она привела бы человѣчество къ вырожденію. И на войнѣ—все дозволено. Сила даетъ право. Вопросъ о правѣ рѣшается войной, лучшимъ изъ третейскихъ судовъ въ мирѣ... Бернгарди гордится воинственностью своего народа и надѣется, что дѣлю германской политики никогда не сдѣлается сохраненіе мира. „Пусть о вѣчномъ мирѣ мечтаютъ разслабленные. Девизъ германцевъ—война“... Съ небольшою убѣдительною развиваетъ Бернгарди идею экономической необходимости войны для Германіи, которая вызывается тѣснотой территоріи, недостаткомъ рынковъ, зависимостью въ торговлѣ и производствѣ отъ другихъ государствъ и пр. Всѣ дилеммы рѣшаются имъ очень просто: „Все, что Германіи необходимо, она должна отнять у другихъ государствъ“. Ближайшая неизбежная война должна открыть Германіи пути для всемірнаго господства или привести ее къ упадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и погубить всю человѣческую культуру, такъ какъ свѣтъ ея лился изъ одной Германіи.

Какъ глубоко вошли въ нѣмецкую психологію идеи, воодушевившія Бернгарди, можно видѣть изъ воззванія нѣмецкихъ писателей, вызвавшего возмущеніе всей Европы. Тамъ ясно выражена мысль о необходимости насажденія германскихъ идей силой, если онѣ встрѣтятъ препятствіе... Для нѣмецкихъ генераловъ воодушевленно и съ большимъ вышнимъ блескомъ написанныя книги Бернгарди должны бы быть настольными (да, вѣроятно, такими и являются: за два года „Deutschland“ и пр. выдержали шесть изданій). Въ нихъ если не оправданіе, то хоть

объяснение той практики, которая ужасает теперь миръ. Въ нашемъ же прогрессивномъ обществѣ проглядываетъ склонность „объяснять“ ее всеѣмъ иначе: временнымъ озвѣрѣніемъ, наплывомъ какой-то странной случайной волны, чуть не внезапнымъ помѣшательствомъ. Въ этомъ сказывается только наша несоизмѣримость съ нѣмцами. Мы не хотимъ, не можемъ принять ихъ, какъ они есть, представить ихъ себѣ во весь ростъ. Мы приписываемъ некультурности (отрицаемъ самую культуру иногда!), называемъ „вандализмомъ“ то, что является органической чертой ихъ культуры, не случайностью, а ихъ системой.

Иллюстраціей этой нашей несоизмѣрности съ нѣмцами можетъ служить тепло, лирически написанная статья С. Я. Елипатьевского: „Германія превыше всего“¹⁾. Авторъ въ одно и то же время и возмущенъ „нѣмецкими жестокостями“, и скорбитъ о нѣмцахъ—о томъ, какъ ихъ накажутъ на войнѣ, и какъ имъ будетъ стыдно и тяжело послѣ войны отъ общей враждебности. Недоброжелательство по отношенію къ нѣмцамъ С. Я. Елпатьевскій наблюдалъ въ Европѣ еще задолго до войны—въ курортахъ, со стороны не только обиженныхъ французовъ, а и англичанъ, и итальянцевъ (это такъ же любопытно, какъ отмѣченная К. К. Арсеньевымъ наша „традиціонная вражда“ къ нѣмцамъ). Но, по его мнѣнію, это отношеніе было естественнымъ отзвукомъ на нѣмецкую замкнутость и изолированность, въ послѣдніе годы выросшія до высшихъ предѣловъ. Къ сожалѣнію, ярко нарисованная авторомъ картина нѣмецкой замкнутости, самовлюбленности и эгоизма ослаблена сдѣланной имъ оговоркой, съ ея характернымъ мотивомъ: „боязнью быть невѣрно понятымъ“. Эта „боязнь“—боязнь быть заподозрѣннымъ въ „шовинизмъ“, въ варварскомъ принижени и непониманіи высокой нѣмецкой культуры и т. п.—теперь очень распространена у насъ, и корень ея лежитъ глубоко, отчасти въ мягкости и впечатлительности славянской природы, но, гораздо больше, въ свойствахъ специфически интеллигентской психологии. У С. Я. Елпатьевского эта черта осложняется его индивидуальной природой—присущей ему искренностью и органической гуманностью. Кого-нибудь несправедливо осудить, обидѣть для него значитъ отказаться отъ самого себя... И всетаки роковая „боязнь быть непонятымъ“ привела его къ невѣрнымъ построениямъ.

„Не о всемъ нѣмецкомъ народѣ я говорю. За Пруссіей стоитъ другая Германія, за Вильгельмомъ, за правящими кругами, за военными сферами, за аграріями стоитъ просто народъ. Тотъ народъ, который когда-то свершилъ мировой подвигъ Реформаціи, который цѣлыя столѣтія выдвигалъ изъ своей среды не Бисмарковъ и Вильгельмовъ, а красу

1) *Русск. Записки*, № 1.

человѣчества, великихъ поэтовъ, гениальныхъ музыкантовъ, цѣломудренно чистыхъ и благородныхъ мыслителей“...

Проявленій этой „другой Германіи“ мы не видимъ. Ея нѣтъ. Въ Германіи не наблюдается никакого раскола, никакой двойственности. Она едина и вся воинственна. Такой она выросла, хоть и незамѣтно для сосѣдей, но естественно и органически изъ своего зерна. Современные воинственные нѣмецкіе писатели, возмущившіе міръ своимъ сочувствіемъ насилію, — законные наслѣдники тѣхъ, прежнихъ — „благородныхъ мыслителей и поэтовъ“. Ген. Бернгарди не безъ основанія ссылается на Гёте и Шиллера. Послѣдніе, конечно, не виноваты въ томъ, что нѣмецкій индивидуализмъ, котораго они были выразителями, получилъ у ихъ внуковъ такую уродливую форму, но связь между прошлымъ и настоящимъ несомнѣнна.

С. Я. Елпатьевскій правъ, утверждая, что новая воинственная психология нѣмцевъ сложилась въ послѣдніа десятилѣтія. Но основныхъ элементовъ этого воинственного духа нужно искать раньше. Иѣтъ времени, нѣтъ періода, когда они не окрашивали бы нѣмецкой психологии. П. Б. Струве ¹⁾ приводитъ выдержки изъ статьи К. Маркса, писанной имъ задолго до войны, не только нынѣшней, но и прошлой, еще въ 1852 г. Высказываемыя Марксомъ мысли очень близки къ военной психологии Бернгарди. Рѣчь идетъ о мелкихъ славянскихъ государствахъ, которыя Марксъ съ беспощадной жестокостью обрекаетъ на сѣдненіе Германіей, и о Россіи, которую онъ глубоко ненавидитъ, какъ главную соперницу и помѣху въ распространеніи германскаго могущества.

И на зарѣ нѣмецкой исторіи желѣзныи нѣмецкій воинъ-патріотъ былъ такимъ же, какъ мы видимъ его теперь, въ дни расцвѣта милитаризма. Первый лѣтописецъ новой Европы Тацитъ клеймитъ его эпитетами: „жестокій“ и „коварный“.

Признать эти черты основными въ психологии нѣмцевъ не значить отрицать ихъ культуру. Гораздо большимъ униженіемъ нѣмецкаго народа является то, когда у проявляемой имъ жестокости отнимаютъ всякій смыслъ и цѣлесообразность, понимая ее, какъ вспышку варварства, что и дѣлаетъ благожелательно настроенный Елпатьевскій. „Бываетъ—у хорошаго человѣка временно помутится разумъ и пріумалится совѣсть, бываетъ это и съ хорошимъ народомъ“...

Этому идиллическому соображенію хочется противопоставить иное—практическое. У „хорошаго человѣка“ и у „хорошаго народа“ могутъ быть нехорошія, неудобныя черты, о которыхъ при общеніи не слѣдуетъ забывать... Наши вражда и даже ненависть къ нѣмцамъ, конечно, явле-

¹⁾ *Русск. Мысль*, № 11.

ня преходящя. Чѣмъ сильнѣе удары войны, тѣмъ больше эти чувства обостряются (нельзя простить нѣкоторыхъ утратъ), но они все же улягутся, пройдутъ. А вотъ осторожность, или, вѣрнѣе, настороженность, которую рекомендовалъ Голкуръ, должна остаться. Слишкомъ жестокъ опытъ!...

Тотъ фактъ, что германцы явились въ Европѣ пионерами милитаризма, обусловленъ историческими причинами: ихъ позднимъ выступленіемъ на промышленную арену и т. п. Ту же непривлекательную задачу насильственного захвата и отвоевыванія занятыхъ позицій могла бы, въ аналогичныхъ условіяхъ, преслѣдовать и другая страна. Но нѣмцы дѣлали это по-своему. Эта миссія пришла къ нимъ по душѣ; и теперь она уже неотдѣлима отъ ихъ національнаго облика, съ нимъ слилась. Фатумъ сдѣлалъ ихъ носителемъ страшнаго начала—человѣческаго самоистребленія, но они внесли въ него много специфически своего—отъ своихъ вкусовъ, отъ своей природы. Такъ созданъ совершенно особый типъ нѣмецкаго милитаризма, исключительнаго по своему упорству, стремительности и безпощадности, неподражаемаго,—милитаризма, воплощеніе котораго невозможно ни въ какомъ другомъ обликѣ.

Е. Колтоновская.

Военныя замѣтки.

Первые полгода войны на морѣ. — Средиземное море. — Сѣверный театр. — Дѣйствія противъ морской торговли. — Общая схема сухопутныхъ операций.

Истекшіе съ начала войны почти полгода военныхъ дѣйствій на Средиземномъ морѣ являются однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того, насколько ошиблись германцы въ своихъ расчетахъ, еще однимъ подтвержденіемъ, какъ мало реальная дѣйствительность соотвѣтствуетъ тому, что имѣли въ виду руководители военно-морской политики нашихъ противниковъ.

Въ нашихъ морскихъ замѣткахъ мы неоднократно старались выяснить то значеніе, которое имѣетъ Средиземное море для великихъ европейскихъ державъ въ случаѣ ихъ вооруженнаго столкновенія между собою, и тѣ морскія силы, которыя каждое государство нашло нужнымъ и возможнымъ здѣсь держать. И при этомъ, прежде всего, пришлось отмѣтить ¹⁾, что наибольшее значеніе этотъ районъ имѣлъ, несомнѣнно, для Англіи: именно здѣсь проходятъ важнѣйшіе пути слѣдованія продуктовъ ея внѣшняго обмѣна, и здѣсь же лежитъ ея наиболѣе уязвимое колониальное владѣніе—Египетъ; по этому же водному району производятся и сношенія метрополіи съ Индией и другими восточными и южными ея колоніями.

Естественно поэтому, что обезпеченіе господства въ Средиземномъ морѣ было постоянной заботой англичанъ, и съ весьма давняго времени они неуклонно держали здѣсь столь значительныя военно-морскія силы, что англійскій флотъ на этомъ театрѣ былъ абсолютно господствующимъ.

Чрезвычайное развитіе германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ, угрожавшее непосредственно важнѣйшимъ жизненнымъ центрамъ великой островной имперіи, заставило англичанъ понемногу переводить на сѣверъ свои средиземноморскія эскадры. Однако для всѣхъ было ясно, что дѣ-

¹⁾ См. нашу замѣтку „Средиземное море въ современной морской политикѣ“. *Русская Мысль*, ноябрь, 1912 г.

лается это лишь въ виду крайней необходимости, и само англійское правительство постоянно подчеркивало, что имъ сознается важность этого района и что при первой возможности сюда будутъ вновь посланы суда такой силы и въ такомъ количествѣ, которое вновь обезпечитъ Англии временно здѣсь ею утраченное господство. Пока же защита англійскихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ ввѣрялась французскому флоту, въ помощь которому была оставлена крейсерская эскадра адмирала сэра Беркелей Мильне.

Однако оппозиція далеко не была удовлетворена такимъ разрѣшеніемъ средиземноморскаго вопроса, и такъ называемая „эвакуація Средиземнаго моря“ была одной изъ наиболѣе злободневныхъ темъ, усилленно обсуждавшаяся незадолго до начала войны какъ въ печати, такъ и въ парламентѣ. И вотъ, когда мы ближе знакомимся съ этой полемикой, то становится совершенно яснымъ, что въ своихъ расчетахъ обороны южныхъ путей большинство исходило изъ предположенія, что англичанамъ придется имѣть дѣло съ морскими силами австро-итальянской коалиціи. Правда, въ настоящее время мы знаемъ (по крайней мѣрѣ, такъ писали въ газетахъ), что англійское правительство было лучше освѣдомлено о дѣйствительномъ положеніи вещей и что его расчеты опирались на увѣренность, что итальянскій флотъ не будетъ въ числѣ его противниковъ. Эта-то увѣренность, какъ теперь оказалось, и давала Черчилю возможность спокойно относиться къ предупрежденіямъ оппозиціи, что ослабленіе морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ ставитъ имперію въ весьма опасное положеніе, и довольствоваться содержаніемъ въ южномъ районѣ одной крейсерской эскадры, но это ни въ какомъ случаѣ не должно давать повода думать, что и по другую сторону канала, въ Германіи, думали точно такъ же. Наоборотъ, есть весьма положительныя указанія на то, что въ расчеты адмирала фонъ-Тирпица входило прямо противоположное предположеніе—именно, что англо-французскимъ морскимъ силамъ въ Средиземномъ морѣ будутъ противостоять соединенныя военно-морскія силы всего тройственнаго союза. И мало того. Повидимому, весь планъ морской кампаніи Германіи былъ построенъ на этомъ сотрудничествѣ.

Дѣйствительно, если мы откинемъ это предположеніе, то многое станетъ совершенно непонятнымъ.

Теперь уже окончательно выяснилось, что война для Германіи была далеко не неожиданной. А между тѣмъ сказалось, что къ моменту открытія военныхъ дѣйствій, въ то время когда небольшіе, легкіе крейсера и даже торговые пароходы, бывшіе за границей, получили детальнѣйшія инструкции, какъ имъ слѣдуетъ поступать, въ Средиземномъ морѣ оказываются два крейсера—„Гебенъ“ и „Бреслау“, изъ которыхъ первый, первоклассный, въ весьма критическомъ положеніи. Они не имѣли базы,

были совершенно отрѣзаны отъ главныхъ силъ и не могли принести отечеству никакой пользы. Имъ едва удалось спастись отъ англійскаго флота, и сдѣлать это они смогли, только передавшись въ руки нейтральной державы—Турции.

Если исходить изъ современнаго соотношенія воюющихъ военно-морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ, то пребываніе тамъ двухъ германскихъ крейсеровъ представляется совершенно непонятнымъ. Преобладаніе здѣсь франко-англійскаго флота надъ австрійскимъ столь подавляющее, что не только прибавленіе двухъ крейсеровъ, но и двойного ихъ количества ничего не измѣнило бы въ этомъ соотношеніи, и австрійскій флотъ все равно былъ бы обреченъ на его современную совершенно пассивную роль заблокированнаго въ своихъ портахъ зрителя дѣйствій противника. Между тѣмъ, если дѣйствительно Германия предполагала, что итальянскій флотъ выступитъ вмѣстѣ съ австрійскимъ, то прибавленіе къ нимъ двухъ быстроходныхъ крейсеровъ, и особенно „Гебена“, каковыхъ ни у австрійцевъ, ни у итальянцевъ, ни у французовъ нѣтъ ни одного, весьма существенно улучшало положеніе флотовъ тройственнаго союза.

Точно такъ же и все, что мы знаемъ о предыдущей дѣятельности Германии въ Средиземномъ морѣ, и все то, что писалось въ Германии по этому поводу (а писалось за послѣднее время въ связи съ новыми программами развитія австрійскаго наступательнаго, линейнаго флота весьма много), подтверждаетъ предположеніе, что Германия рассчитывала на помощь въ Средиземномъ морѣ *обѣихъ* своихъ союзницъ. Начиная съ весьма давняго прямого заявленія одного изъ членовъ германскаго правительства, въ которомъ указывалось, что Англія не смѣетъ надолго сохранить свое превосходство въ Сѣверномъ морѣ, потому что ей придется сохранять его на болѣе южныхъ театрахъ, и вплоть до послѣдняго времени вся энергичная дѣятельность Германии, направленная къ усилению темпа развитія итальянскихъ военно-морскихъ силъ, съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что эти силы входили въ нѣмецкіе расчеты будущихъ военно-морскихъ дѣйствій въ Средиземномъ морѣ. И, надо отдать справедливость германцамъ, дѣйствовали они чрезвычайно искусно. Въ весьма короткий срокъ австро-итальянскій флотъ изъ совершенно ничтожной величины возросъ настолько, что являлся вполне достойнымъ соперникомъ находившемуся къ началу военныхъ дѣйствій франко-англійскому. И, какъ знать, добейся Германия привлеченія Итали на свою сторону, весьма возможно, при нѣкоторомъ военномъ счастьѣ ей могло бы удалиться достигнуть хотя бы частичнаго и временнаго господства на этихъ важнѣйшихъ водныхъ путяхъ, чѣмъ Англіи былъ бы нанесенъ весьма чувствительный ударъ.

Теперь, когда мы, можетъ быть, наканунѣ военнаго выступленія Итали

противъ нашихъ противниковъ, даже немного страннымъ можетъ показаться предположеніе, что Германия могла строить опредѣленные планы на совмѣстномъ съ ней выступленіи этой державы. Таково существо переживаемаго нами момента. Все происходящее такъ огромно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ стремительно, что часто трудно отдать себѣ вполне ясный отчетъ о томъ, что *уже* произошло.

Борьба ужасна, и жертвы ея колоссальны. Но, сознавая это, нельзя закрывать глаза на то, что многое уже сложилось для насъ весьма благополучно. И даже осторожные англичане открыто заявляютъ, что предположенная первоначально общая длительность войны можетъ теперь быть значительно сокращена.

Къ числу такихъ чрезвычайно благоприятныхъ для тройственного согласія фактовъ слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что итальянскій флотъ до сихъ поръ не принималъ участія въ военно-морскихъ дѣйствіяхъ въ Средиземномъ морѣ. Это сразу сдѣлало положеніе австро-германскаго флота здѣсь *совершенно* безнадежнымъ и лишило его всякой возможности какихъ-либо выступленій. И на сѣверномъ театрѣ наши союзники владѣютъ въ теченіе всего періода военныхъ дѣйствій моремъ. Но тамъ нѣмецкій флотъ является постоянной угрозой; для поддержанія господства англичанамъ приходится дѣйствовать съ наивысшимъ напряженіемъ и искусствомъ, и малѣйшая небрежность или ошибка могутъ повести къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ. Въ Средиземномъ морѣ положеніе совершенно иное. Здѣсь превосходство англо-французскаго флота совершенно подавляющее. Дѣйствительно, французы имѣютъ здѣсь полную бригаду дреднаутовъ „Paris“, „France“, „Courbet“ и „Jean Bart“, вооруженныхъ каждый двѣнадцатью 12" пушками съ 6" противоминной артиллеріей, съ ходомъ до 20 узловъ, затѣмъ шесть броненосцевъ переходнаго типа весьма близкаго къ дреднаутамъ типа „Danton“, а именно „Condorcet“, „Diderot“, „Vergniaud“, „Voltaire“, „Mirabeau“ и „Danton“ съ IV—12", XII—9" и XVII—75 mm. пушками и ходомъ тоже около 20 узловъ (хотя на практикѣ они не показали себя хорошими ходоками); затѣмъ пять броненосцевъ типа „Patrie“ („République“, „Vérité“, „Justice“, „Démocratie“ и „Patrie“), значительнымъ числомъ болѣе старыхъ броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ при огромномъ количествѣ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Сюда же надо причислить четыре крейсера-дреднаута англичанъ—„Indomitable“, „Inflexible“, „Invincible“ и „Indefatigable“, каждый съ VIII—12" пушками, 6" противоминной артиллеріей и ходомъ до 26 узловъ, а также нѣкоторое число болѣе старыхъ броненосныхъ крейсеровъ и миноносцевъ. И противъ этихъ силъ австрійцы могутъ выставить лишь три (или въ крайнемъ случаѣ четыре) дреднаута—„Viribus Unitis“, „Tegetthoff“ и „Prinz Eugen“ съ XII—12" орудіями, 6" противоминной артиллеріей и ходомъ около

20 узловъ, три броненосца переходнаго типа (слабѣе „Danton“)—„Zrinyi“, „Radetzky“ и „Erz. Franz-Ferdinand“ съ IV—12" и VIII—9" пушками и ходомъ 20 узловъ, три броненосца болѣе старыхъ—„Erz. Ferdinand Max“, „Erz. Friedrich“ и „Erz. Karl“—и шесть совершенно устарѣлыхъ судовъ. Изъ австрійскихъ крейсеровъ современными можно считать только три легкихъ—„Admiral Spaun“, „Laida“ и „Helgoland“. Затѣмъ имѣются два старыхъ броненосныхъ крейсера и нѣсколько канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ. Вся эта сила базируется на военный портъ Пола, а нѣсколько самыхъ старыхъ судовъ остались въ прекрасной гавани на границѣ съ Черногоріей—Катарро.

- Военныя дѣйствія здѣсь были крайне несложны, и многое изъ дѣйствій флотовъ нашихъ союзниковъ представляется до настоящаго времени не вполне выясненнымъ. Относительно же австрійскаго флота едва ли даже возможно говорить о какихъ-либо дѣйствіяхъ—такъ ничтожны были всѣ его активныя начинанія.

Начало войны ознаменовалось здѣсь бомбардировкой „Гебеномъ“, а, можетъ быть, и другими нѣмецкими судами франко-африканскаго побережья, повидимому, съ цѣлью затруднить посадку на транспорты алжирскихъ войскъ, направляемыхъ во Францію. Выступление это было весьма быстро ликвидировано англо-французскимъ флотомъ, и „Гебену“ съ „Бреслау“ пришлось спасаться въ Дарданеллы. Были извѣстія, что передъ этимъ они выдержали сраженіе съ французскимъ флотомъ, при чемъ была потоплена канонерка „Пантера“, получившая широкую извѣстность благодаря своему участію въ агадирскомъ инцидентѣ. Случай этотъ весьма вѣроятенъ, тѣмъ болѣе, что „Гебенъ“ пришелъ въ Турцію сильно поврежденнымъ. Однако полной достовѣрности это извѣстіе не имѣетъ. На пути въ Турцію „Гебенъ“ имѣлъ столкновение съ легкимъ англійскимъ крейсеромъ „Глочестеръ“, но, повидимому, оно не носило рѣшительнаго характера, такъ какъ иначе „Глочестеръ“ едва ли избѣгъ бы гибели. Затѣмъ нѣмецкіе военные корабли поднимаютъ турецкій флагъ и переходятъ противъ насъ въ Черное море, и роль ихъ въ Средиземномъ морѣ кончается. Австрійскій флотъ, какъ мы уже указывали, укрывается частью въ Катарро, частью въ Полѣ. Здѣсь они блокируются французской эскадрой, которая, потопивъ небольшой австрійскій крейсеръ „Zenta“, захватываетъ близлежащіе о-ва, въ томъ числѣ о-въ Лиссу, знаменитый по морскому бою около него австрійскаго и итальянскаго флотовъ и держитъ довольно тѣсную блокаду Катарро. Но все же австрійцамъ иногда удается выходить на короткий срокъ въ море и даже бомбардировать побережье вблизи бухты. Сѣверная часть Адриатическаго моря минируется австрійцами, и, повидимому, туда англо-французскій флотъ не проникаетъ. Вообще о дѣйствіяхъ его свѣдѣнія крайне скудны. Несомнѣнно, онъ блокируетъ австрійскій флотъ и ведетъ кое-какія насту-

пательныя операціи противъ Катарро. По большихъ результатовъ не получается, что легче всего объясняется тѣмъ, что, повидимому, французы довольствуются достигнутымъ господствомъ надъ Средиземнымъ моремъ и не считаютъ нужнымъ рисковать своими бронепосадами, добываясь полного уничтоженія своего противника. Ходъ военныхъ дѣйствій вполне подтвердилъ эти соображенія. Дѣйствительно, англичанамъ и французамъ удалось совершенно безъ потерь и даже какихъ-либо помѣхъ во все время войны свободно перевозить войска изъ Индіи, Австрали, Африки во Францію, и даже торговыя суда плаваютъ тамъ вполне безопасно, что чрезвычайно важно, особенно для Англии. Съ началомъ войны съ Турціей нѣкоторое вниманіе удѣляется англо-французскимъ флотомъ ея побережью. Бомбардируются нѣсколько разъ Дарданеллы и нѣкоторые пункты малоазіатскаго побережья. Но, конечно, сколько-нибудь существеннаго вреда эти бомбардировки, какъ вообще всякія дѣйствія одного флота безъ арміи противъ береговъ, не приносятъ и имѣютъ скорѣе моральное значеніе. Вообще положеніе въ Средиземномъ морѣ, создавшееся въ первое полугодіе войны, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Австрія и Германія отказались отъ борьбы за этотъ водный районъ и предоставили его въ распоряженіе нашихъ союзниковъ. А послѣдніе въ свою очередь вполне удовлетворились такимъ положеніемъ и занялись использованием этихъ путей для вспомогательныхъ операцій, оставивъ въ покоѣ австрійскій флотъ, укрывшійся въ гаваняхъ. Лишь въ самое послѣднее время здѣсь какъ будто замѣтно нѣкоторое оживленіе. Австрійской подводной лодкѣ удалось подорвать одинъ изъ французскихъ броненосцевъ. Французская подводная лодка „Кюри“ въ свою очередь подошла къ Полѣ и выпустила мины въ портовыя сооруженія. Однако и это — только небольшіе эпизоды, и разовьются ли они въ болѣе крупныя операціи, пока еще сказать, конечно, невозможно.

Въ Сѣверномъ морѣ ходъ военно-морскихъ дѣйствій остается въ томъ же положеніи, которое было нами уже указано въ предыдущей замѣткѣ. Англійскій флотъ, превосходя германскій въ силѣ, держитъ его въ тѣсной блокадѣ за Гельголандомъ. Съ тѣхъ поръ съ обѣихъ сторонъ были произведены нѣкоторыя операціи, но главныя силы нѣмцевъ, ихъ линейныя эскадры попрежнему не рискуютъ выходить въ море. Изъ активныхъ дѣйствій тутъ нужно отмѣтить попытку германцевъ пробиться къ берегу Ламанша и устроить здѣсь базу для подводныхъ лодокъ для дѣйствія противъ англійскихъ береговъ и торговли. Попытка эта окончилась полной неудачей. При сильной поддержкѣ англійскаго флота англійскимъ, бельгійскимъ и французскимъ войскамъ удалось остановить движеніе германскихъ армій на линіи Ньюпортъ—Лилль, а работы по оборудованію въ качествѣ базы для лодокъ Остенде были уничтожены бомбардировкой англійскихъ судовъ.

Затѣмъ недавно нѣмецкимъ крейсерамъ удалось, неожиданно выйдя въ туманъ изъ Гельгоlanda, подойти къ англійскимъ берегамъ и обстрѣлять нѣкоторые порты, причемъ погнбло нѣсколько сотъ мирныхъ жителей. На нашъ взглядъ это весьма естественный и, можетъ, даже неизбежный случай, и ничего угрожающаго онъ изъ себя не представляетъ. Англійское общественное мнѣнiе, однако, отнеслось къ этому весьма строго, и, можетъ быть, въ результатѣ этого явилась смѣна главнокомандующаго адмирала Джеллико ¹⁾, на мѣсто котораго назначенъ ранѣе командовавший первымъ флотомъ адмиралъ Каллаганъ. Его назначенiе уже ознаменовалось нападенiемъ англійскихъ гидро-аэроплановъ съ подводными лодками и крейсерами на германскiя суда въ Куксгафенѣ. Результаты пока неизвѣстны.

Наконецъ, въ болѣе отдаленныхъ водныхъ театрахъ обстановка опредѣленно сложилась въ пользу англичанъ. Почти всѣ военные крейсера Германiи, дѣйствовавшiе противъ англійской торговли,—„Шарнгорстъ“, „Гнейзенау“, „Эмденъ“, „Кенигсбергъ“, „Лейпцигъ“, „Мове“, „Гейеръ“ и „Пюренбергъ“,—уничтожены. Остались только „Карлеруэ“ и „Дрезденъ“ въ Атлантическомъ океанѣ, о дѣйствiяхъ которыхъ ничего не слышно. Также и вспомогательные крейсера должны были почти совершенно прекратить свою дѣятельность. Большинство изъ нихъ потоплены или разоружены въ нейтральныхъ портахъ, и на свободѣ остался, кажется, одинъ лишь „Кронпринцъ Вильгельмъ“ ²⁾, находящiйся въ водахъ Южной Америки. Большинство нѣмецкихъ колонiй уже перешло въ руки англичанъ, японцевъ и французовъ, а переходъ тѣхъ, что еще остались у Германiи,—лишь вопросъ времени. Морская торговля Германiи парализована, такъ какъ весь коммерческiй флотъ ея частью захваченъ, частью запертъ въ нѣмецкихъ портахъ, и въ настоящее время встрѣтить въ океанѣ германскiй какъ военный, такъ и торговый флагъ трудно, чѣмъ флагъ какой-нибудь Венецуэлы или Парагвая. А вѣдь всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ по размѣрамъ своего торговаго флота и силѣ военнаго Германiя занимала второе мѣсто въ мiрѣ, непосредственно слѣдуя за владычицей морей—Англiей. И если правильно выраженiе императора Вильгельма, что будущее Германiи на водѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что за первое же полугодiе войны этому будущему нанесенъ страшный ударъ, поправить который будетъ весьма трудно.

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: неужели нѣмцы при всей своей предусмотрительности не предвидѣли этого разгрома своихъ морскихъ и вообще заокеанскихъ владѣнiй? Отчасти отвѣтъ на это можно найти

¹⁾ Свѣдѣнiе это не вполне достоверно и нуждается въ подтвержденiи.

²⁾ Теперь выяснилось, что на свободѣ находится также нѣмецкiй вспомогательный крейсеръ „Эйгель Фридрихъ“.

въ одномъ недавно опубликованномъ документѣ. Тамъ прямо говорится, что положеніе колоній въ началѣ войны не важно, ибо ихъ окончательная судьба будетъ установлена при заключеніи мира, а слѣдовательно, будетъ зависѣть отъ успѣшности военныхъ дѣйствій въ Европѣ. Это правильно лишь при условіи достиженія здѣсь нѣмцами рѣшительныхъ успѣховъ, и, повидимому, германцы въ нихъ не сомнѣвались. Но теперь уже ясно, что на эти успѣхи рассчитывать нельзя, а при всякомъ иномъ результатѣ, даже сравнительно нерѣшительнаго характера, колоніи Германіи, а съ ними и влѣше за океаномъ окажутся потерянными навсегда. И это для германской промышленности будетъ чрезвычайно опасно.

Затѣмъ остаются еще два морскихъ театра, гдѣ также ведутся военныя дѣйствія, въ которыхъ принимаетъ участие и нашъ флотъ; это—черноморскій и балтійскій. Но говорить о нихъ не представляется возможнымъ. Руководствоваться при описаніи ихъ тѣмъ, что появляется въ печати, значить лишь выхватывать отдѣльные эпизоды большого дѣла, и такое изложеніе не дастъ никакой общей картины. Говорить же больше не слѣдуетъ въ цѣляхъ сохраненія тайны нашихъ операцій, важность которой такъ рельефно доказана нашей прошлой войной съ Японіей. Но никакихъ тревогъ наши морскія операціи не должны возбуждать, ибо ихъ результаты вполне благоприятны. Несмотря на значительное превосходство германскаго флота, нашъ правый флангъ, упирающійся въ Балтійское море, оказался до сихъ поръ вполне обеспеченнымъ, и армія могла спокойно исполнять намѣченные задачи, не отвлекаясь побочными дѣйствіями для парированія ударовъ нѣмецкаго флота, ибо ударовъ этихъ не послѣдовало. Такимъ образомъ, дѣйствія нѣмецкаго флота, несмотря на его крупный перевѣсъ въ силахъ, оказались парализованными. И достигнуто это было при весьма малыхъ потеряхъ. Потери германскаго флота въ общемъ превышаютъ наши. Такимъ образомъ, въ первое полугодіе задачу свою флотъ исполнилъ.

Заканчивая обзоръ военно-морскихъ дѣйствій, невозможно не коснуться хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ военныхъ дѣйствій на сушѣ; въдѣ ими опредѣлится окончательный результатъ настоящей войны, для которой успѣхъ военно-морскихъ операцій—лишь одна изъ необходимыхъ ступеней.

Теперь уже въ значительной степени выяснился первоначальный планъ кампаніи, выработанный германскимъ большимъ генеральнымъ штабомъ. Сосредоточивъ главную массу войскъ на границѣ съ Франціей и Бельгіей и оставивъ на своей восточной границѣ лишь сравнительно небольшіе заслоны, они предполагали подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ на своемъ правомъ флангѣ сломить не успѣвшую еще сосредоточиться французскую армію, а затѣмъ быстрымъ движеніемъ на

Парижъ принудить Францію къ сепаратному миру. Тѣмъ временемъ должно было итти энергичное формированіе новыхъ частей съ расчетомъ утроить, а, можетъ, даже учетверить число боевыхъ единицъ мирнаго времени. Такое быстрое развертываніе новыхъ войскъ, съ присоединеніемъ корпусовъ, освобождавшихся во Франціи по мѣрѣ завершения тамъ операций, должно было дать нѣмцамъ значительное превосходство въ силахъ надъ нами, уже ослабленными, по ихъ соображеніямъ, борьбой съ австрійской арміей, направленной съ юга въ районъ Холмъ—Люблинъ,—такое превосходство, которое позволило бы имъ разбить наши арміи и далеко продвинуться въ глубь страны.

Дѣйствительность значительно спутала эти расчеты. Неожиданное сопротивление Бельгій, задержавъ наступленіе нѣмцевъ, дало возможность французской арміи не только сосредоточиться, но и начать активныя встрѣчныя операции (бой у Шарлруа). Выяснивъ такимъ образомъ, что главныя массы войскъ германцевъ находятся на ихъ правомъ флангѣ, генералиссимусъ Жоффръ чрезвычайно искуснымъ маневрированіемъ вывелъ свои войска и началъ отступленіе въ долину Марны, на линію Парижъ—Верденъ, гдѣ, по его расчету, онъ могъ сосредоточить силы, достаточныя для большого сраженія. Къ этому же времени мы энергично двинулись въ Восточную Пруссію, сломивъ сопротивленіе выставленныхъ въ видѣ заслона корпусовъ, и этимъ заставили нѣмцевъ новыя формированія, а, можетъ быть, и нѣкоторую часть дѣйствовавшихъ въ Бельгій направить на востокъ. Сраженіе на Марнѣ, закончившееся отступленіемъ германской арміи, было вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніемъ первоначальнаго побѣдоноснаго молниеноснаго германскаго плана войны. Надежда на заключеніе сепаратнаго мира съ Франціей пала. Нѣмецкая армія оказалась прикованной къ французской, и Германіи пришлось начать войну на обоихъ фронтахъ сразу. Тѣмъ временемъ мы успѣли не только остановить подъ Люблиномъ движеніе австрійцевъ въ глубь нашего отечества, но и въ рядѣ сраженій нанести австрійской арміи серьезное пораженіе, значительно подорвавшее ея моральное состояніе. Результатомъ этого явились захватъ восточной Галиціи со Львовомъ и дальнѣйшее наше наступленіе въ западную Галицію, обезпечивавшее нашъ лѣвый флангъ отъ обхода съ юга-запада и существенно сокращавшее нашъ общій фронтъ.

Все, что произошло дальше на восточномъ фронтѣ, можно охарактеризовать для германскихъ операций, какъ стратегическую оборону при тактическомъ наступленіи. Совершенно ясно, что вести стратегически наступательныя операции у насъ при томъ, что во Франціи должна оставаться большая половина арміи, Германіи не въ состояніи. И вотъ мы видимъ со стороны Германіи рядъ наступленій сравнительно неглубокихъ, смыслъ которыхъ явно заключается въ оборонѣ восточныхъ гра-

ницъ Германи отъ нашего вторженія. Всѣ эти наступленія, имѣвшія вначалѣ частичный успѣхъ (повидимому, въ планѣ германцевъ и входитъ развитие наступательныхъ операцій въ пунктахъ нашего фронта, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ имъ удалось имѣть перевѣсъ), были неизмѣнно останавливаемы нашими войсками. Наступленіе ихъ въ Восточной Пруссіи разбилось объ Оссовецъ и линію р. Пѣманъ. Варшавская первая операція, широко поддержанная австрійцами, прекратилась на линіи Висла—Санъ. Вторая варшавская, нынѣ заканчивающаяся, останавливается еще западнѣе—на линіи Бзура—Сохачевъ—Пилица—Инда—Дунаецъ—Карпатскіе перевалы. Между тѣмъ, по мѣрѣ затяжки кампаніи, усиленія нашей арміи и ослабленія сопротивленія австрійской, операціи на нашемъ фронтѣ требовали отъ Германи все новыхъ и новыхъ войскъ. Новыхъ формированій оказывалось уже недостаточно, приходилось опять ослаблять западный фронтъ и этимъ окончательно отказываться отъ достиженія тамъ рѣшительныхъ результатовъ. Послѣ своего отступленія на р. Энъ, Германія еще разъ пыталась нанести французамъ рѣшительный ударъ опять обходомъ и сосредоточеніемъ значительныхъ силъ на своемъ правомъ флангѣ. Взятіе Антверпена и движеніе на Ипръ и Лилль, а затѣмъ сраженія на р. Лисъ и Изерскомъ каналѣ,—вотъ этапы этой операціи. Однако и здѣсь они потерпѣли неудачу отчасти благодаря тому, что фронтъ франко-англо-бельгійской арміи уже достигъ моря и обходъ пришлось вести на самомъ побережьѣ. А здѣсь крайній французскій лѣвый флангъ былъ подкрѣпленъ дѣйствіемъ судовой артиллеріи англійскаго флота. Въ результатѣ—полная неудача изерской операціи и огромныя потери. А тутъ подходитъ моментъ, когда запасы людскіе приходятъ къ концу, формированіе новыхъ частей начинается быть сопряжено все съ большими и большими трудностями. Подходить переломъ операцій на западномъ фронтѣ, когда инициатива переходитъ уже къ французской арміи. Тѣмъ временемъ австрійская армія получаетъ новый и совершенно неожиданный ударъ отъ маленькой Сербіи, почти уничтожающей австрійскую южную армію въ самый критическій моментъ третьяго наступленія австрійцевъ (2-я варшавская операція) въ обходъ нашего лѣваго фланга. Это, конечно, еще болѣе закрѣпляетъ наше положеніе и помогаетъ благополучной для насъ окончательной ликвидаціи этого наступленія. Въ такомъ положеніи мы находимся къ концу перваго полугодія войны.

Эти полгода не были триумфальнымъ шествіемъ впередъ. Это была упорная борьба, потребовавшая крупныхъ жертвъ, высокаго искусства управленія и напряженія всѣхъ силъ. Были и частичныя неудачи. Но оно и не могло быть иначе. Идетъ не война мелкихъ государствъ, а борьба на жизнь и смерть величайшихъ военныхъ державъ міра. Окончательная побѣда здѣсь можетъ быть достигнута лишь цѣною величай-

шихъ усилий, полного напряженія и упорства. Борьба неизбежно идетъ съ переменнымъ счастьемъ, удары наносятся съ обѣихъ сторонъ, движеніе не можетъ быть лишь поступательное, а уподобляется движенію морскихъ волнъ, накатывающихся на противника. Но если мы отвлечемся отъ этихъ мелкихъ эпизодовъ и взглянемъ на общій ходъ событий, то мы увидимъ, что за эти первые полгода мы достигли весьма значительныхъ успѣховъ. Молниеносный планъ уничтоженія нашего союзника—Франціи—уничтоженъ. Ударъ на насъ всѣми силами сдѣлался невозможнымъ, и, наоборотъ, западный фронтъ Германіи находится подъ угрозой французскаго натиска и требуетъ массы войскъ.

Австрийская армія многократно разбита, духъ ея сломленъ и материальная часть ослаблена. Наше движеніе на западъ идетъ медленно и съ перерывами, *но неуклонно* впередъ. Оно останавливается великими битвами, но рубежи нашихъ остановокъ также неуклонно продвигаются на западъ. Нѣманъ, затѣмъ Висла—Санъ, затѣмъ Бзура—Дунаецъ,—вотъ эти рубежи, и они не требуютъ комментаріевъ. Ихъ относительное положеніе убѣдительно всѣхъ доказательствъ и разсужденій.

Россія можетъ безъ опасеній встрѣтить новый 1915 годъ, начинающій второе полугодіе великой борьбы. Затраченныя усилія и жертвы не пропали даромъ. И, можетъ быть, всего рѣзче и выпуклѣе это подчеркнута самими нашими противниками. О чемъ говорили они въ началѣ войны, какія задачи ставили своей арміи на восточномъ фронтѣ! Убѣжавшіе изъ Германіи и Австріи наши соотечественники слышали постоянно о Петроградѣ и Кіевѣ.

Эти пункты казались нѣмцамъ вполне достижимыми и близкими, взятіе ихъ составляло ближайшую цѣль нашихъ противниковъ.

О чемъ мы слышимъ теперь? Варшава и Львовъ (а, можетъ быть, уже и Перемышль) замѣнили Петроградъ и Кіевъ. Какое большое разстояніе. А вѣдь оно пройдено въ теченіе всего полгода. Будемъ же спокойно и съ довѣріемъ ожидать второй половины успѣшно начатой кампаніи.

Н. Нордовъ.

Декабрь 1914 г. Петроградъ.

Памяти Андрея Михайловича Рыкачева.

I. Страничка воспоминаний.

Я приехалъ въ Саратовъ въ июль 1901 года. Временно лишешный вмѣстѣ со многими другими литераторами права жить въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, я получилъ тогда приглашеніе редактировать *Саратовскій Дневникъ*, только что передъ тѣмъ приобретенный извѣстнымъ земскимъ и общественнымъ дѣятелемъ П. Н. Львовымъ. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты я встрѣтилъ тогда же юнаго А. М. Рыкачева, попавшаго въ Саратовъ по одинаковымъ со мной причинамъ. Какъ сейчасъ помню первую встрѣчу съ нимъ въ редакціи. Одѣтый въ синюю ситцевую рубашку, Андрей Михайловичъ имѣлъ видъ мальчика съ милымъ интеллигентнымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись живые и честные глаза, сразу къ нему привлекавшие. На самомъ дѣлѣ, онъ въ это время уже окончилъ курсъ петербургскаго университета и ему было 24 года.

А. М. при первой же встрѣчѣ сказалъ мнѣ, что интересовался въ университетѣ больше всего экономическими науками и что, сообразно съ этимъ, думаетъ работать въ газетѣ, главнымъ образомъ, по вопросамъ экономической жизни. Убѣдившись, однако, изъ разговора съ нимъ, что онъ очень начитанъ и свѣдуецъ и въ области исторіи и, кромѣ того, владѣетъ иностранными языками, я просилъ его взять на себя завѣдываніе иностраннымъ отдѣломъ газеты, на что онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и согласился. Составлявшіяся имъ ежедневно хроники заграничной жизни были всегда очень живо и интересно подобраны; а разъ въ недѣлю онъ давалъ, независимо отъ газетныхъ вырѣзокъ и выдержекъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, еще и „иностранная обзрѣнія“, талантливо и интересно составленныя. Но роль его въ газетѣ этимъ отнюдь не ограничивалась. Редакція у насъ была коллективная, мы часто собирались и обсуждали и общія задачи газеты, и различные вопросы текущей общественной и политической жизни, причемъ очень скоро выяснились и взгляды всѣхъ наличныхъ